

2025

Том 16. № 2

2025. Vol. 16. No. 2

DOI: [10.19181/vis.2025.16.2](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.2)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Великая Победа
в исторической памяти
и социальных практиках
регионов России**

/ Победа в исторической памяти

/ Воспитание патриотизма

/ Методы исследования молчания

/ Образ желаемого будущего

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2025

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2025. Том 16. № 2

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2018 г.

9 772221 161006 >

© Вестник Института социологии, 2025

© Vestnik instituta sotziologii, 2025

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: LASLIB

О Выпуске	8
<i>Аксенова О. В.</i> Героическое прошлое в образе будущего	8
Тема номера:	
Великая Победа в исторической памяти и социальных практиках регионов России	14
<i>Адиев А. З.</i> 80-летие Победы в Великой Отечественной войне: роль исторической памяти в воспитании патриотизма в Дагестане.....	14
<i>Шульга М. М., Иванова С. Ю.</i> Победа в Великой Отечественной войне как ценностно-смысловая основа формирования патриотизма у молодежи Северного Кавказа	32
<i>Воденко К. В., Иванченко О. С., Шевченко О. М.</i> Боевые традиции казачества в годы Великой Отечественной войны и в современности	50
Молодежь российских регионов.....	71
<i>Атласкиров А. Р.</i> Трудовые установки студенческой молодежи Северного Кавказа	71
<i>Сапрыка В. А., Дорохова Ю. В., Хатнюк Н. Н.</i> О формировании гражданской идентичности у студенческой молодежи Орловской области	86
Вопросы социологической методологии	108
<i>Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А.</i> Сопоставление методик Хофстеде и Минкова для измерения социокультурных характеристик.....	108
<i>Спиркина А. К.</i> Социологические методы исследования молчания.....	135
Образ будущего в сознании россиян	151
<i>Немировский В. Г., Новиков А. С.</i> Образ желаемого личного будущего жителей Красноярского края	151
Трибуна молодого ученого	168
<i>Дианов Р. К.</i> Развитие теории карьеры: интегративная перспектива на основе идей П. Бурдье	168
<i>Брыкова С. С.</i> Национальные виды спорта в жизни региональной молодежи (пример Республики Бурятия)	189

Contents

About the Issue 8

Aksenova O. V. The heroic past in the image of the future 8

Theme of the issue:

The Great Victory in the historical memory and social practices of the regions of Russia 14

Adiev A. Z. The 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War:
the Role of Historical Memory in the Patriotic Education in Dagestan 14

Shulga M. M., Ivanova S. Yu. Victory in the Great Patriotic War
as a value and semantic basis for the formation of patriotism
among young people in the North Caucasus 32

Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Shevchenko O. M. Combat traditions
of the Cossacks in the Great Patriotic War and in modern times..... 50

Youth of the Russian regions 71

Atlaskirov A. R. Labour Attitudes of student youth
in the North Caucasus 71

Sapryka V. A., Dorokhova Yu. V., Khatnyuk N. N. On the shaping
of civic identity among student youth in the Oryol region..... 86

Questions of sociological methodology 108

Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A.
Comparison of Hofstede and Minkov methods
for measuring socio-cultural characteristics 108

Spirkina A. K. Sociological methods of studying silence 135

Image of the future in the consciousness of Russians 151

Nemirovsky V. G., Novikov A. S. The image of the desired personal future
of Krasnoyarsk Krai residents 151

Tribune of a young scientist 168

Dianov R. K. Development of career theory:
an integrative perspective based on the ideas of P. Bourdieu 168

Brykova S. S. National sports in the life of regional youth
(the case of the Republic of Buryatia) 189

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.1

EDN: JKOITZ

Героическое прошлое в образе будущего

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Героическое прошлое в образе будущего. 2025. Том 16. № 2. С. 8–13. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.1; EDN: JKOITZ.

For citation: Akseanova O. V. The heroic past in the image of the future. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 8–13. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.1; EDN: JKOITZ.

Тема выпуска посвящена 80-летию Великой Победы и это не только дань памяти. Великая Отечественная война была и остается событием безоговорочно социально значимым для российского общества и более чем актуальным для социологических исследований. Влияние реальности войны и памяти о ней на ценности советского, а затем российского (и не только) общества не исследовано в полной мере. Оно чаще всего не осознается и не фиксируется социологами, но можно предположить, что не только любовь к Родине, но и отношение к дружбе как к братству, более важному, чем кровное, отношение к жизни и смерти формировались во время войны и воспроизводились затем послевоенными поколениями вне зависимости от этнической принадлежности, политических и иных позиций.

Бессмертный полк и его массовость свидетельствуют о том, что память о Великой Отечественной жива, несмотря на все социально-политические и экономические трансформации, на вызванные ими изменения установок в обществе, и что прежде всего она есть память семейная. Современные цифровые технологии способствуют этой «семейности», потому что позволили создать ресурсы, на которых можно прочесть живую речь командиров в наградных представлениях, проследить боевой путь прадедушки или прабабушки.

Великая Отечественная война как реальность, как память, как образ и культурный миф в итоге оказалась одним из социокультурных оснований российского (и не только) общества, едва ли не равным по значимости русскому языку. Это подтверждается нынешней стратегией отмены обоих в информационной войне Запада против России и предыдущими попытками переконструирования исторической памяти в эпоху перестройки и «длинных девяностых».

Память о Великой Отечественной до сих пор объединяет народы России и постсоветских государств, ее влияние наднационально и надконфессионально, поэтому попытки разорвать эту связь посредством создания искажающих историю конструкторов неизбежно будут продолжаться. Направление главного информационного удара внутри страны несложно вычислить: Северный Кавказ с его этническим и культурным

разнообразием, экономическими сложностями, с недавними двумя чеченскими войнами, всплесками агрессии радикальных группировок. По этой причине две статьи темы номера посвящены формированию патриотизма в кавказских республиках. Исследование традиций донского казачества также представляется важным, так как речь идет о приоритете любви к родине особого социума служилых людей, который исторически противостоял государству, затем представлял его интересы на землях фронта, а перед войной, пережил период драматичных и противоречивых взаимоотношений с советской властью.

Открывает номер статья [А. З. Адиева](#) (Махачкала) [«80-летие Победы в Великой Отечественной войне: роль исторической памяти в воспитании патриотизма в Дагестане»](#). В ней представлены результаты исследования роли памяти о Великой Отечественной войне в практике патриотического воспитания. Внешнее деструктивное информационно-идеологическое давление на молодежь республики в последние годы стало носить системный характер. Оно направлено прежде всего на размывание российской гражданской идентичности и культивирование религиозной нетерпимости в массовом сознании местной молодежи. В этой ситуации именно тема Великой Отечественной войны по-прежнему мобилизует патриотические чувства жителей республики, сочетая общенациональные и локальные смыслы. Большинство мероприятий, приуроченных к празднованию юбилея Великой Победы в республике, являются частью общероссийских коммеморативных практик. Однако многие акции местных властей остались незамеченными в негосударственном сегменте информационных ресурсов республики. По мнению автора, основным недостатком многих патриотических мероприятий является формализм, устаревшие методы работы и слабый учет этнокультурной специфики региона. Автор отмечает, что положительный эффект от реализации патриотических проектов пока недостаточен; в воспитательной работе с молодежью важно опираться на локальный и региональный патриотизм, не отделяя, однако, его от общероссийского.

С А. З. Адиевым солидарны [М. М. Шульга](#) и [С. Ю. Иванова](#) (Ставрополь) – авторы статьи [«Победа в Великой Отечественной войне как ценностно-смысловая основа формирования патриотизма у молодежи Северного Кавказа»](#). В статье рассматриваются пути формирования общероссийского патриотизма у полиэтнической молодежи Северного Кавказа и роль исторической памяти о Великой Отечественной войне в этом процессе. Авторы также пришли к выводу о том, что основным объединяющим символом, способствующим формированию патриотизма в полиэтнической среде народов Северного Кавказа, остается память о Великой Отечественной войне, о совместном подвиге народов и общей Победе, которая является ценностно-смысловой основой формирования патриотизма. Актуальная проблематика патриотизма связана в представлениях молодых людей с военным прошлым, они говорят прежде всего о необходимости защиты Родины, приводят примеры из истории Великой Отечественной войны. Символы и герои, репрезентирующие патриотизм,

также относятся по большей части к победе в Великой Отечественной войне и ее ключевым сражениям. С памятью о ней связаны и наиболее эффективные, по мнению молодежи, практики формирования патриотизма.

В статье [К. В. Воденко](#) (Новочеркасск), [О. С. Иванченко](#) (Новочеркасск), [О. М. Шевченко](#) (Ростов-на-Дону) [«Боевые традиции казачества: проявление в годы Великой Отечественной войны и воспроизводство в современности»](#) показана траектория формирования боевых традиций российского казачества, их проявление в годы Великой Отечественной войны и в современных условиях. Военные традиции казаков воспроизводятся по сей день, несмотря на утрату позиции служилого сословия после революции 1917 года. Казачьи формирования имели особый статус иррегулярной армии и отличались автономностью несения военной службы, что во многом определило специфику традиций, в числе которых боевое товарищество (казаки не бросают своих), землячество и православная вера, переплетенная со старинными суевериями. Авторы пишут и о расколе в среде казаков, о коллаборационизме их меньшей части, в основном эмигрантов, вставших на сторону Гитлера. Но подавляющее большинство советских казаков героически сражались в составе РККА. В статье рассматриваются также современная институционализация казачьих традиций и трансляция казачьего патриотизма молодым поколениям. Показано, как в настоящее время казаки продолжают выполнять не только военные функции (в т.ч. в зоне СВО), но и обеспечивают на добровольных началах охрану государственной границы и объектов социальной инфраструктуры.

Наша традиционная рубрика [«Молодежь российских регионов»](#) представлена двумя статьями. Работа [А. Р. Алтаскирова](#) (Нальчик) [«Трудовые установки студенческой молодежи Северного Кавказа»](#) отчасти продолжает кавказскую тему, фокусируясь на проблемах молодежи, которая делает ее уязвимой перед обозначенным выше внешним давлением. Так, автор показывает, что среди студентов региона широко распространено стремление к переезду за границу или в крупный город. Наиболее популярными целями учебы являются получение постоянной работы и обеспечение высокого благосостояния, главными проблемами – структурная безработица и низкая оплата труда, из-за них малая доля студентов собирается работать по специальности. При этом на Северном Кавказе доля желающих жить в малом городе или в селе больше, чем в среднем по стране. Автор объясняет данный феномен распространенностью традиционных ценностных установок и многопоколенных семей. Кроме того, большинство студентов считает, что добиться успеха позволяют личные качества человека, на родственников полагается меньшая часть, что говорит о формировании позитивных трудовых установок.

В статье [В. А. Сапрыки](#) (Белгород), [Ю. В. Дороховой](#) (Орел), [Н. Н. Хатнюк](#) (Орел) [«О формировании гражданской идентичности у студенческой молодежи Орловской области»](#) представлены результаты анализа гражданской идентичности студенческой молодежи региона. По мнению авторов, главными ее компонентами являются когнитивный, ценностно-эмоциональный и поведенческий. Последний предполагает активную

гражданскую позицию и участие в важных для страны событиях. Авторы утверждают, что сегодня необходимы усилия государства и общества, направленные на возрождение базовых ценностей: любви к Родине, милосердия, любви и уважения к своим близким, желания завести собственную семью и т.п. Исследование показало, что молодежь гордится своей Родиной, многие хотят участвовать в мероприятиях военно-патриотического характера, однако реально участвующих молодых людей отмечено не так много. В то же время молодежь готова поддержать создание механизмов государственного регулирования в сфере формирования гражданской идентичности. Авторы также говорят о важности мониторинга, позволяющего выявить негативное влияние на ценностные ориентации молодых людей, поскольку их настроения подвижны.

В рубрике [«Вопросы социологической методологии»](#) также две статьи, посвященные очень разным методам исследования. В работе [А. Д. Волкова, А. О. Аверьянова, Н. А. Росляковой](#) (Петрозаводск) [«Сопоставление методик Хофстеде и Минкова для измерения социокультурных характеристик»](#) представлены результаты проверки качества и сопоставления методик и моделей Г. Хофстеде и М. Минкова при измерении социокультурных характеристик на индивидуальном уровне. Обе методики, по мнению авторов, имеют недостатки и особенности, требующие дальнейшего углубленного анализа, однако несколько большим исследовательским потенциалом на индивидуальном уровне измерений обладает модель Хофстеде. Авторы полагают перспективным в дальнейшем проведение сравнительной оценки номологической валидности и объясняющей способности моделей Хофстеде и Минкова в рамках исследования характеристик и социально-экономических практик населения, а также различных аспектов экономического развития регионов РФ.

Работа [А. К. Спиркиной](#) (Москва) [«Социологические методы исследования молчания»](#) посвящена методам исследования довольно экзотического для российской социологии объекта, а именно молчания как социального феномена. Трудности его анализа обусловлены высокой степенью неопределенности, множественностью интерпретаций и даже мистификациями. Автор развивает микроструктурный социологический подход к пониманию молчания как элемента ситуации. Молчание понимается как принципиально слышимый и наблюдаемый феномен. Конституируется набор основных методов исследования молчания. Наблюдение, основанное на понимании смысла, является ключевым исследовательским методом, дополняют его методы интервью и анализа документов и методы конверсационного анализа. Для воздействия на ситуацию используется эксперимент, который позволяет найти зоны, в которых молчание или его отсутствие являются значимыми элементами. Автор утверждает, что исследование с применением рассмотренных методов может дать понимание роли молчания в социальном взаимодействии, его месте в структуре конкретных типов социальных ситуаций, и тем самым получить ясное, эмпирически верифицируемое знание о молчании как феномене социальном.

Рубрика [«Образ будущего в сознании россиян»](#) содержит статью [В. Г. Немировского](#) (Москва) и [А. С. Новикова](#) (Красноярск) [«Образ желаемого личного будущего жителей Красноярского края»](#). Авторы используют в качестве методологического подхода концепцию Э. Фромма о двух модусах существования человека – Бытии и Обладании. Они выявили неоднозначную тенденцию: на вербальном уровне у жителей региона за последние восемь лет усилилась ориентация на ценностные конструкции модуса Бытия, однако на уровне массового бессознательного ориентация на модус Бытия во многом осталась прежней, при этом несколько возросло стремление к Обладанию. Декларируемые ценности Бытия не противоречат ценностям обладания, а образуют с ними достаточно сложные комплексные структуры, где ценность Бытия декларируется вербально, но на бессознательном и поведенческом уровне она реализуется, скорее, как ценность Обладания. Авторы объясняют данный феномен процессами интенсивной социокультурной турбулентностью, а также укоренением потребительской идеологии в современном российском обществе.

Традиционная для нашего журнала рубрика [«Трибуна молодого ученого»](#) представлена статьями различных научных направлений. В работе [Р. К. Дианова](#) (Москва) [«Развитие теории карьеры: интегративная перспектива на основе идей П. Бурдье»](#) представлен обзор развития теории карьеры в современной социологии труда от традиционных субъективистского и объективистского подходов к более современным теоретическим моделям, концепции «протейной» и «безграничной» карьеры. Суть эволюции концепций заключается в переходе от взглядов на карьеру, как на последовательное восхождение по корпоративной лестнице ко множественности, гибкости и неоднозначности возможных направлений профессионального развития. В новых теориях в фокусе внимания находится субъектность (агентность, по определению автора) работника, но не учитывается структура, в которой он выстраивает свою карьеру. По мнению автора, сегодня социологии необходим интегративный подход к феномену карьеры, который соединит индивидуально-личностные и структурные факторы, в качестве ее основы можно использовать систему динамически взаимодействующих понятий П. Бурдье (габитус, поле, капитал).

Статья [С. С. Брыковой](#) (Улан-Удэ) [«Национальные виды спорта в жизни региональной молодежи \(пример Республики Бурятия\)»](#) посвящена малоизученному, но весьма важному для региона предмету – национальным видам спорта. Автор считает, что у молодежи региона популярны эгоистические мотивы занятий физической культурой и спортом, но в тоже время, молодые люди не ограничиваются фитнесом, национальные виды спорта также активно развиваются в регионе, в том числе и в молодежной среде, они не требуют материальных затрат и приносят уважение участнику. Они знакомы даже представителям муниципальных образований с преобладанием небурятского населения. Автор доказывает, что национальные виды спорта могут стать способом вовлечения молодежи в массовый спорт, но, кроме того, они могут стать и одной из значимых составляющих гармоничного социального развития регионов с учетом особенностей традиций и уникальной культуры народов РФ.

Статьи выпуска в целом отражают противоречивость нынешней эпохи. Она гедонистическая и потребительская не потому, что все разом стали богатыми, но концептуально, по сложившимся за годы спокойной жизни ориентациям на достижение высокого достатка и комфорта. Это не мешает интересу молодых (и не только молодых) людей к истории Великой Отечественной войны, подвигу страны и своих предков, не мешает разделять ценности, которые авторы статей называют традиционными или базовыми (патриотизма, милосердия, семьи и целого ряда других), любить малую и большую Родину. При этом едва ли не все авторы отмечают некоторое расхождение между «словом и делом», между декларацией и действием и даже сложную реализацию модуса обладания через модус бытия, потребительского через духовно-нравственное. Это расхождение может быть опасным при нарастающем внешнем давлении в условиях СВО, в ситуации общемировой конфликтности, перехода локальных холодных войн в горячую стадию. В работе государства по формированию идентичности, воспитанию патриотизма важно избежать ловушки формализма, которая обозначенный разрыв может только усилить. Память о Великой Отечественной войне важна уже потому, что она глубоко семейная, неформальная, объединяющая. Анализ рожденных войной и Победой ценностей и смыслов поэтому необходимо продолжить. Мы планируем сделать рубрику о ней постоянной и ожидаем статей по данной теме от наших коллег.

ТЕМА НОМЕРА

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.2

EDN: JCMNBC

80-летие Победы в Великой Отечественной войне: роль исторической памяти в воспитании патриотизма в Дагестане¹

Ссылка для цитирования: Адиев А. З. 80-летие Победы в Великой Отечественной войне: роль исторической памяти в воспитании патриотизма в Дагестане // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 14–31. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.2; EDN: JCMNBC.

For citation: Adiev A. Z. The 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: the Role of Historical Memory in the Patriotic Education in Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 14–31. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.2; EDN: JCMNBC.

Адиев Асланбек Залимханович¹

¹Региональный центр этнополитических исследований ДФИЦ РАН,
Махачкала, Россия

Khalid_84@mail.ru

SPIN-код: 7617-2483

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования региональных проблем и практик патриотического воспитания в среде молодежи Республики Дагестан и роль исторической памяти о Великой Отечественной войне в этом вопросе. На основании результатов экспертного опроса, проведенного среди субъектов воспитательной работы с молодежью республики, автором установлено, что основными недостатками практик в области патриотического воспитания в республике являются: распространенность формализма в проведении многих патриотических мероприятий, распространенность устаревших методов в работе с молодежью, а также слабый учет этнокультурной специфики региона. Серьезным препятствием на пути совершенствования этой работы является внешнее деструктивное информационно-идеологическое давление на молодежь республики, которое в последние годы стало носить системный характер. Оно направлено,

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтнического российского общества» (FSRN-2023-0025)» Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг.

прежде всего, на размывание российской гражданской идентичности и культивирование религиозной нетерпимости в массовом сознании местной молодежи. Несмотря на положительный эффект от реализации в республике многих общероссийских патриотических акций и проектов, опрошенные эксперты отмечают их недостаточность и важность опоры на местный и региональный патриотизм в воспитательной работе с молодежью, привитии любви к малой родине через бережное отношение к родным языкам, культуре и традициям народов Дагестана. Проведенный автором обзор современной научной литературы по проблематике патриотизма в Дагестане выявил, что основной темой, мобилизующей патриотические чувства жителей республики, остается тема Великой Отечественной войны, сочетающая в себе общенациональные и локальные смыслы. Выявлено, что большинство мероприятий, приуроченных к празднованию юбилея Великой Победы в республике, являются частью общероссийских коммеморативных практик, что свидетельствует о хорошей включенности республики в федеральные проекты по мобилизации коллективной памяти и патриотизма. Вместе с тем, результаты мониторинга информационного поля региона в преддверии празднования юбилея Победы показали, что многие акции и инициативы местных властей по воспитанию патриотизма на основе исторической памяти о Великой Отечественной войне остались незамеченными в негосударственном сегменте информационных ресурсов республики. Общественность положительно реагирует на инициативы власти в области исторической памяти, которые отвечают запросам населения и выражает свое негативное отношение, если власть не учитывает приоритеты и потребности общества.

Ключевые слова: Республика Дагестан, историческая память, Великая Отечественная война, юбилей Победы, воспитание патриотизма, молодежь, идентичность

Введение

В честь 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и в знак уважения к участникам специальной военной операции 2025 год объявлен в России Годом защитника Отечества. По всей стране проводятся масштабные памятные мероприятия, направленные на укрепление исторической памяти о подвиге наших предков и воспитание на этой основе патриотизма, что стало одним из приоритетных направлений внутренней политики государства [10, с. 66]. Особенностью Республики Дагестан (РД) в контексте проблемы патриотического воспитания является то, что молодежь здесь подвергается массированному деструктивному информационно-идеологическому воздействию, направленному на размывание гражданской идентичности, разжигание межнациональной и религиозной розни в обществе. Среди всех субъектов РФ Дагестан испытывает самое сильное системное информационно-психологическое давление со стороны Запада с целью дестабилизации общественно-политической обстановки¹. Из отчета министра МВД по РД за 2024 г. следует, что в регионе кратно выросло число публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или его пропаганды; продолжается

¹ В ФАДН называли самый страдающий от давления Запада российский регион // РИА «Новости». 2024. 10.09. URL: <https://ria.ru/20240910/vfadn-1971735661.html> (дата обращения: 30.03.2025).

активная пропаганда экстремистской идеологии; растет подростковая преступность. К примеру, из 37 лиц, выявленных в 2024 г. как причастные к заведомо ложным сообщениям об актах терроризма, 17 составили дети, не достигшие возраста уголовной ответственности¹. Среди участников резонансного антиизраильского погрома в махачкалинском аэропорту в октябре 2023 г. были и несовершеннолетние: тогда в отделения полиции были доставлены 28 подростков². Все это свидетельствует о наличии не только общих, но и специфических региональных проблем в сфере воспитания патриотизма и гражданственности в Дагестане [1, с. 68]. Проблема «регионального патриотизма» выражается в формировании индифферентного отношения к малой родине, а также в миграционных установках у значительной части (около 1/3) дагестанцев [2, с. 78]. Власти осознают необходимость идеологической работы с молодежью, важность привития подрастающему поколению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, и, несмотря на наличие серьезных проблем, нельзя сказать, что в республике в этом направлении ничего не делается [6; 13]. В то же время среди множества общероссийских патриотических акций властям необходимо найти пространство для выражения «местного патриотизма», поскольку с утратой чувства любви к «малой родине» размывается ценность и общегражданского патриотизма [11]. В статье представлены результаты экспертного опроса о патриотическом воспитании молодежи в Дагестане, а также анализа информационного поля региона за первый квартал 2025 г. в контексте подготовки к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные проблемы и специфику воспитания патриотизма среди молодежи в Дагестане, особенно в контексте сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Методика исследования

В Дагестане воспитание патриотизма, под которым мы понимаем процесс формирования у граждан любви к своей стране, чувства гордости за ее историю и культуру, желания служить интересам нации и вносить свой вклад в ее развитие, охватывает всю систему дошкольного, школьного, среднего специального и высшего образования. В этом процессе активно участвуют представители молодежных, волонтерских и других общественных организаций, сотрудничающих с Министерством по делам молодежи РД; представители официального духовенства (Муфтията Дагестана, Махачкалинской епархии РПЦ), тренерский состав спортивных секций, курируемых Министерством по физической культуре и спорту РД; работ-

¹ Отчет Министра внутренних дел по Республике Дагестан А. М. Магомедова Народному Собранию Республики Дагестан // Официальный сайт МВД по РД. 20.03.2025. URL: <https://05.xn--b1aew.xn--plai/document/63003574> (дата обращения: 29.03.2025).

² Эмоции ушли – последствия остались // Дагестанский общественно-политический еженедельник «Новое дело». 2024. 08.03. № 9. С. 3.

ники музеев, библиотек, театров и других учреждений культуры, подчиненных Министерству культуры РД; депутаты всех уровней и местные администрации. Соответственно, в экспертном опросе о проблемах и практике воспитания патриотизма в молодежной среде региона приняли участие школьные учителя, преподаватели вузов, общественные деятели, представители мусульманского духовенства, а также органов государственной власти и местного самоуправления, уполномоченных в сфере молодежной политики, культуры, спорта и образования в Республике Дагестан. Всего опрошено 16 человек, из которых 5 – школьные учителя и преподаватели вузов, 4 – руководители общественных организаций патриотической и волонтерской направленности, 3 – представители административных структур и депутаты, 2 – работники учреждений культуры, 2 – представители мусульманского духовенства. Выявление современных примеров использования исторической памяти о Великой Отечественной войне в воспитании патриотизма осуществлялось методом анализа документов и мониторинга информационного поля республики в мессенджере Телеграм (ТГ) – самой популярной на сегодняшний день в РД платформе для получения информации и обратной связи от населения. Мониторинг регионального информационного поля в контексте подготовки к празднованию 80-летия Победы проводился в течение всего первого квартала 2025 года на основе обзора сетки ТГ-каналов, специализирующихся на дагестанской новостной и общественно-политической тематике.

Воспитание патриотизма: проблемы и практики

Патриотизм в Дагестане выступает как интегративный фактор, способствующий политической консолидации этнически и конфессионально неоднородного общества [3, с. 49]. Однако процесс его воспитания осложняется рядом социально-экономических, культурных и политических факторов. Вся северокавказская мусульманская молодежь подвергается систематическому информационно-идеологическому воздействию, направленному на искоренение российского гражданского самосознания и противопоставление ему политизированной этнической или религиозной идентичности [4]. Активное проникновение западных и ближневосточных культурных паттернов через интернет и социальные сети создает конкуренцию традиционным российским ценностям, что может привести к маргинализации патриотических идеалов в молодежной среде. Как отмечает дагестанский политолог, случаи националистических проявлений и оскорбления чувств верующих в российском обществе немедленно подхватываются проповедниками радикального исламизма, нацеленными на дагестанскую аудиторию, и используются ими для оправдания сепаратистского дискурса в регионе [8, с. 40]. Кроме того, сохраняющийся в Дагестане высокий уровень безработицы и миграция молодежи в другие регионы страны ослабляют ее связь с малой родиной, снижая мотивацию к участию в ее развитии [12, с. 260–261]. В ответах

опрошенных экспертов на вопрос о проблемах, существующих в воспитании патриотизма у молодежи региона, отмечены еще такие факторы, как: нехватка кадров, специализирующихся на работе с молодежью; деструктивное информационно-идеологическое воздействие на эту возрастную группу; инфантильность самой молодежи. *«Дагестанская молодежь, они не понимают, что такое патриотизм. Работы тут хоть отбавляй, а работать некому! Власть пренебрегает молодежью, а наши враги хорошо работают с нашей молодежью, настраивая ее против своей страны»* (общественник). *«Конечно, в целом у нас в Дагестане много патриотически настроенных людей, но и проблемы здесь есть. Мы – ахиллесова пята России. Хотя многие наши ребята воюют в СВО, в то же время у нас очень большие проблемы в Дагестане. У нас еще есть серьезные упущения в работе по патриотизму. По российской идентичности нашей молодежи бьют систематически, идеологически обрабатывают их. В этой теме у нас очень большие проблемы»* (представитель мусульманского духовенства); *«В Дагестане есть традиции патриотизма. В то же время идет мощная информационная атака на самосознание людей, особенно молодежи, через антигосударственную интерпретацию драматических страниц истории Кавказа. Навязывается нарратив о «колонизации» и угнетении мусульманских народов Северного Кавказа Россией»* (преподаватель вуза). *«Главную роль здесь играет то, что молодые люди проводят больше времени в интернете и на них может повлиять практически любой, кто этим интересуется, несмотря на все технические ограничения»* (деятель культуры). *«Наша молодежь в большинстве своем инфантильна, требует в первую очередь развлечений и не проявляет особых патриотических чувств своим поведением»* (госслужащий). Продолжая тему, среди проблем, наблюдаемых в Дагестане в воспитании патриотизма, участники опроса назвали: формализм в проведении большинства тематических мероприятий; распространенность устаревших методик в работе с молодежью; влияние экстремистских и радикальных идеологий; слабый учет этнокультурной специфики в этой работе. *«На мой взгляд, в нашем регионе, как, возможно, и по всей стране, воспитание патриотизма в основном сводится к формализму и штурмовщине»* (деятель культуры). *«Я говорю, покажите мне вашу системную работу с молодежью. По-моему, ее нет, есть отдельные мероприятия, но вы этими мероприятиями не влияете на среду человека, не формируете в нем цельную личность»* (представитель мусульманского духовенства). *«Порой сталкиваюсь с такой практикой на школьных мероприятиях по патриотизму: докладчик, какой-то чиновник, приходит к детям, достает распечатанный на бумаге доклад и читает его, как будто он находится на каком-то совещании. Зачем он это делает, в чем польза от такого метода работы с детьми, он, наверное, и сам не знает»* (учитель). *«У нас вся работа в этом направлении поставлена на имитации. События в аэропорту в октябре 2023 г., протесты в связи с объявлением частичной мобилизации в сентябре 2022 г. Почему все это происходит? А потому что работу по патриотизму по факту не проводят, а имитируют! Ненужные какие-то мероприятия*

придумывают, которые никакой пользы не несут для патриотизма, сплошная имитация работы. На мероприятиях по патриотизму звучат общие банальные слова, пустота, главное – отчет» (общественник). «В последнее время заметил такую тенденцию, что некоторые ресурсы, заточенные на нашу дагестанскую молодежь, отходят от религиозных проблем и все больше упирают на историческую тематику, например, на тему Кавказской войны или тему депортаций народов во время Великой Отечественной войны. Затем это все преподносят в нужном пропагандистам ключе для воздействия на молодежную аудиторию. И это делают люди, которые не имеют отношения к нашей религии. Ничем не брезгуя, используют самые грязные рычаги для провокаций, для того чтобы стравить народы нашей страны друг с другом» (представитель мусульманского духовенства). «У нашей молодежи обостренное чувство справедливости, и вербовщики в ряды экстремистов и террористов пытаются играть, в том числе, и на этом чувстве. Задача вербовщика – убедить своих слушателей в том, что в России, в том числе и в Дагестане, верующие люди подвергаются дискриминации» (представитель мусульманского духовенства). «Я бы выделил проблему необходимости учета специфики региона в работе по патриотическому воспитанию молодежи. При формировании программ патриотического воспитания, при проведении Всероссийских патриотических акций и мероприятий необходимо учитывать особенности региона, а это не всегда удается сделать. У нас очень многонациональная и большая страна, и, когда мы говорим о патриотическом воспитании, нужно учитывать менталитет, историю и другие особенности нашей республики. Возможно, здесь научные исследования могли бы как-то помочь повысить эффективность наших практик» (госслужащий).

В качестве эффективных практик формирования патриотизма в регионе эксперты чаще всего называют участие в общероссийских проектах. «Конечно, патриотизм сейчас должен быть на первом месте. У нас есть и музеи. Школьный музей боевой славы. Например, в прошлом году мы открыли две мемориальные доски двум ученикам нашей школы. Эти мероприятия прошли на высоком уровне. У нас в школе есть отряд «Юнармия». В принципе, в каждой школе есть такие отряды. Они участвуют в городских мероприятиях, в акции «Вахта памяти», например. С 6-го класса уже можно вступить в «Юнармию», мы им выдаем книжки, то есть они получают удостоверение юнармейца. В целом патриотическое воспитание детей должно быть на высоком уровне» (учитель). «Помимо традиционных акций: «Вахта Памяти», «Диктант Победы», «Георгиевская лента» осваиваются и новые форматы мероприятий. Так, впервые дагестанская молодежь заступила в прошлом году в почетный караул «Пост №1» у памятника воину-освободителю. В новом формате прошла акция «Бессмертный полк», масштабно проведена акция «Свеча Памяти». Впервые в 2023 г. был проведен фестиваль исторической реконструкции «Битва за Кавказ». Всероссийский проект «Поезд Победы» в марте прошлого года и в этом году посетил Махачкалу,

Дербент и Кизляр» (госслужащий). «Сейчас наиболее активно ведется работа по привлечению участников специальной военной операции к мероприятиям патриотической направленности. Самое главное в этой работе то, что мы стараемся на всех площадках, будь то школа, университет, колледж, встречаться и разговаривать с молодежью с глазу на глаз, и чтобы у нашей молодежи были примеры из жизни (госслужащий). «Проводятся такие форматы, как «Диалоги с Героями», «Твой Герой», когда молодежь получает возможность живого общения с героями боевых действий, героями СВО, которые сегодня защищают нашу страну. Такой опыт живого общения, наставничества правильным образом влияет на сознание молодых ребят» (преподаватель вуза). «Каждая новая учебная неделя начинается с прослушивания гимна России, а первый урок «Разговоры о важном» нацелен на нравственно-патриотическое воспитание детей, знакомство с традициями, историей и культурой России» (учитель). «Благодаря проведению молодежных мероприятий, таких как Всероссийский форум «Машук», Студенческая весна и других, молодежь получает шанс проявить себя. Например, форум «Машук» – это место получения новых компетенций, возможность защитить проект и получить финансирование на его реализацию. Все это открывает дополнительные возможности для молодежи. Органы власти создают условия для развития детей. Такие подходы положительно сказываются на формировании патриотизма» (преподаватель вуза).

По мнению респондентов, для повышения эффективности в работе по воспитанию патриотизма среди молодежи важно учитывать этнокультурную специфику региона, а также укреплять связь поколений, приводя в пример детям героев не только времен Великой Отечественной войны, но и современности, что гораздо ближе воспринимается этой возрастной аудиторией. *«Самое интересное, мы большое внимание уделяем воспитанию детей в традициях и обычаях наших предков, народов Дагестана. Это, во-первых. А во-вторых, в патриотическом воспитании детей мы уделяем особое внимание не только истории Великой Отечественной войны, но и сегодняшнему дню. Мне стало легче говорить о патриотизме, когда я посетила зону проведения СВО в декабре 2023 года. С гуманитарной миссией я, мои коллеги, мы все вместе, пять человек, отправились в зону проведения СВО. Находились три дня в зоне боевых действий. У нас есть очень много благодарственных писем оттуда. И мы увидели, мы окунулись именно в 1945 год, как нам тогда казалось. Вот, обстановка вся там как будто из того периода. И, когда мы оттуда вернулись, естественно, нас ученики встречали как народных героев» (учитель). «Я считаю, что нужно делать больше мероприятий, связанных именно с привитием детям обычаев и традиций наших народов. Именно обычаи и традиции наших народов, менталитет дагестанский, он играет очень большую роль в деле воспитания патриотизма» (учитель). «Например, наш музей сделал небольшую выставку, связанную с Дагестаном. Мы собрали картины, и дети сами их нарисовали, и собрали фотографии самых красивых мест, а также собрали всю старинную посуду, деревянную утварь,*

платки, в общем, все. Мы говорим всем школьникам и студентам, что они могут прийти и сфотографироваться, прочитать стихи о Дагестане. Здесь, на своей странице [в социальной сети] я могу показать, какие мероприятия мы проводили с детьми в рамках патриотического воспитания. В общем, вся наша работа именно в этом направлении — это обычаи, традиции и патриотизм» (деятель культуры).

Представленные результаты интервью со специалистами, занимающимися патриотическим воспитанием молодежи Дагестана, а также обзор публикаций последних лет в научной периодике показывают [5], что основной темой, воздействующей положительно на патриотические чувства граждан, остается тема Великой Отечественной войны. Выборочный анализ годовых планов мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию в 10 общеобразовательных школах РД на 2024–2025 уч. г. выявил, что более 1/3 всех мероприятий в них связана с исторической памятью о Великой Отечественной войне. Это классные часы, линейки или открытые уроки, посвященные: дню окончания Второй мировой войны; дню полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады; Международному дню памяти жертв Холокоста; Уроки мужества, встречи с ветеранами ВОВ; Тематическая беседа «День памяти о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны»; месячник патриотического воспитания «Спасибо деду за Победу!» и др. Повсеместно в образовательных учреждениях проводятся литературные и музыкальные конкурсы, спортивные соревнования и другие тематические акции. В контексте празднования в России 80-летия Победы закономерным представляется ожидание интенсификации обращения к исторической памяти периода Великой Отечественной войны в целях формирования патриотических ценностей среди подрастающего поколения.

80-летие Победы: инициативы власти и реакция общественности

Для Дагестана, региона с исключительным этнокультурным разнообразием, память о Победе в Великой Отечественной войне является одним из важнейших ресурсов консолидации общества. Вклад дагестанцев в Победу (более 150 тыс. участников войны, 65 Героев Советского Союза) формирует основу для патриотического воспитания, сочетающего общенациональные и локальные смыслы. В 1942–1943 гг. Дагестан стал стратегическим тылом в битве за Кавказ. Помимо участия в боевых действиях, регион обеспечивал поставки продовольствия, нефти и вооружений. Война мобилизовала все этнические группы республики, создав основу для коллективной памяти. В Дагестане, как и в других субъектах Российской Федерации, действует региональный оргкомитет «Победа», на заседании которого в конце ноября 2024 г. обсуждался план мероприятий, посвященных празднованию 80-летия Победы и проведению в республике

Года защитника Отечества¹. Военный парад 9 мая в Каспийске, памятные акции, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, ветеранами-афганцами, участниками СВО, выставки и спектакли, фестивали и концерты, сотни других мероприятий запланированы к проведению во всех городах и районах Дагестана в течение всего 2025 г. Расставляя приоритеты в праздновании юбилея Великой Победы, глава Дагестана напомнил членам республиканского оргкомитета слова Президента России Владимира Путина о недопустимости в этом деле формализма и гонки за цифрами². Основные направления мероприятий: поддержка ветеранов, поддержка участников СВО, просвещение и патриотическое воспитание молодежи.

С первой же рабочей недели в 2025 г. активизировались правительственные ТГ-каналы, размещая посты, приуроченные к празднованию 80-летия Победы. Из сотен тематических материалов, размещенных в дагестанских официальных ТГ-каналах, большинство касается реализации в республике общероссийских коммеморативных практик³, что свидетельствует о хорошей включенности региона в федеральные проекты по мобилизации коллективной памяти о значимых исторических событиях в истории государства.

Среди инициатив собственно дагестанских властей по использованию исторической памяти о Великой Отечественной войне в юбилейный год для воспитания патриотизма у молодежи, можно отметить несколько, на наш взгляд, интересных проектов, которым посвящались материалы официальных ТГ-каналов.

Проект «100 дней до Победы» был реализован администрацией г. Махачкалы. В рамках проекта с 29 января по 9 мая творческая группа готовила ежедневный выпуск видеороликов, состоящих из двух частей. Первая часть повествовала о событиях, произошедших в этот день на фронтах Великой Отечественной войны в 1945 г., в том числе о знаменательных сражениях, подвигах солдат и важных решениях командования. Во второй части дети участников СВО рассказывали о героях Великой Отечественной войны, ставших символами Победы, делясь личными историями и воспоминаниями о своих предках. Каждый видеоролик завершается словами поддержки тех, кто принимает участие в СВО, подчеркивая важность их вклада в защиту Родины. Проект «100 дней до Победы» задуман как некий мост между поколениями, обозначающий их преем-

¹ Дагестан масштабно отметит 80-летие Великой Победы // РИА «Дагестан». 29.11.2024. URL: https://riadagestan.ru/news/president/dagestan_masshtabno_otmetit_80_letie_velikoy_pobedy/ (дата обращения: 29.03.2025).

² Путин указал на недопустимость формализма при подготовке к юбилею Великой Победы // ТАСС. 15.01.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22887641> (дата обращения: 29.03.2025).

³ Проведение всероссийских памятных акций: «Блокадный хлеб», «Георгиевская ленточка», «Свеча памяти», «Вахта Памяти», «Парад у дома ветерана», «Женское лицо Победы», «Окна Победы» и др.; организация шествия «Бессмертного полка»; встреча и организация посещения передвижного выставочно-лекционного комплекса «Поезд Победы» в Махачкале и Дербенте; проведение всероссийского студенческого фестиваля «Весна Победы»; проведение исторического диктанта «Диктант Победы», реализация всероссийского проекта «Диалоги с Героями»; проведение военно-патриотической игры «Зарница 2.0» и др.

ственность и направлен на укрепление чувства патриотизма через историческую память и популяризацию историй о современных героях и защитниках Отечества.

Таблица 1 (Table 1)

Контент-анализ 10-ти официальных ТГ-каналов по Республике Дагестан за I квартал 2025 года по тематике 80-летия Победы

Content-analysis of 10 official TG-channels in the Republic of Dagestan for the first quarter of 2025 on the subject of the 80th anniversary of Victory

№	Название	Адрес/ссылка	Кол-во подписчиков	Кол-во сообщений по теме*
1	РГВК «Дагестан»	t.me/RGVKDAGESTAN	23 242	134
2	Махачкала	t.me/mkala_news	13 266	127
3	РИА Дагестан	t.me/riadagestan	14 131	89
4	Администрация Главы РД	t.me/agiprd	31 756	75
5	Махачкалинские известия	t.me/midagru	4295	57
6	Dagpravda	t.me/dagpravdaru	11 917	56
7	Правительство Дагестана	t.me/pravitelstvord	25 067	49
8	ГТРК «Дагестан»	t.me/gtrkdagestan	9922	39
9	Народное Собрание Республики Дагестан	t.me/parlamentrd	2703	22
10	МолодЕжка	t.me/molodejka05	11 543	14
Итого				662

Примечание. *Подсчет материалов проводился 04.04.2025 года по ключевым словам: «80 лет Победы», «Великая Отечественная война», «ВОВ», «9 мая».

Телеканал РГВК «Дагестан» совместно с общественной организацией «Сила в единстве» в марте запустили проект «Дети героев», который посвящен памяти дагестанских воинов, погибших в боях СВО. В коротких видеороликах дети рассказывают о том, какими были их отцы, что они успели сделать за свою жизнь и что завещали своим детям. Цель проекта – популяризация примеров патриотизма, мужества и отваги среди дагестанцев.

Обзор ТГ-каналов выявил частое упоминание о Республиканском творческом конкурсе среди школьников по трем номинациям: «Я рисую Победу» – конкурс рисунков о подвиге народа; «Я горжусь, я расскажу» – чтение стихов собственного сочинения о Великой Отечественной войне; «Голос Победы» – исполнение военно-патриотических песен. Организатором конкурса выступило Министерство культуры РД. Для участия в нем детям необходимо было записать видео с оригинальным стихотворением, создать рисунок или спеть песню в школьных пабликах ВКонтакте, делиться ссылками и получать поддержку (чем больше лайков, комментариев и репостов, тем больше шансов на победу). Победители были награждены почетными наградами, ценными призами и личной встречей с главой Дагестана Сергеем Меликовым.

Важной составляющей проведения юбилея Победы в Дагестане стала социальная поддержка ветеранов. Глава Дагестана Сергей Меликов анонсировал, что в этом году дагестанские ветераны получат единовременную выплату в размере 500 тыс. рублей, а блокадникам Ленинграда и узникам концлагерей выделяют по 80 тыс. рублей. Всего на начало 2025 г. в Дагестане проживает шесть участников Великой Отечественной войны и около 1,7 тыс. тружеников тыла. По заявлениям властей им своевременно и в полном объеме предоставляются меры социальной поддержки, установленные как федеральным законодательством, так и дополнительно законодательством республики. Для предоставления полного комплекса социальных услуг, оказания всесторонней помощи в быту за каждым участником Великой Отечественной войны закреплены персонально по два социальных работника. Все участники войны, проживающие в республике, улучшили свои жилищные условия. Участникам войны предоставляется компенсация расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг в размере 100%.

Министр по делам молодежи РД Камил Саидов на заседании оргкомитета «Победа» 1 февраля сообщил, что на базе Республиканского молодежного центра открыт волонтерский корпус в целях сопровождения мероприятий, посвященных 80-летию Победы, на территории всей республики. Записалось на момент заседания оргкомитета «Победа» 12 тыс. волонтеров и Дагестан, по заявлениям министра, является лидером по количеству регистраций среди регионов страны. Все участники волонтерского корпуса проходят обязательные онлайн-курсы, основная часть которых посвящена изучению истории Великой Отечественной войны, что позволяет глубже понять значение событий тех лет и передать эти знания другим. Первые акции корпуса в Дагестане уже состоялись, волонтеры приняли участие во всероссийских акциях «Блокадный хлеб», «Поезд Победы», «Диктант Победы» и др.

В целом мониторинг официальных дагестанских ТГ-каналов за первый квартал 2025 г. позволяет говорить об активной работе всех ответственных исполнителей по проведению юбилейных памятных мероприятий, направленных главным образом на патриотическое воспитание молодежи. Проводятся не только торжественные, просветительские, спортивные, выставочные, творческие памятные мероприятия, но и принимаются меры по улучшению социально-экономических условий жизни ветеранов Великой Отечественной войны, а также ветеранов СВО. Вместе с тем, большинство юбилейных мероприятий в Дагестане остались без внимания негосударственных ТГ-каналов, специализирующихся на общественно-политических новостях республики. Среди огромного массива материалов, посвященных юбилею Победы в республике, лишь малая часть информации, распространяемой властями, получила позитивный общественный резонанс, судя по постам и репостам в негосударственных дагестанских ТГ-каналах. Журналисты и блогеры подхватили информацию официоза о материальной поддержке ветеранов (единовременные выплаты и льготы);

о возможности посетить ретро-поезд «Победа»; о строительстве в Дербенте парка «Патриот» – самого южного военно-патриотического парка России, также раскрыли и ряд других информационных поводов.

Таблица 2 (Table 2)

Контент-анализ 10-ти общественно-политических (негосударственных) ТГ-каналов по Республике Дагестан за I квартал 2025 года по тематике 80-летия Победы
Content analysis of 10 socio-political (non-state) TG-channels in the Republic of Dagestan for the first quarter of 2025 on the subject of the 80th anniversary of Victory

№	Название	Адрес/ссылка	Кол-во подписчиков	Кол-во сообщений по теме*
1	Что там у дагестанцев?	t.me/dagestanRD	94 241	40
2	Черновик	t.me/chernovik	47 967	12
3	Только Факты	t.me/tolko_fakti_dagestan	14 354	10
4	МК в Дагестане	t.me/mk_dagestan05	290	10
5	Новое дело	t.me/novoedelo	12 792	9
6	Спросите у Расула	t.me/askrasul	91 676	5
7	ТУТ ДАГЕСТАН	t.me/tutdagestan_05	264 581	3
8	Совесть Дагестана	t.me/sovestdagestana	13 742	3
9	УРБЕЧ	t.me/ur_bech	7699	1
10	Голос Дагестана	t.me/golosdagestana05	365 974	0
Итого				93

Примечание. *Подсчет материалов проводился 04.04.2025 года по ключевым словам: «80 лет Победы», «Великая Отечественная война», «ВОВ», «9 мая».

В то же время инициатива власти по расширению здания Музея воинской славы, расположенного в парке Ленинского комсомола в Махачкале, в рамках подготовки к празднованию 80-летия Победы получила негативную общественную реакцию и стала самой обсуждаемой темой на дагестанских негосударственных ТГ-каналах и в печатных СМИ в январе-феврале¹.

21 января активистка общественного движения «Город Наш» Мадина Ибрагимова (t.me/MadinaIbragimova77), комментируя начало строительства пристройки к музею, заявила, что власти поступили в привычном для себя ключе: не считаясь с мнением жителей, с мнением тех, кто часто бывает в парке, выделили на кадастровой карте зеленый участок земли, примыкающий к музею, огородили его забором, уже вырубili деревья и начинают строить пристройку. Она напомнила, что еще 8 лет назад активисты-горожане отстояли парк Ленинского комсомола от застройки под музей «Россия – моя история» и призвала горожан вновь мобилизоваться, чтобы прекратить новую стройку в парке. Другой общественник респу-

¹ Строительство музея в парке вызвало критическую реакцию // Дагестанский общественно-политический еженедельник «Новое дело» №2 от 24 января 2025 г. С. 4 (дата обращения: 29.03.2025).

блики Арсен Магомедов (t.me/thelawyersays) также выступил против расширения здания музея за счет территории парка, написав 21 января пост: *«В 2025 г. весь цивилизованный мир будет праздновать 80-летие Великой Победы над фашизмом – окончания Великой Отечественной войны. Семей каждого дагестанца коснулась эта страшная война. И память о погибших воинах Советской Армии священна. Мы за то, чтобы Музей Боевой Славы имени Валентины Макаровой развивался, чтобы там было больше посетителей, чтобы дети узнавали о подвигах их прадедов. Но давайте найдем для музея другое место, не будем уничтожать то, что осталось от Парка Ленинского комсомола»*. Власти республики, пытаясь смягчить негативную реакцию общественности на строительство пристройки к музею на территории городского парка, 1 февраля объявили о том, что в честь годовщины Победы в парке Ленинского комсомола будет разбита аллея из 80 деревьев. Аллея будет посвящена героям-дагестанцам разных лет – ветеранам Великой Отечественной войны, афганцам, участникам событий 1999 г.¹ и бойцам СВО. Рядом с каждым деревом будет размещена табличка с информацией о военнослужащем. Это, по задумкам инициаторов, позволит сохранить преемственность поколений и память о защитниках Родины. Однако городские активисты, поднявшие тревогу по поводу застройки парка, остались недовольны таким разменом, так как, по их мнению, никакое количество саженцев не сможет компенсировать городу сокращение общей площади зеленых насаждений в парке.

Критикуя реакцию власти на возмущение общественности, редакторы одного из ведущих дагестанских ТГ-каналов «Спросите у Расула» (t.me/askrasul) 1 февраля разместили пост с подтверждающими фотографиями о текущем плачевном состоянии Аллеи памяти, разбитой еще в 2021 г. в Редукторном микрорайоне Махачкалы в честь 76-летия Победы в Великой Отечественной войне. А уже 3 февраля, наблюдая за игнорированием властями негативной реакции общественности на расширение здания музея за счет территории парка, авторы ТГ-канала «Спросите у Расула» (t.me/askrasul) написали пост², в котором заподозрили республиканские и муниципальные власти в формализме в деле празднова-

¹ Речь идет о вторжении боевиков – сепаратистов в Дагестан в августе-сентябре 1999 года и их последующем разгроме силами российской армии и дагестанских ополченцев.

² «Учитывая важность сохранения памяти о Великой Отечественной войне, особенно для подрастающего поколения, общественные активисты предлагают построить отдельный музей боевой славы к 80-летию Победы. Однако власти пока намерены ограничиться лишь небольшим расширением существующего здания. Например, одно из предложений это здание рядом с музеем «Россия — моя история». Из преимуществ: помещение больше, удобнее для посещения, удобная локация, наличие стоянки, а так же как дополнение к уже существующему музею «Россия — моя история». В будущем здесь же можно создать дополнительно другие такие же памятные композиции, что через время может перерасти в один большой парк Победы. Однако вызывает вопросы решение властей ограничиться лишь небольшим расширением музея, которое не способно удовлетворить растущие потребности музея. Особенно на фоне непрерывного увеличения исторической значимости таких объектов. Непонятно, с чем связано нежелание властей создать Музей боевой славы в более просторном и удобном месте. Возможно, причина в недостатке финансирования, а возможно, власти не видят в этом необходимости, а текущее расширение — лишь формальное мероприятие, приуроченное к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне».

ния юбилея Победы, от которого их предостерегали и президент страны, и глава республики. 11 февраля общественница Мадина Ибрагимова (t.me/MadinaIbragimova77) сообщила, что уведомила администрацию города Махачкалы о проведении 23 февраля митинга с участием активистов движения «Город Наш» против застройки парка Ленинского комсомола с лозунгами: «Парк наш», «Нам нужен парк», «Хватит рубить деревья», «Руки прочь от парка». Она также заявила, что общественники предлагают перенести Музей боевой славы в пустующее большое здание рядом с музеем «Россия – моя история», где и здание большое, и территория вокруг позволяет устанавливать экспозиции оружия и военной техники на открытом воздухе. Требования городских активистов таковы: на законодательном уровне запретить любое строительство стационарных объектов и установку нестационарных временных объектов в парках и скверах Махачкалы; ввести в состав Общественного совета парков и скверов представителей движения «Город Наш»; при разработке Генерального плана Махачкалинско-Каспийской агломерации предусмотреть строительство парков и скверов между Махачкалой и Каспийском общей площадью 200 га, а также создание парков и скверов, обрамляющих Махачкалу с севера и Каспийск с юга, общей площадью не менее 100 га. 25 февраля в Общественной палате РД (t.me/op_rd7), видимо, с целью перехвата повестки дня, состоялось обсуждение проблемы сокращения зеленых насаждений в Махачкале, однако участники движения «Город Наш» на него приглашены не были, а само заседание, как это часто бывает с мероприятиями в общественных палатах, сформированных из лояльных властям общественников и бывших чиновников, осталось незамеченным СМИ и не вызвало резонанса. В итоге здание музея в парке было реконструировано, высажена аллея из 80 саженцев, посвященных героям-дагестанцам разных лет, а возмущения городских активистов утихли.

Приведенный пример с реконструкцией Музея боевой славы в Махачкале убедительно доказывает, что инициативы власти по мобилизации исторической памяти, идущие вразрез с запросами общества, в данном случае с запросом горожан на сохранение зеленых зон, закономерно вызывают негативную общественную реакцию. И важно понимать, что эти разногласия между властью и городским сообществом по поводу сохранения памяти о Победе не носят дихотомического характера: патриот – не патриот. Все патриоты. Городские активисты ни в коем случае не отрицают Победу, но выражают свое несогласие с конкретными действиями властей.

Продолжение подобных практик может подорвать доверие населения к политике региональных властей в сфере исторической памяти, ведь противопоставляя общественные интересы жителей города (которые, по сути, проявили «местный патриотизм», отстаивая свои права на комфортную городскую среду) общенациональным патриотическим мероприятиям, власть лишь обесценивает значимость этих мероприятий в глазах населения. В целом мониторинг сетки негосударственных дагестанских ТГ-каналов за первый квартал 2025 г. выявил актуализацию дискурса исторической памяти о Великой Отечественной войне в преддверии 80-летия Победы, хотя и в существенно меньших объемах, чем на официальных ТГ-каналах, что также вполне объяснимо.

Заключение

Приведенный обзор опыта Дагестана показывает, что историческая память о Великой Отечественной войне остается той несущей конструкцией, на которую опирается большинство современных практик патриотического воспитания молодежи. Коммеморативные практики последних лет в условиях глобального противостояния приобретают современное звучание и осмысление [7; 14]. Широкое вовлечение общественных структур в инициативы власти в этом деле способствует укреплению связи поколений и консолидации граждан. Эффективность этих мер зависит прежде всего от решения проблем, ставших характерными для современных практик работы с молодежью. Преодоление формализма в проведении тематических мероприятий, отказ от устаревших методов работы, продуманная цифровизация, активное использование регионального этнокультурного потенциала в патриотическом воспитании способны повысить вовлеченность молодежи в этот процесс. Перечисленные проблемы отмечали все опрошенные нами эксперты. На них указывают и другие авторы, изучающие региональные практики патриотического воспитания на Северном Кавказе [9, с. 175]. Современная молодежь Дагестана достаточно включена в общероссийскую практику патриотического воспитания, что находит отражение в участии ее представителей во многих акциях и мероприятиях федерального масштаба. В этом, несомненно, есть заслуга и местных властей, демонстрирующих способность к реализации интересных и креативных патриотических проектов. Вместе с тем, как показали результаты мониторинга информационного поля республики, имели место и откровенно неудачные инициативы и решения власти в области политики памяти, во многом обусловленные игнорированием насущных интересов и запросов общества. В условиях обострения инфраструктурных проблем Махачкалы (точечная и хаотичная застройка, низкий уровень благоустройства общественных пространств, ухудшение доступности общественного транспорта, частые перебои с электро- и водоснабжением и др.) властям было важно избежать ассоциаций с этими проблемами при проведении юбилейных памятных мероприятий. А объявленная властями материальная поддержка ветеранов Великой Отечественной войны и других категорий граждан в преддверии празднования юбилея Победы в условиях роста потребительских цен и высоких инфляционных ожиданий вызвала позитивный отклик у общественности. Поддержание высокого уровня эффективности практик патриотического воспитания требует дальнейшего изучения, в том числе социологических исследований среди различных групп (сельской, городской, учащейся, работающей, светской, религиозной) молодежи. Актуальным направлением дальнейших исследований представляется изучение вовлеченности исламских институтов Дагестана в патриотические проекты, а также сравнительные исследования практик работы с молодежью с другими регионами страны.

Библиографический список

1. Абдулагатов З. М. Проблемные вопросы российского патриотизма (на примере Республики Дагестан) // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2021. Т. 1. № 3. С. 60–71. DOI: 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071; EDN: NKFPPO.
2. Абдулманапов П. Г. Миграционные установки населения Республики Дагестан в современных условиях: социологический анализ // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2022. № 5(139). С. 73–79. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-5-73-79; EDN: RIBTJB.
3. Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодежи Северного Кавказа // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11. № 3. С. 37–54. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.2; EDN: LOPDWI.
4. Авксентьев В. А. Политизированная этничность как институциональное препятствие укреплению общероссийской идентичности на Северном Кавказе // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19. № 4. С. 587–599. DOI: 10.21638/spbu23.2023.405; EDN: MMGVPM.
5. Адиев А. З. Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан // *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 3. С. 133–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: GPUJBI.
6. Асваров Н. А. Воспитание патриотизма учащихся старших классов школ Республики Дагестан в ходе внеурочной деятельности // *Мир науки, культуры, образования*. 2024. № 3(106). С. 183–185. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-183-185; EDN: AQHXQE.
7. Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // *Социологические исследования*. 2024. № 9. С. 125–137. DOI: 10.31857/S0132162524090119; EDN: MIDOFQ.
8. Джабраилов Ю. Д. Патриотизм и сепаратизм как идеологические аспекты внутриконфессионального противостояния в Дагестане // *Научный альманах стран Причерноморья*. 2024. Т. 10. № 4. С. 37–41. DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-37-41; EDN: CLMLXS.
9. Иванова С. Ю., Щербина А. Е. Этнокультурные практики и традиции гражданско-патриотического воспитания на Северном Кавказе // *Вестник антропологии*. 2024. № 3. С. 168–177. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/168-177; EDN: YDKMWP.
10. Кузнецов И. М. Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // *Социологическая наука и социальная практика*. 2024. Т. 12. № 4. С. 65–81. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4; EDN: HIDDBV.
11. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. № 2(394). С. 67–74. EDN: YGAMSJ.
12. Шахбанова М. М. Социальные ожидания и ценностные ориентации дагестанской молодежи // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2025. № 1. С. 253–262. DOI: 10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262; EDN: QJOUWW.

13. Ширекина Е. В., Гаджимусилов Г. М. Воспитание патриотизма у старшеклассников во внеклассной работе (на материалах школ Республики Дагестан) // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 3(16). С. 214–216. EDN: WXVKDP.

14. Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12. № 2. С. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709; EDN: SNKKOE.

Получено редакцией: 23.04.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Адиев Асланбек Залимханович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.2

The 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: The Role of Historical Memory in the Patriotic Education in Dagestan¹

Aslanbek Z. Adiev

Regional Centre of Ethnopolitical Research of DFRC RAS, Makhachkala, Russia

Khalid_84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4459-7462

For citation: Adiev A. Z. The 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: the Role of Historical Memory in the Patriotic Education in Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 14–31. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.2; EDN: JCMNBC.

Abstract. The article analyses the results of sociological studies of regional problems and practices of the patriotic education among the youth of the Republic of Dagestan and the role of historical memory of the Great Patriotic War in this matter. Based on the results of an expert survey conducted among the subjects of educational work with the youth of the republic, the author found that the main shortcomings of practices in the field of patriotic education in the republic are: the prevalence of formalism during patriotic events, the prevalence of conservative methods in working with young people, as well as poor consideration of the ethnocultural specifics of the region. A serious issue in the way of the improvement of this work is the external destructive information and ideological pressure on the youth in the republic, that in recent years has become systemic. It is aimed, first of all, at eroding Russian civil identity and cultivating religious intolerance in a mass conscience of the local youth. Despite the positive effect of the implementation of many all-Russian patriotic actions and projects in the republic, the experts note their insufficient and weak support for local and regional patriotism in educational work with young people, for instilling love for the small homeland through a careful attitude to native languages, culture and traditions of the peoples of Dagestan. The author's review of modern scientific literature on the problem of patriotism in Dagestan revealed that the main topic that mobilises patriotic feelings of the local population remains the theme of the Great Patriotic War, combining national and local meanings and values. It was revealed that most of the events dedicated to the celebration of the anniversary of the Great Victory in the republic were part of all-Russian memorial practices, that indicates good inclusion of the republic in federal projects to mobilise collective memory and patriotism. At the same time, results of the monitoring of the information field of the region on the eve of the celebration of the anniversary of Victory demonstrate that many actions and initiatives of local authorities on education of patriotism on the basis of historical memory of the Great Patriotic War remained

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the scientific project 'Patriotism as an integrating value of multi-ethnic Russian society' (FSRN-2023-0025)" Programme of scientific research related to the study of ethno-cultural diversity of the Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity 2023-2025.

unnoticed in the non-governmental segment of information resources of the republic. The public reacts positively to the initiatives of the authorities in the field of historical memory, that meet the requests of the population and expresses a negative attitude, if the authorities do not take into account the priorities and needs of society.

Keywords: Republic of Dagestan, historical memory, Great Patriotic War, Victory Anniversary, patriotism education, youth, identity

References

1. Abdulagatov Z. M. Problematic issues of Russian patriotism (the republic of Dagestan case study). *Caspium Securitatis: zhurnal kaspijskoj bezopasnosti*, 2021: 1: 3: 60–72 (in Russ.). DOI: 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071; EDN: NKFPPO.
2. Abdulmanapov P. G. Migration attitudes of the population of the Republic of Dagestan in modern conditions: sociological analysis. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2022: 5: 73–79 (in Russ.). DOI: 10.26726/1812-7096-2022-5-73-79; EDN: RIBTJB.
3. Avdeev E. A., Vorob'ev S. M. Traditional value foundations of all-Russian identity: case study of the Northern Caucasus youth. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2023: 11: 3: 37–54 (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.2; EDN: LOPDWI.
4. Avksentev V. A. Politicized ethnicity as an institutional obstacle to the strengthening of the All-Russian identity in the North Caucasus. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2023: 19: 4: 587–599 (in Russ.). DOI 10.21638/spbu23.2023.405; EDN: MMGVPM.
5. Adiev A. Z. Patriotic discourse in the publications of humanities scientists of the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 3: 133–148 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: GPUJBI.
6. Asvarov N. A. Patriotic education of high school's students in the Republic of Dagestan by means of extracurricular activities. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2024: 3: 183–185 (in Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-183-185; EDN: AQHXQE.
7. Gorshkov M. K., Barash R. E. Historical memories of Russians today (history of the XX century Russia in the optics of families' stories). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024: 9: 125–137 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524090119; EDN: MIDOFQ.
8. Dzhabrailov Yu. Dzh. Patriotism and separatism as ideological aspects of intra-confessional confrontation in Dagestan. *Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ya*, 2024: 10: 4: 37–41 (in Russ.). DOI: 10.23947/2414-1143-2024-10-4-37-41; EDN: CLMLXS.
9. Ivanova S. Yu., Shcherbina E. A. Ethnocultural Practices and Traditions of Civic and Patriotic Education in the North Caucasus. *Vestnik Antropologii*, 2024: 3: 168–177 (in Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/168-177; EDN: YDKMWP.
10. Kuznetsov I. M. Variability and dynamics of patriotic attitudes of Russians in the context of Special military operation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2024: 12: 4: 65–81 (in Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.4.4; EDN: HIDDVB.
11. Khaliy I. A. Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 2: 67–74 (in Russ.). EDN: YGAMSJ.
12. Shakhbanova M. M. Social expectations and value orientations of Dagestan youth. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchyonye zapiski*, 2025: 1: 253–262 (in Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2025-1-1-253-262; EDN: QJOUWW.
13. Shirekina E. V., Gadzhimusilov G. M. Patriotic education of senior pupils in the extra-curricular work in the multinational region (on materials of schools of Republic Dagestan). *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 2016: 5: 3: 214–216 (in Russ.). EDN: WXBKDP.
14. Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 2: 19–35 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709; EDN: SNKKOE.

The article was submitted on: April 23, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aslanbek Z. Adiev, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow

ТЕМА НОМЕРА

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.3

EDN: NOVUJI

Победа в Великой Отечественной войне как ценностно-смысловая основа формирования патриотизма у молодежи Северного Кавказа¹

Ссылка для цитирования: Шульга М. М., Иванова С. Ю. Победа в Великой Отечественной войне как ценностно-смысловая основа формирования патриотизма у молодежи Северного Кавказа // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 32–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.3; EDN: NOVUJI.

For citation: Shulga M. M., Ivanova S. Yu. Victory in the Great Patriotic War as a value and semantic basis for the formation of patriotism among young people in the North Caucasus. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 32–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.3; EDN: NOVUJI.

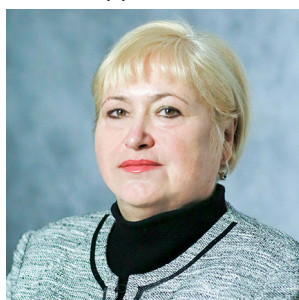

SPIN-код: 8569-6461

Шульга Марина Михайловна¹

¹Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия

shulgamm@mail.ru

SPIN-код: 4477-1418

Иванова Светлана Юрьевна¹

¹Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия

isu-socf@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтнического российского общества» (FSRN-2023-0025) Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг.

Аннотация. В данной статье рассматриваются пути формирования общероссийского патриотизма у полиэтнической молодежи Северного Кавказа и роль исторической памяти о Великой Отечественной войне в этом процессе. Актуальность темы определяется задачами стабилизации социально-политической ситуации в России в условиях обострившегося кризиса международных отношений и возрастания геополитических угроз. После Русской весны и присоединения Крыма в 2014 г. большое значение в данном предметном поле приобрела проблематика патриотизма. Практика общественно-политической жизни по-новому высветила потребность в научном анализе всего того, что влияет на формирование и развитие патриотизма как интегрирующей ценности и основы позитивных идентификационных процессов в полиэтническом социуме. Не менее значимой является и задача выявления, научного описания и обоснования ценностно-смысловых основ формирования патриотизма современной молодежи.

Целью данной статьи является выявление ценностно-символической значимости Победы в Великой Отечественной войне как основы формирования общероссийского патриотизма у полиэтнической молодежи Северного Кавказа.

Эмпирической базой статьи являются результаты исследования «Патриотизм глазами молодежи», проведенного в апреле-мае 2024 г. в Северо-Кавказском федеральном округе. В ходе исследования было проведено 4 фокус-группы в Карачаево-Черкесской Республике, Республике Дагестан, Республике Северная Осетия – Алания, Ставропольском крае. Участниками фокус-групп были руководители и актив молодежных организаций соответствующих регионов. Исследование проводилось с целью определения особенностей представлений о патриотизме, патриотической деятельности, патриотической символике, проблемах и эффективных практиках формирования патриотизма в молодежной среде СКФО.

Результаты данного исследования показали, что признание респондентами значимости патриотизма для развития Северного Кавказа, России в целом, всего общества контрастирует с реальными знаниями о нем. При этом основным объединяющим символом, способствующим формированию патриотизма в полиэтнической среде народов Северного Кавказа, остается память о Великой Отечественной войне, о совместном подвиге народов и общей Победе. Авторами определены и основные проблемы формирования патриотизма в молодежной среде СКФО, предложены возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: современный российский патриотизм, Великая Отечественная война, образы патриотизма, символы патриотизма, Северный Кавказ, молодежь

Введение

Проблема патриотизма и его формирования характеризуется богатством содержания, разнообразием направленности и различиями в уровне теоретического осмысления. История исследования этой проблемы в отечественной социальной мысли включает периоды подъема и спада, борьбы мнений и господства единомыслия. Активная разработка вопросов патриотизма на глубоком теоретическом уровне в России началась в XIX в. Осмысление патриотизма осуществлялось в различных течениях и направлениях русской философской мысли, таких как традиционализм, славянофильство, либерализм, западничество, народничество, анархизм, монархизм, социал-демократизм, марксизм, религиозный мистицизм,

космизм и другими, особенно плодотворно – в концепции Русской идеи. Именно представителями данного направления разработаны теоретические основы патриотизма и важнейшие методологические положения, связанные с пониманием его природы, сущности, роли и места в условиях российской действительности.

Значительный интерес для понимания проблемы патриотизма, его формирования и роли в современном российском обществе представляет научно-исследовательская литература последнего десятилетия. За это время появилось немало работ, которые характеризуются творческим, исследовательским подходом к осмыслению проблемы во всей ее глубине и сложности. Среди работ, авторы которых по-новому, в контексте изменившейся политической реальности в поле междисциплинарного научного дискурса, исследуют различные аспекты патриотизма, необходимо выделить работы философского ([8; 14; 19; 21; 22] и др.), политологического ([5; 7; 12; 23] и др.), культурологического ([6; 15; 18; 32] и др.), педагогического ([8; 20; 25; 30] и др.) и социологического ([9; 13; 28; 29] и др.) содержания.

Актуализация проблематики патриотизма после Русской весны и присоединения Крыма в 2014 г. детерминировала рост социологических исследований в данном предметном поле. Анализ публикаций, репрезентирующих социологический подход к проблеме патриотизма, позволяет выделить два основных направления социологических исследований: 1) анализ и «измерение» патриотизма, взаимосвязь патриотизма с гражданственностью, социальной активностью ([16; 17; 26; 27] и др.); 2) оценка факторов и механизмов формирования патриотизма ([4; 11; 32] и др.). Следует отметить, что в большинстве публикаций и первого, и второго направлений эмпирическим объектом исследования является молодежь как целевая социальная группа патриотического воспитания. Большое количество работ представляют собой анализ результатов региональных исследований ([1; 24; 31] и др.). В Северо-Кавказском федеральном округе предметом исследования стало формирование патриотизма в полиэтничном социуме ([2; 3; 33] и др.).

Особенностью этих исследований является поиск объединяющих символов, анализ региональных факторов, этнических традиций и особенностей в процессе патриотического воспитания молодежи. Вместе с тем, опыт более чем десятилетнего сотрудничества с региональными органами власти свидетельствует, что наиболее востребованными являются научно обоснованные рекомендации по реализации молодежной политики, национальной политики и управлению этнополитическими процессами. Например, по итогам проекта в 2023 г. подготовлены три аналитические записки для органов исполнительной власти

Целью данной статьи является выявление ценностно-символической значимости Победы в Великой Отечественной войне как основы формирования общероссийского патриотизма у полиэтничной молодежи Северного Кавказа.

Методика исследования

Представленные в настоящей статье данные получены авторами в ходе исследования «Патриотизм глазами молодежи». Исследование проводилось качественными методами (фокус-группы) с целью определения особенностей представлений о патриотизме, патриотической деятельности, патриотической символике, проблемах и эффективных практиках формирования патриотизма в молодежной среде Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). В апреле-мае 2024 г. было проведено 4 фокус-группы в: Карачаево-Черкесской Республике (КЧР) приняли участие 7 человек, Республике Дагестан (РД) – 6 человек, Республике Северная Осетия – Алания (РСО-А) – 6 человек, Ставропольском крае (СК) – 8 человек. Участниками фокус-групп стали руководители и актив молодежных организаций регионов. Для обсуждения было предложено восемь вопросов: Как бы вы определили, что такое патриотизм? Почему проблематика патриотизма актуализировалась в России в последнее десятилетие? События, места, герои, собственно символы, которые лучше всего репрезентируют патриотизм? Какую деятельность, поступки можно назвать патриотическими? Кто является основным объектом формирования патриотизма: молодежь или все население? Какие проблемы существуют в формировании патриотизма в современной России? Какие эффективные практики формирования патриотизма могли бы предложить вы? Литературные произведения, художественные/документальные фильмы, телевизионные программы, интернет-проекты, созданные за последние пять лет, которые способствуют формированию и трансляции патриотизма?

Результаты исследования

«Патриотизм» в последнее десятилетие в общественно-политическом дискурсе используется очень широко. Однако общее четкое определение этого понятия отсутствует как на научно-теоретическом, так и на повседневном уровне. Молодежь чаще всего вообще не задумывается над содержанием этого понятия, традиционно определяя патриотизм как любовь к Родине. «Любовь к/преданность/верность Родине» стала базовой точкой зрения в определении патриотизма и в указанных фокус-группах, однако поясняли ее участники фокус-групп по-разному. Чаще всего в интерпретациях патриотизма фиксируется приоритет малой Родины: *«Любовь к Родине – это любовь к малой родине, к моему аулу, к моим землякам. Родина – она внутри нас!¹»* (КЧР, юноша); *«любовь не только к Родине, но и к своему народу, к своим традициям, к своему дому, к месту, где ты живешь, родился»* (РД, девушка); *«патриотизм – это в первую очередь место, в котором я родился, какие-то знакомые, родная деревня, лес, какое-то свое место, где ты проводил время в детстве, то, чего нет в других странах»* (СК, юноша).

¹ Курсивом выделены цитаты из ответов участников фокус-групп.

Интересным представляется определение патриотизма как сложившегося образа жизни: *«Для меня [патриотизм] такое особенное чувство. Это означает, что я уже привыкла к этому образу жизни, для меня другие страны будут чужими, мне будет там некомфортно»* (СК, девушка); *«есть одна очень известная поговорка, которую мы все слышали, и она очень сильно отражает, что такое патриотизм: это когда “в гостях хорошо, а дома лучше”»* (СК, юноша).

Однако же участники фокус-групп подчеркнули, что патриотизм идет от локального (малая Родина) к общероссийскому (большая Родина): *«патриотизм... есть определенная система общностей: на 1 ступени которой нахожусь я, выше идет семья, выше идет моя малая Родина, мой край, выше идет уже государство. Это, я считаю, форма выживания народа. И патриотизм — это ощущение общности со своим народом. Это общность включает в себя и общую судьбу, общие проблемы, общность сама по себе включает то, что я часть этого большого целого»* (СК, юноша). Можно сказать, что патриотизм включает в себя сопричастность к социуму (*«патриотизм — это чувство того, что вся эта страна, которая... вся огромная страна, которую мы населяем... Это чувство того, что эта страна, ну, — наша страна»* (РД, юноша); *«Я думаю, это вопрос расставления приоритетов, когда ты помимо своих интересов, учишь еще интересы государства и рассматриваешь как можно сделать не только лучше себе, но и в целом другим людям, потому что патриотизм, я считаю, это не просто любовь к государству в стране, это любовь к народу, который здесь живет, к разным народам, учет также их интересов...»* (СК, девушка); *неравнодушие к тому, что происходит в обществе («патриотизм — это, даже видя недостатки, все недостатки, твоей страны, видя их отчетливо, ты все равно продолжаешь не то что любить свою страну, а пытаться исправить эти недостатки в силу своих возможностей и как-то влиять на общество и на себя в том числе»* (РСО-А, девушка).

Следует также отметить, что участники фокус-групп, определяя патриотизм, говорят о необходимости активной деятельности на благо Родины: *«способность защитить Родину и как-то помочь в политическом плане развитию Родины»* (РД, девушка), *«готовность не только жертвовать ради нее, но и вкладываться в развитие своего родного края»* (РД, девушка); *«эту страну нам необходимо избавлять от ее недостатков и приносить что-то лучшее, каждый по отдельности или вместе»* (РД, юноша); *«патриотизм — это то, на что мы готовы пойти ради своей Родины, что мы готовы делать, а не только говорить, ради своей Родины»* (РСО-А, юноша); *«человек должен что-то давать, быть общественно полезным в государстве»* (СК, юноша); *«для меня патриотизм — это не просто любовь, а именно действие, т. е. проявление любви через действие»* (СК, девушка); *«для меня это больше про действие, соответственно, когда я люблю свою страну, я люблю свое государство, я делаю что-то для того, чтобы развивать это место, для того, чтобы как-то может быть улучшать»* (СК, девушка).

Актуализацию проблематики патриотизма в современной России участники фокус-групп связывают с: 1) ситуацией в мире и России: «это объясняется историей, то есть проигрыш в холодной войне, развал Советского Союза, потом складывание, грубо говоря, однополярного мира во главе с Америкой, американская мечта, и вот начиная с 2008 года, когда Владимир Владимирович выступил с речью о крушении однополярного мира, нужно было консолидировать общество на то, чтобы любить свою родину и не гнаться за чем-то извне» (СК, девушка); «мир сейчас такой очень неустойчивый и не безопасный, скажем так, и людям, чтобы почувствовать безопасность, мне кажется, надо как-то объединяться, как-то начать ценить вообще в принципе место, где ты живешь, где ты находишься» (СК, девушка); 2) «провалом» системы патриотического воспитания после развала СССР: «формирование патриотизма сохранялось в аулах и станицах. В городе этого вообще не было» (КЧР, юноша); 3) началом СВО: «Государство использует патриотизм как инструмент для решения, поддержки каких-либо политических или каких-либо других целей. Та же специальная военная операция, она является примером, что государство нуждается в консолидации общества» (РСО-А, юноша); 4) погруженностью молодежи в виртуальный мир: «Мнение о патриотизме может формироваться при условии достаточной базы знаний, тех же исторических фактов, возможности сформировать собственное мнение ... сейчас достаточно большие проблемы с той же молодежью, которая не всегда полностью может располагать этими данными ... влияние СМИ, влияние социальных сетей, где присутствуют те же блогеры с большим количеством аудитории, так или иначе формирует мнение молодежи о патриотизме, о стране, и часто существующие проблемы гиперболизируются, но вследствие недостаточности знаний не получается сформировать собственную позицию, и поэтому часто идут за этими людьми» (СК, девушка); 5) важность патриотизма самого по себе: «как в нашей, так и в любой другой стране для народа должен быть какой-то центральный ... стержень... вокруг которого народ мог бы объединиться... Таким стержнем является патриотизм, так как нам по-настоящему есть, чем гордиться во всех сферах» (РСО-А, юноша).

Ответы респондентов о символах, репрезентирующих патриотизм, свидетельствуют о необходимости оптимизации символической политики в современной России – вопрос вызвал затруднения у участников дискуссии. Большая часть, в первую очередь, без затруднений назвала символы, связанные с Днем Победы в Великой Отечественной войне и с другими событиями этой войны.

В качестве собственно символов были названы государственная символика (2 раза), георгиевская ленточка (2 раза), далее разово – памятник Минину и Пожарскому, плакат «Родина-мать зовет!», песня «С чего начинается Родина», Красная Звезда, Георгий Победоносец, стихи Есенина, фильм «Битва за Севастополь», искусство, «образ России в целом». В качестве мест-символов, репрезентирующих патриотизм, 2 раза была названа Красная площадь.

В качестве событий, репрезентирующих патриотизм, чаще всего называли Великую Отечественную войну (8 раз), события, связанные с военной историей России: стояние на реке Угре, Кавказская война, Отечественная война 1812 г., Курская битва, Битва за Севастополь, Сталинградская битва. Названы также памятные даты: 4 ноября (без расшифровки, что это за дата), «парад на 9-е мая». 2 раза упомянули первый полет человека в космос; 2 раза – события, значимые для народов Северного Кавказа: 3 ноября и 21 мая («памятные даты наших народов»), битва при Ахульго. К современным событиям, репрезентирующим патриотизм, участники фокус-групп отнесли: чемпионат мира по футболу 2018 г., борьбу с COVID-19, современное российское кино («Мастер и Маргарита снят. Сейчас Онегин снят фильм...еще, по-моему, про Есенина будет снят фильм. Буквально недавно, несколько лет назад, наверное, ...в 2014 г. снят фильм про Лермонтова»).

В символическом плане также важным является пантеон героев, репрезентирующих патриотизм. Чаще всего были даны обобщенные ответы: летчики, танкисты – герои Великой Отечественной войны и герои СВО. Персонально были названы политические деятели или военачальники, сыгравшие важную роль в истории России: Иван III Великий, Александр Невский, Александр II Освободитель, Минин и Пожарский, Кутузов, Барклай-де-Толли, Багратион, Сталин («был такой лозунг: “За Родину! За Сталина!”») (2 раза); совершившие героические поступки (Зоя Космодемьянская, герои «Молодой гвардии»); деятели культуры (Чайковский, Пушкин, Айвазовский, Коста Хетагуров, Валерий Гергиев); а также деятели региональной истории: Шамиль¹, Хаджи-Мурат², Алибек³, Залихат Эркенова⁴ («карачаевская Зоя Космодемьянская»).

Ответы участников фокус-групп на вопрос о патриотической деятельности, поступках можно разделить на две группы: 1) названы конкретные виды деятельности: защита Родины, посылка солдату на СВО, деятельность благотворительных фондов, гуманитарная помощь мобилизованным, волонтерская деятельность, преподавательская и воспита-

¹ Шамиль (1797–1871) – третий имам Дагестана и Чечни (1834–1859), один из главных противников Российской империи во время Кавказской войны 1817–1864. Шамиль укрепил свою власть в горских обществах и стал единовластным правителем Имамата. Он завершил формирование структуры его управления, создал собственные вооруженные силы, законодательную и налоговую системы. Личность Шамиля получила отражение в северокавказском фольклоре, а также в искусстве. В Великую Отечественную войну в честь Шамиля названа танковая колонна, входившая в состав 1-й гвардейской танковой армии.

² Хаджи-Мурат (1818–1852) – аварский вождь и военачальник, «правая рука» имама Шамиля в Дагестане. Бесстрашный воин.

³ Хириясул Алибек (1805–1839) – военный и государственный деятель Северо-Кавказского имамата, наиб имама Шамиля, ближайший сподвижник двух предшествующих имамов Гази-Мухаммада и Гамзат-бека. Проявлял безграничное мужество в боях.

⁴ Залихат Эркенова (1913–1942) – инструктор Карачаевского обкома ВКП(б), пулеметчица, помощник политрука Зеленчукского партизанского отряда «Мститель». В 1942 г., прикрывая отход своих товарищей, попала в плен к фашистам, и, несмотря на многодневные пытки, так и не раскрыла врагу местонахождение своего отряда. После чего была казнена в горном каньоне под Кисловодском. Посмертно награждена орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны I степени».

тельная деятельность, правоохранительная деятельность, работа центра «Авангард», Зарница, военные сборы, раздача георгиевских ленточек, реконструкция военных действий, деятельность учителей, Задалескина¹, борьба с ковидом, творческая деятельность, добровольческая деятельность на безвозмездной основе; 2) обозначен характер деятельности, которую можно отнести к патриотической: «сплоченность как раз в периоды, в моменты тяжелых событий вокруг нас», «те поступки, такую деятельность, которая приносит пользу обществу, малой Родине» (РД), «не изменять ценностям того места, которое ты называешь Родиной», «это умение сплотиться в трудной ситуации и помочь тем, кто в этом действительно нуждается» (РСО-А), «каждый человек должен стараться привнести свой вклад в...развитие своей страны и, в том числе, научная деятельность, развитие промышленности, развитие абсолютно разных сфер...» (КЧР), «именно вклад в общее дело с осознанием того, что ты являешься частью чего-то общего», «просто постараться сохранить историческую память», «это всегда созидательная какая-то сила», «когда ты замечаешь плохое и стараешься это исправить» (СК).

Большинство участников фокус-групп считают, что объектом формирования патриотизма в современной России должно быть все население: «все население страны, так как старшее поколение учит нас патриотизму» (КЧР, юноша); «патриотизм нужно пробуждать у всего населения, потому что каждый человек может принести пользу, не только молодежь» (РД, девушка).

Считают, что основным объектом формирования патриотизма в современной России должно быть молодое поколение (3 участника из 2 фокус-групп): «молодежь, как маленький плодик, который нужно растить» (КЧР, юноша); «для меня главным объектом патриотического воспитания все-таки является молодежь как объект, которому нужно прививать вот эти идеалы, и они дальше их будут транслировать» (РСО-А, юноша); «она [молодежь] больше подвергнута угрозам извне...в то время, как старшие – их сознание и подсознание – оно более крепкое и идеология другая. Не зря же говорят – чем старше, тем человек мудрее. Поэтому сильнее надо уделять внимание молодежи» (РСО-А, юноша).

Проблемы формирования патриотизма в современной России, по мнению участников фокус-групп, являются преимущественно социокультурными:

¹ Задалеская нана – это собирательный образ матери спасительницы из осетинского фольклора. Во времена нашествия монголов, которые не просто порубили всех аланских воинов, а уничтожали целые поселения, всех людей от мала до велика, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей, одна выжившая женщина бродила среди разоренных селений и отыскивала живых еще детей. Собрала она детей разного возраста 16 фамилий. Эту женщину народ запомнил под именем Задалески Нана, что означает в переводе Мать из Задалеска. Женщина смогла увести детей высоко в горы и укрыла их в маленькой пещере вблизи села Задалеск. Там она укрывала детей пока не миновала опасность. Задалески Нана считают спасительницей аланского народа.

– утрата этнокультурной самобытности: «люди переезжают в города и вот социальная, этническая идентичность у людей теряется. Вот это проявляется, как я уже говорил ранее, а и именно в том, что национальные языки пропадают. В эти даже самые народные языки интегрируются слова из других языков. Чаще всего молодежь начинает их использовать и тем самым это, как я полагаю, это подрывает патриотизм в общем всей страны» (РД, юноша);

– широкая трансляция «чужого» образа жизни: «сейчас, допустим, очень развиты турецкие сериалы и, допустим, взрослые люди тоже их смотрят, и они могут как-то... их привлекать: турецкая культура, культура востока» (РД, девушка), «наш народ, он принимает чужие традиции, заграничные традиции, культуры, нравы, хотя, я считаю, это неправильным. Каждый народ, ну, каждая культура должна быть самобытна и идти по своему пути развития, т. е. традиции, культура, они не должны полностью пропадать, это должно храниться в народе и передаваться из поколения в поколение, т. к. это часть истории нашего народа» (РД, девушка);

– негативное влияние социальных сетей и интернета, отсутствие критического мышления: «социальные сети способствуют непатриотическим настроениям и любви к другим странам, а не к своей стране» (КЧР, девушка); «социальные сети – это лопата, которая сейчас рубит деревья. Нужны такие платформы и порталы, где для молодежи будет трансляция идей и символов патриотизма» (КЧР, юноша); «большой доступ к «лживой» информации..., которая может настраивать людей против своей же страны» (СК, девушка);

– плохое знание истории: «плохое обучение истории в наших школах. Не уверена, что каждый школьник может рассказать о ВОВ» (КЧР, девушка); «если взять наш регион и соседний регион... есть история и каждый эту историю понимает по-своему. Это внутренние проблемы – переписывания истории» (РСО-А, юноша);

– риски ухода в радикальный национализм, даже в неонацизм: «те же скинхэды, которые думают, что действуют на благо своей Родины» (РСО-А, юноша);

– перекосы в патриотическом воспитании: «раньше были у нас в школах по части патриотического воспитания, Зарницы, Юнармия. Почему-то в последнее время, не считая начала СВО, они перестали иметь место быть, не знаю, куда-то исчезли. А потом, когда СВО началось, патриотическое воспитание снова сделало акцент на этом, все это снова стали возрождать. Министр обороны сам не раз говорил об этом – почему в мирное время мы от всего этого отказались. Мне кажется, что от таких вот подходов воспитания нельзя отказываться, и ценности, основные ценности нужно передавать от одного поколения в другое, чтобы они не терялись между поколениями» (РСО-А, юноша); «у нас нет никакой структурной работы в этом направлении» (СК, юноша);

— недоступность необходимой информации: «низкая информированность людей о том, как можно проявлять свою инициативу... возможно причина не в том, что люди не хотят, а в том, что ... нет понимания, как можно проявить себя» (СК, девушка);

— бытовой национализм: «В полиэтнических республиках очень развито. Особенно среди старших, т. к. они не знают религию. А молодежь, исходя из религии, готова на единство» (КЧР, юноша); «Сегодня есть такая тенденция, что, к примеру, в Москве кавказец не снимет квартиру у русской семьи» (РСО-А, юноша); «я замечал, возможно единично, что некоторые представители других национальностей, они как будто отделяют себя от всей страны, например, ставят во главу только свою республику. Таких ситуаций мало, но я просто говорю о том, что замечал. И, наверное, это тоже проблема, потому что в первую очередь ... должна ставиться страна выше всего... не должно происходить такого отделения» (СК, юноша);

— экономические проблемы: «Проблемы в первую очередь, я скажу, что они кроются именно в экономическом положении человека, того или иного. И экономика здесь выступает первоосновой, и от нее идут и все проблемы: и патриотические, там, и моральные, и нравственные проблемы» (РД, юноша); «В 21 веке выходит что-то новое, интересное. А в стране нет ничего своего. Лекарства турецкие, смартфоны американские. Нужно все свое» (КЧР, юноша).

Участники фокус-групп предложили следующие эффективные практики формирования патриотизма:

— конкретные мероприятия: «был в КБР на молодежном мероприятии, поднимались на Эльбрус. Возложили цветы к памятнику героям ВОВ. Это для молодежи очень важно. Все прониклись какой-то особенной трагической атмосферой» (КЧР, юноша); «волонтеры-медики... наши студенты едут в госпиталь в Ростов помогать раненым» (КЧР, девушка); «показ фильмов... о Великой Отечественной войне. Фильмы, они тоже очень трогают, в особенности про блокаду Ленинграда фильмы и о героях Великой Отечественной войны» (РД, девушка); «повезти, например, в какой-то интересный музей про историю России, Дагестана, рассказывать им, через что прошел народ, как они жили. И... ну, рассказывать нашу историю, так, чтобы они ее полюбили... страну, нашу историю» (РД, юноша); встречи с участниками событий, начиная с третьего класса, «потому что дети... испытывают эмоции гораздо ярче нас, и это все равно оставит след» (РД, девушка); письма неизвестному солдату, акция «Блокадный хлеб», «на 9 мая, 23 февраля, мы проигрывали различные сценки с песнями “Катюша”, “Синий платочек”, ну, с песнями Великой Отечественной войны» (РД, девушка),

— виды деятельности: волонтерство, «акции памяти и современности непосредственно в учреждениях» (КЧР, девушка), «помощь ветеранам войны, они люди старенькие, нуждаются в помощи» (КЧР, юноша),

«должны объяснять, что эта страна принадлежит тебе, и ее будущее тоже в твоих руках» (РД, юноша); «меньше уроков, больше разговоров... больше практики» (СК, девушка); «следует обратить внимание на тех, кто работает с большими массами... кто является учителями... чтобы мы обучали убежденных людей» (СК, юноша); «необходимо какие-то с приятной картинкой видео снимать, рассказывая о каких-то исторических фактах, о том, что связано с патриотизмом. Разрабатывать, конечно же, различные интерактивные игры, которые с этим связаны» (СК, юноша); «можно перевести исторические моменты в истории России в игру монополия, исторический крокодил. Также можно дебаты. Любое событие можно перевести на дебаты. И тогда человек поставит себя как в оппозицию, так и на одобряющую сторону. Это критическое мышление» (СК, девушка).

Вопрос о современных культурных источниках трансляции патриотизма («Назовите литературные произведения, художественные/документальные фильмы, телевизионные программы, интернет-проекты, созданные за последние 5 лет, которые, на ваш взгляд, способствуют формированию и трансляции патриотизма») остался практически без ответа, молодые люди не смогли их назвать.

Современные литературные произведения назвал только 1 участник фокус-группы РД (Ханипаев Ислам «Типа я», 2022 г.)¹.

К художественным фильмам, транслирующим патриотизм, участники фокус-групп отнесли преимущественно фильмы, связанные с тематикой Великой Отечественной войны: «Крылья над Берлином» (2022), «Огонь» (2020), «Молодая гвардия» (2020), «Война и мир» (2022).² Несмотря на такой незначительный список, молодые люди подчеркивают значимость кино вообще и фильмов о Великой Отечественной войне в формировании патриотизма: *«Я считаю, что в целом вот кино – это и есть такая очень большая пропаганда патриотизма. Назвать примеры точно не смогу... Но считаю, что именно кино. На самом деле очень большие успехи наши делают. Не говоря уже о советских»* (РД, юноша), *«я недоволен, что у нас Фонд кино производит, эти фильмы мне просто не нравятся. И аналогия с советским кинематографом, который для меня является транслятором патриотизма... если за последние пять лет говорить – у американцев это получается. У них получается. У них там, если инопланетяне флаг американский сожгли, то всем понятно, что американцы им будут сейчас сдачи давать. А у нас такой аналогии нет»* (РД, юноша).

Был назван только 1 документальный фильм на фокус-группе РСО-А: «Хип-Хоп Осетия» (2022).

¹ Также были названы литературные произведения: Медведев Д. «Сильные духом» (1951), Булгаков М. «Записки юного врача» (1926), Островский Н. «Как закалялась сталь» (1934), Светлов М. «Итальянец» (1943).

² Также были названы фильмы: «Единичка» (2015), «Мы из будущего» (2008) (название не помнили), «По соображениям совести» (2016), «Легенда № 17» (2013).

Более активно респонденты называли телевизионные передачи: «*”Свое ТВ”, “Россия Кавказ”, там тоже очень много рассказывается об истории, об путешествиях по Кавказу, потому что необходимо знать историю, необходимо знать просторы нашей страны, чтобы ее изучить, чтобы поехать куда-то, посмотреть*» (СК, юноша), программа «Орел и Решка по России».

Интернет-проекты (включая аккаунты в социальных сетях) точно названы не были, скорее описаны и охарактеризованы: «*Все, что я видела, было создано обычными людьми в плане того, что это были пользователи Ютуба, которые создавали ролики, которые были направлены на повышение патриотизма, которые были связаны с СВО, которые были связаны с Великой Отечественной войной и Россией в целом. И на фоне этого у многих людей, если анализировать комментарии, они гордились тем, что они из России. Потому что... это важно, чтобы человек изучал историю, а не то, что переписывали по многу раз*» (РСО-А, девушка), «*Я иногда смотрю Сергея Минаева. У него интересные лекции и на историческую тему, и об общественных процессах*» (СК, девушка).

Выводы

Анализ результатов проведенных фокус-групп показал, что признание участниками дискуссии значимости патриотизма для развития Северного Кавказа, России в целом, всего общества контрастирует с реальными знаниями о нем:

- отсутствует четкое понимание понятия «патриотизм», его содержания и структуры;
- крайне ограничен набор символов, репрезентирующих патриотизм;
- недостаточным является уровень исторических знаний;
- недостаточно прослеживается в ответах и примерах опрошенной молодежи взаимосвязь между героями Великой Отечественной войны и героями СВО, что свидетельствует и о соответствующих пробелах в формировании реального современного патриотизма;
- молодые люди имеют ограниченные представления о патриотической деятельности, о том, как они себя могут проявить как патриоты;
- являясь активными потребителями массовой культуры, участники фокус-групп не смогли назвать достаточно современных культурных источников, транслирующих патриотизм.

Обобщая результаты фокус-групп, можно констатировать, что в молодежной среде СКФО Победа в Великой Отечественной войне остается ценностно-смысловой основой формирования патриотизма, является основным объединяющим символом для всего полиэтнического и поликонфессионального социума российского Северного Кавказа. Определяя причины актуализации проблематики патриотизма, представители молодежи говорят прежде всего о необходимости защиты Родины, приводят приме-

ры военного прошлого. Символы и герои, репрезентирующие патриотизм, названные участниками фокус-групп, также относятся по большей части к Победе в Великой Отечественной войне и ее ключевым сражениям.

Наиболее эффективные и достойные масштабирования практики формирования патриотизма, названные участниками фокус-групп, также связаны с сохранением памяти о Великой Отечественной войне. Трансляция этих практик в молодежную аудиторию требует расширения контента, связанного с Великой Отечественной войной, в информационном пространстве в доступной и привлекательной для молодежи форме: интернет-проекты, аккаунты в социальных сетях, привлечение популярных в молодежной среде блогеров.

Проблемами формирования патриотизма в современной России, по мнению участников дискуссии, являются: экономические проблемы, отсутствие «своей» культурной продукции, бытовой национализм, негативное влияние социальных сетей и интернета, отсутствие критического мышления, плохое знание истории, утрата этнокультурной самобытности, риски ухода в радикальный национализм, грозящий перерасти в неонацизм, перекосы в патриотическом воспитании, недоступность необходимой информации для реализации патриотической деятельности. Для решения данных проблем в реализации молодежной политики следует шире использовать ресурс исторической памяти народов России о Великой Отечественной войне, о ее героях, подчеркивать преемственность поколений через «связку» между героями Великой Отечественной войны и героями Русской Весны, СВО. Деятельность в данном направлении представляет собой актуальную задачу по воспитанию реального и современного патриотизма у российской молодежи, в том числе на Северном Кавказе. Значимым событием в этой деятельности стало недавно прошедшее празднование 80-летия Великой Победы.

Библиографический список

1. Авеева Б. М., Задваева Л. Н. Патриотизм и гражданственность в иерархии ценностей молодежи Калмыкии // Вестник ИКИАТ. 2023. № 1(46). С. 82–90. DOI: 10.24412/2071-7830-2023-146-82-90; EDN: UZDQEG.
2. Абдулагатов З. М. Проблемные вопросы российского патриотизма (на примере республики Дагестан) // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2021. Т. 1. № 3. С. 60–71. DOI: 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071; EDN: NKFPPO.
3. Адиев А. З. Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 133–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: GPUJBI.
4. Алексеенок А. А., Наливайко К. В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 3. С. 177–197. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-3-177-197; EDN: YILWEN.
5. Аствацатурова М. А. Патриотические ценности политики и политика патриотических ценностей в современном российском обществе // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 8-2(96-2). С. 4089–4098. DOI: 10.35775/PSI.2023.96-2.8-2.004; EDN: MABPRX.

6. Афонин А. А. Ценности патриотизма в современном медиакоммуникативном пространстве России // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 3(189). С. 21–27. EDN: GEOWQF.

7. Белановская Ю. Е., Миронова А. В., Слизовский Д. Е. Патриотизм и патриоты в современной России: признаки силы и слабости (историко-политический аспект) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6-2(94-2). С. 2911–2919. DOI: 10.35775/PSI.2023.94-2.6-2.005; EDN; UBNMGL.

8. Вагина В. О. Патриотизм и патриотические практики в молодежной среде на Юге России. Ростов н/Д: Ф-д науки и образования, 2019. 124 с. EDN: GHOMQF.

9. Волков Ю. Г. Солидаристские практики в контексте патриотизма в российском обществе: теоретико-методологические аспекты // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 1. С. 33–42. EDN: ZEIBEH.

10. Гадаев В. Ю., Гадаев Р. В. Патриотическое воспитание молодежи в контексте патриотических ценностей традиционных верований чеченцев // Известия ЧГПУ. Сер. 1. Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 33. № 4(32). С. 80–88. EDN: TDKBKV.

11. Джолиев И. М. О., Гареев Д. Р. и др. Формирование патриотической идентичности у молодежи в контексте межкультурного общения // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 2-1(76). С. 32–41. DOI: 10.25726/e4688-8692-5183-h; EDN: AKLXFO.

12. Жаринова Е. С. Патриотизм как фрейм и технология мобилизации молодежи России в поддержку современного президентского политического курса // Власть. 2015. № 1. С. 74–77. EDN: WAVRZT.

13. Зевелева Е. А., Кокунов К. А. Патриотизм российской молодежи: социологический анализ // Человек. Общество. Инклюзия. 2024. № 1(57). С. 19–26. DOI: 10.24412/2412-8139-2024-1-19-26; EDN: AKFWPM.

14. Иванова С. Ю. Основные концептуальные подходы к исследованию патриотизма. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3704 (дата обращения: 05.03.2025).

15. Калинин В. С. Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 19–29. EDN: PELRGO.

16. Каримов А. Г., Фаткуллина Г. Р. Патриотизм в системе ценностных ориентаций молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4(20). С. 358–372. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-4-358-372; EDN: EEJKGQ.

17. Карпова М. К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 4(48). С. 53–65. DOI: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-6; EDN: JGRPAT.

18. Коноплева А. А., Криворучко А. А. Культурный код патриотизма // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7(182). С. 503–505. EDN: QOUTGV.

19. Кульбачевская О. В. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 20–36. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/20-36; EDN: PUKQAL.

20. Лабыгина А. В. Патриотизм и гражданственность как педагогические категории: единство и различие // Проблемы современного образования. 2022. № 3. С. 47–57. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-3-47-57; EDN: WGELEW.

21. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. № 2. С. 47–65. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.2.3; EDN: QFUDDU.

22. Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления. URL: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-sushchnost-osobenno-sti-osnovnye-napravleniya> (дата обращения: 05.03.2025).

23. Магадиев М. Ф. Государственная система патриотического воспитания современной российской молодежи // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 4(68). С. 1033–1041. DOI: 10.35775/PSI.2021.68.4.006; EDN: ZENMIP.

24. Маленков В. В., Мальцева Н. В. Профили патриотизма в сознании студенческой молодежи Тюмени // Вестник СПбГУ. Социология. 2024. Т. 17. № 2. С. 159–174. DOI: 10.21638/spbu12.2024.203; EDN: CPIXIX.

25. Ореховская Н. А., Ореховский А. В. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3(116). С. 205–210. EDN: VTONFD.

26. Расторгуев С. В. Динамика ценности «патриотизм» в среде российской студенческой молодежи 2014–2022 гг. // Власть. 2024. Т. 32. № 2. С. 165–171. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-165-171; EDN: BNMPMH.

27. Рыбакова М. В., Иванова Н. А. Патриотизм как основа идентификационных трендов в молодежной среде // Власть. 2023. Т. 31. № 2. С. 162–169. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9556; EDN: XBFMSJ.

28. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021; EDN: АОЕВНВ.

29. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / Под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь мир, 2024. 308 с. EDN: XILLPM.

30. Султыгова Р. М., Лезина В. В., Симанян А. В. Гражданско-патриотическое воспитание как фактор развития этнонациональной образовательной политики в России // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85–4. С. 395–398. EDN: LDVOMJ.

31. Шахбанова М. М. Общественно–политические установки молодого поколения дагестанцев: через призму исламского вероучения (по результатам социологического опроса) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 3. С. 256–266. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266; EDN: ANVQZR.

32. Шинкаренко В. В. История Великой Отечественной войны – важный фактор в формировании патриотического сознания молодежи // Цифровая наука. 2024. № 1. С. 4–8. EDN: YRSDOS.

33. Щербина Е. А. Патриотизм в региональном измерении (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 51–58. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/51-58; EDN: PMHKSБ.

Получено редакцией: 24.03.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шульга Марина Михайловна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных инноваций

Иванова Светлана Юрьевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и этнологии

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.3

Victory in the Great Patriotic War as a Value and Semantic Basis for the Formation of Patriotism Among Young People in the North Caucasus¹

Marina M. Shulga

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

shulgamm@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4698-519

Svetlana Yu. Ivanova

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

isu-socf@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2375-6348

For citation: Shulga M. M., Ivanova S. Yu. Victory in the Great Patriotic War as a value and semantic basis for the formation of patriotism among young people in the North Caucasus. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 32–49. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.3; EDN: NOVUII.

Abstract. This article considers ways of shaping all-Russian patriotism among multi-ethnic youth of the North Caucasus and the role of historical memory of the Great Patriotic War in this process. The relevance of the topic is determined by the tasks of stabilising the socio-political situation in Russia in the context of the aggravated crisis of international relations and increasing geopolitical threats. After the Russian Spring and the incorporation of Crimea in 2014, the problem of patriotism has acquired great importance in this subject field. The practice of socio-political life has highlighted the need for scientific analysis of everything that affects the formation and development of patriotism as an integrating value and the basis for positive identification processes in a multi-ethnic society. No less significant is the task of identifying, scientifically describing and substantiating the value-meaning bases for the formation of patriotism of modern youth.

The aim of this article is to identify the value-symbolic significance of the Victory in the Great Patriotic War as a basis for the shaping of all-Russian patriotism among polyethnic youth in the North Caucasus.

The empirical basis of the article is the results of the research project 'Patriotism through the eyes of youth' implemented in April-May 2024 in the North Caucasus Federal District. In the course of the study, four focus groups were conducted in the Karachay-Cherkess Republic, the Republic of Dagestan, the Republic of North Ossetia-Alania and the Stavropol Territory. The participants of the focus groups were leaders and activists of youth organisations in the respective regions. The research was implemented to determine the specifics of perceptions of patriotism, patriotic activities, patriotic symbols, problems and effective practices of patriotism formation in the youth of the North Caucasian Federal District.

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the scientific project "Patriotism as an integrating value of multi-ethnic Russian society" (FSRN-2025-0025)" Programme of scientific research related to the study of ethno-cultural diversity of the Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity 2023–2025.

The results of this study showed that the respondents' recognition of the importance of patriotism for the development of the North Caucasus, Russia as a whole, and society as a whole contrast with their real knowledge of the issue. At the same time, the memory of the Great Patriotic War, the joint feat of the peoples and the common Victory remains the main unifying symbol that contributes to the shaping of patriotism in the multi-ethnic environment of the peoples of the North Caucasus. The authors define the main problems of patriotism formation in the youth environment of the North Caucasus Federal District and suggest possible ways to overcome them.

Keywords: modern Russian patriotism, Great Patriotic War, images of patriotism, symbols of patriotism, North Caucasus, youth

References

1. Aveeva B. M., Zadvayeva L. N. Patriotism and citizenship in the hierarchy of values of young people in Kalmykia. *Vestnik IKIAT*, 2023: 1(46): 82–90 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-7830-2023-146-82-90; EDN: UZDQEG.
2. Abdulagatov Z. M. Regional Problems of Russian Patriotism (basing on the Republic of Dagestan). *Caspium Securitatis: zhurnal kaspiiskoi bezopasnosti*, 2021: 1: 36: 60–71 (in Russ.). DOI: 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071; EDN: NKFPPO.
3. Adiev A. Z. Patriotic discourse in the publications of humanities scientists of the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023: 14: 3: 133–148 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: GPUJBI.
4. Alekseenok A. A., Nalivaiko K. V. Patriotic education of students: sociological analysis. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk*, 2023: 18: 3: 177–197 (in Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-3-177-197; EDN: YILWEN.
5. Astvatsaturova M. A. Patriotic values of politics and the politics of patriotic values in modern Russian society. *Voprosy politologii*, 2023: 13: 8-2(96-2): 4089–4098 (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2023.96-2.8-2.004; EDN: MABPRX.
6. Afonin A. A. Values of patriotism in modern Russian media communication space. *Etnosocium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 2024: 3(189): 21–27 (in Russ.). EDN: GEOWQF.
7. Belanovskaya Yu. E., Mironova A. V., Slizovskij D. E. Patriotism and Patriots in Modern Russia: Signs of Strength and Weakness (Historical and Political Aspect). *Voprosy politologii*, 2023: 13: 6-2(94-2): 2911–2919 (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2023.94-2.6-2.005; EDN: UBNMGL.
8. Vagina V. O. Patriotism and patriotic practices in the youth environment in the South of Russia: monograph. Rostov-on-Don: F-d bauk ii obrazovaniya, 2019: 124 (in Russ.). EDN: GHOMQF.
9. Volkov Yu. G. Solidaristic practices in the context of patriotism in Russian society: theoretical and methodological aspects. *Poisk: Politika. Obshchestvovedeniye. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura*, 2017: 1: 33–42 (in Russ.). EDN: ZEIBEH.
10. Gadaev V. Yu., Gadaev R. V. Patriotic education of young people in the context of patriotic values of traditional beliefs of chechens. *Izvestiya ChGPU. Ser. 1. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020: 33: 4(32): 80–88 (in Russ.). EDN: TDKBKV.
11. Dgoliev I. M. O., Gareev D. R. et al. Formation of patriotic identity among young people in the context of intercultural communication. *Upravleniye obrazovaniyem: teoriya i praktika*, 2024: 2-1(76): 32–41 (in Russ.). DOI: 10.25726/e4688-8692-5183-h; EDN: AKLXFO.
12. Zharinova E. S. Patriotism as a Frame and Technology of Mobilisation of Russian Youth in Support of the Modern Presidential Political Course. *Vlast*, 2015: 1: 74–77 (in Russ.). EDN: WAVRZT.
13. Zeveleva E. A., Kokunov K. A. Patriotism of Russian Youth: a sociological analysis. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya*, 2024: 1(57): 19–26 (in Russ.). DOI: 10.24412/2412-8139-2024-1-19-26; EDN: AKFWPM.
14. Ivanova S. Yu. Main conceptual approaches to the study of patriotism. Accessed 05.03.2025. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3704 (in Russ.).
15. Kalinich V. S. Value orientations and ideas of youth about patriotism and patriotic education in modern. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 2023: 5: 19–29 (in Russ.). EDN: PELRGO.
16. Karimov A. G., Fatkullina G. R. Patriotism in the system of value orientations of youth. *Ufimskii humanitarnyi nauchnyi forum*, 2024: 4(20): 358–372 (in Russ.). DOI: 10.47309/2713-2358-2024-4-358-372; EDN: EEJKGQ.
17. Karpova M. K. Patriotic sentiments of modern youth: challenges of the time. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2024: 12(4): 53–65 (in Russ.). DOI: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-6; EDN: JGRPAT.

18. Konopleva A. A., Krivoruchko A. A. Cultural code of patriotism. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal*, 2023: 7(182): 503–505 (in Russ.). EDN: QOUTGV.
19. Kulbachevskaya O. V. Youth Patriotism as a Strategic Resource for Russia's Development: Potential, Challenges, Risks. *Vestnik antropologii*, 2023: 4: 20–36 (in Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/20-36; EDN: PUKQAL.
20. Labygina A. V. Patriotism and civic consciousness as pedagogical categories: unity and difference. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2022: 3: 47–57 (in Russ.). DOI: 10.31862/2218-8711-2022-3-47-57; EDN: WGELEW.
21. Lubsky A. V. Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficit of citizenship in Russian patriotism. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 2019: 2: 47–65 (in Russ.). DOI: 10.23683/2227-8656.2019.2.3; EDN: QFUDDU.
22. Lutovinov V. I. Modern Russian patriotism: essence, features, main directions. Accessed 05.03.2025. URL: <https://st-hum.ru/content/lutovinov-vi-sovremenny> (in Russ.).
23. Magadiev M. F. State system of patriotic education of modern Russian youth. *Voprosy politologii*, 2021: 11: 4(68): 1033–1041 (in Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2021.68.4.006; EDN: ZEHMIP.
24. Malenkov V. V., Maltseva N. V. Profiles of patriotism represented in students' consciousness in Tyumen. *Vestnik SPbGU*, 2024: 17: 2: 159–174 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2024.203; EDN: CPIXIX.
25. Orekhovskaya N. A., Orekhovsky A. V. Patriotism as the creative ideology of Russian society. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2016: 3(116): 205–210 (in Russ.). EDN: VTOHFD.
26. Rastorguev S. V. The dynamics of the value of patriotism among Russian students in 2014–2022. *Vlast*, 2024: 32: 2: 165–171 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-165-171; EDN: BNMPMH.
27. Rybakova M. V., Ivanova N. A. Patriotism as the basis of identification trends in the youth environment. *Vlast*, 2023: 31: 2: 162–169 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9556; EDN: XBFMSJ.
28. Content bases of Russian identity. Regional and ethno-cultural contexts. Ed. by E. M. Arutyunova, S. V. Ryzhova. Moscow, FNIS RAN, 2021: 288 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-374-4.2021; EDN: AOEBHB.
29. "Arrow of time" in the mass consciousness of Russians: assessments of the past, judgements about the present, ideas about the future. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Ves' Mir, 2024: 308 (in Russ.). EDN: XILLPM.
30. Sulytsova R. M., Lezina V. V., Simanyan A. V. Civic and patriotic education as a factor in the development of ethno-national educational policy in Russia. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2024: 85-4: 395–398 (in Russ.). EDN: LDVOMJ.
31. Shahbanova M. M. Socio-political attitudes of the younger generation of Dagestanis: Through the prism of Islamic doctrine (based on the results of the sociological survey). *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Politologiya*, 2024: 24: 3: 256–266 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266; EDN: ANVQZR.
32. Shinkarenko V. V. History of the Great Patriotic War – an important factor in the formation of patriotic consciousness of youth. *Cifrovaya nauka*, 2024: 1: 4–8 (in Russ.). EDN: YRSDOS.
33. Shcherbina E. A. The Regional Dimension of Patriotism (the Case of the Karachay–Cherkess Republic). *Vestnik antropologii*, 2023: 4: 51–58 (in Russ.). DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/51-58; EDN: PMHKSJ.

The article was submitted on: March 24, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina M. Shulga, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Innovation

Svetlana Yu. Ivanova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Ethnology

ТЕМА НОМЕРА

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4

EDN: EILHPQ

Боевые традиции казачества в годы Великой Отечественной войны и в современности

Ссылка для цитирования: *Воденко К.В., Иванченко О. С., Шевченко О.М.* Боевые традиции казачества в годы Великой Отечественной войны и в современности // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 50–70. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: EILHPQ.

For citation: Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Shevchenko O. M. Combat traditions of the Cossacks in the Great Patriotic War and in modern times. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 50–70. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: EILHPQ.

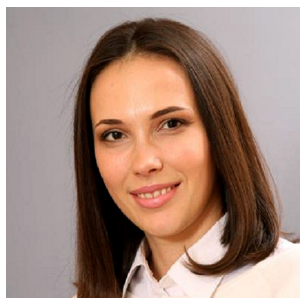

SPIN-код: 5346-5128

Воденко Константин Викторович¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

vodenkok@mail.ru

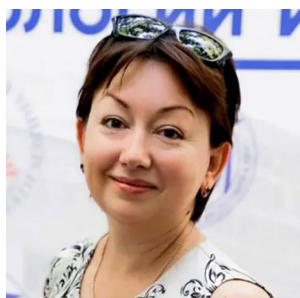

SPIN-код: 1101-3947

Иванченко Ольга Сергеевна¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

olga.ivanchenko1509@mail.ru

SPIN-код: 3349-6270

Шевченко Ольга Михайловна¹

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

olgashv2007@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию боевых традиций российского казачества в защите Отечества, их формированию, проявлению в годы Великой Отечественной войны и воспроизводства в современных условиях. Казачество являлось особым сообществом воинов, добровольно взявших на себя обязательства по защите границ и отражению нашествий врагов на родные земли. Казаки принимали участие во всех военных кампаниях России, о боевой славе их слагались легенды. Казачьи формирования отличались особым статусом иррегулярной армии и автономностью несения военной службы. Они славились особым боевым мастерством, традициями и духом боевого братства. Храня трагические страницы истории своего существования и переживая сегодня ренессанс, казачество продолжает стоять на страже национальной безопасности. Целью настоящей статьи является выявление сохранившихся, воспроизводящихся в настоящее время военных традиций казачьими сообществами. Выводы основаны на качественных данных, полученных в ходе пилотного исследования, проведенного авторами в феврале-марте 2025 года. В ходе исследования проведен анализ исторических материалов и документов, дополненный глубинными интервью с представителями казачьих сообществ, казачьих народных дружин, бойцами казачьих подразделений.

В статье также приводится исторический экскурс участия казаков в обороне Отечества. Особое внимание уделено участию казачьих подразделений в Великой Отечественной войне. Охарактеризован статус казачьих сообществ в современной системе национальной безопасности, особенности их формирования и укомплектования. Показан традиционный патриотизм казачества, который имеет не только «охранительное» проявление, но и «гражданское», выражающееся в труде и альтруистическом служении своему народу.

На основании проведенного анализа исторического материала и данных интервью, авторы приходят к выводу, что казачество, как особая служилая сила, продолжает сохранять и передавать свои традиции и сегодня. Казаки уважают и чтут военные традиции, сформированные за столетний период их военного участия. Казачье сообщество демонстрирует убежденный патриотизм, пассионарность, сопряженную с альтруизмом, глубокую православную веру, переплетенную со старинными суеверными традициями, военное искусство, боевое товарищество и землячество.

Ключевые слова: социология, Россия, казачество, защита Отечества, патриотизм, военные традиции, историческая память

Введение

В 2025 г. Россия отмечает 80-летнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, ставшей одним из наиболее значимых событий российской истории. Победа советского народа определила послевоенное развитие не только страны, но и мира в целом, а в настоящее время продолжает оставаться главным символом национального единства, задающим параметры исторического сознания, включая его ценностно-смысловые аспекты. Значимость исторических образов в том, что они неразрывно связаны с будущим, выступают его проекцией, влияют на эмоционально-смысловые структуры идентичности ныне живущего поколения. Как результат, образы истории, закрепленные в общественном сознании, обеспечивают устойчивость исторической памяти, общегражданской идентичности и во многом определяют самосознание народа. Не в последнюю очередь они способны

определять политический вектор государства, поскольку память о победах и поражениях прошлого может определять масштаб его притязаний, выступать детерминантой поведения страны на международной арене.

Русское казачество внесло значимый вклад в защиту Отечества. Возникнув, как сообщество вольных воинов, оно со временем трансформировалось в мощную военную силу, добровольно взявшую на себя обязательства по защите российского государства. Участвуя во всех военных кампаниях по защите Отечества в XVII–XX вв., казаки неоднократно проявляли мужество и героизм, покрыв себя неувядаемой славой. Вместе с тем страницы истории хранят сложные периоды взаимоотношений казачества с властью в разные периоды своего существования.

Вся жизнь и культура казачества переплетена с боевыми буднями. Повседневность казаков была ориентирована на воинское служение, что сформировало традиции в несении службы, ведении боевых действий и особое воинское искусство. Военные традиции позволили казачьему сообществу сохранить свою жизнеспособность, уцелеть в жестокой борьбе с противниками, не только выйти победителем, но и расширить государственные границы. Здесь стоит заметить, что освоение Сибири, сообщившее России потенциал сверхдержавы, во многом стало возможным благодаря участию казачества.

В основе казачьих традиций заложена особая духовно-мировоззренческая культура, проявляющаяся в сочетании свободы со строгой дисциплиной, пассионарностью, проявляющейся в стремлении к самопожертвованию ради благого дела, глубоким чувством товарищества и боевого братства.

Сегодняшнее геополитическое противостояние характеризуется не только усилением классического военно-технического противоборства, в том числе посредством прокси-войн, но также интенсификацией деструктивного информационного воздействия на общественное сознание, целью которого становится девальвация исторических фактов, остракизм и обесценивание исторического прошлого, размывание культурной и гражданской идентичностей. Представляется, что одно из магистральных направлений связано с целенаправленными попытками вытравить из сознания народа память о наиболее значимых событиях отечественной истории, являющуюся консолидирующей основой и обеспечивающую межпоколенческую связь в ее национально-гражданском аспекте. Сформировавшиеся глобальные вызовы, стоящие перед Российским государством, потребовали активного участия в ответе на них, в том числе и казачества. В связи с этим был сформулирован основной исследовательский вопрос: сохранило ли сегодняшнее казачество свои военные традиции, характеризующие его как особую социальную силу?

Теоретические основания и методы исследования

Исследование боевой славы казачества и его военных традиций опирается на теоретические концепты исторической памяти, которая выступает системообразующим элементом общественного сознания любой социальной

общности. В содержательном отношении она представляет собой совокупность символов, идей и убеждений, базирующихся как на исторической фактологии, так и мифологии, лежащих в основе представлений той или иной общности. Выступая духовной опорой, историческая память мобилизует и консолидирует общность перед лицом испытаний, позволяет обеспечить ее сплоченность в переломные и кризисные моменты. Вместе с тем, историческая память сохраняет и транслирует информацию о пережитых общностью социальных травмах, источником которых могла быть, в том числе, и сама общность. Таким образом историческая память выступает феноменом, долженствующим препятствовать повторению совершенных ошибок. В случае, если трагические события затронули социальное существование целых народов, вышли на глобальный уровень, это должно послужить историческим уроком для человечества в целом.

Несмотря на очевидность ретроспективной направленности исторической памяти, она не ограничена представлением общности о прошлом, поскольку позволяет переосмыслить прошлое в контексте настоящего, обеспечить через настоящее связь прошлого и будущего, обладает процессуальностью. Наконец, историческая память во многом определяет дальнейшее развитие общества посредством актуализации традиционных для него ценностных установок [7].

Настоящее исследование базируется на теоретических положениях, гласящих, что историческая память входит в структуру исторического сознания, направленного на сохранение культурных традиций народов и обеспечение преемственности исторического опыта поколений, а также фокусирует сознание, отражающее актуальность и значимость информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим [24]. Также исследование опирается на концепцию Я. Ассмана, в которой историческая память рассматривается в дискурсе культурной памяти, представляющей набор символической и вербальной репрезентации прошлого, т. е. как форма передачи и актуализации культурных смыслов, благодаря которым осуществляется реконструкция прошлого [2, с. 59].

Культура и традиции казачества представляют собой своеобразный культурный код как микрокультуру, фоновый смыслообразующий контекст формирования базовых ценностей. Ядро ее формируют такие ценности как «справедливость», «нравственность», «долг», «вера». Для казачества характерна особая ментальность, проявляющаяся в сочетании вольного духа, свободы и независимости с самоотверженным служением, почитанием традиций и уважением исторического наследия, семейности и соборности.

Настоящая работа основана на данных, полученных качественными методами, которые включают анализ действующих нормативно-правовых актов, определяющих статус казачества, данные из открытых источников, а также исторический материал и глубинные полуструктурированные интервью (7), проведенные на территории Ростовской области (г. Новочеркасск). Казаки-респонденты должны были быть членами реестровых казачьих объединений, которые наделяются правами несения государственной службы и выполнения государственных функций (например, охрана госу-

дарственной границы, патриотическое воспитание молодежи и подготовка их к военной службе; охрана общественного порядка; охрана муниципальных и муниципального хозяйства и т. д.).

Историческая память о боевой славе казачества

Казачество в общественном сознании за несколько столетий сформировало стереотип, связанный с военной службой, как специфической функцией данной социальной группы. Исследователи отмечают, что «зарождение самой политики и государственности в казачьих сообществах XV–XVI вв. прослеживается в связи с эволюцией военного лидерства. Первые политические действия, давшие начало казачьему самоуправлению в рамках, например, Запорожской Сечи, обусловлены военным взаимодействием и, в том числе, выстраиванием отношений с российским государством. Это повышало значимость военной составляющей в структуре общественного сознания казаков и их менталитета...» [10, с. 172–174]. В результате, среди архетипов казачества первое место традиционно занимала военная служба, а сама группа позиционировала себя как военное сословие. И в картине мира казаков, и в специальной литературе казачество представлено как субэтнос. Он имеет собственные традиции, связанные со спецификой приграничного образа жизни, организацией деятельности, совмещающей ведение сельского хозяйства и военную подготовку; принципы взаимоотношения с государством, носящие договорной характер; выполняет значимую социальную функцию, связанную с охраной границ государства и ведением на профессиональной основе боевых действий. Как результат, можно констатировать, что казачество, в качестве уникальной социальной группы (военно-служилое сословие), сформировалось под влиянием совокупности качественно различных факторов: географических, политических, социально-психологических и др.

Что касается истории и культуры казачества, то она связана с военными кампаниями. Следует заметить, что не все войны, в которых участвовало казачество, носили оборонительный характер, многие из них были имперскими, связанными с решением политических задач, стоящих перед Российским государством. Однако, наибольшую славу казачеству принесли войны, в которых оно участвовало как вооруженная сила, противостоящая внешней агрессии. В частности, казачьи подразделения (полки) активно участвовали в войнах с наполеоновской Францией. Эти войны можно расценивать и как выполнение союзнических обязательств в войне 1806–1807 гг. (антинаполеоновская коалиция); и как Отечественную войну 1812–1814 гг. Так, в кампании 1806–1807 гг., казачий атаман М. И. Платов руководил 16 донскими полками, а 200 участников были удостоены Знака отличия Военного ордена, переименованного впоследствии в Георгиевский крест [23, с. 37], а в Отечественной войне 1812–1814 гг. участвовали казачьи подразделения, часть которых сражалась в Бородинской битве, во многом определившей ее исход.

Следует отметить участие донского казачества в Крымской войне 1853–1856 гг., где казачьи части принимали активное участие в боях с турками на Дунае и Кавказе, обороняли и побережье Азовского моря. Роль казачества в Крымской войне подробно исследуется в работах А. В. Венкова [11], О. В. Дидука [9] и других авторов.

Следует отметить особый статус казачьих частей, которые относились к иррегулярным частям русской армии. Данное обстоятельство позволяло эффективно использовать их потенциал не только во время ведения военных действий, но и в обеспечении безопасности государственных границ, что было крайне важно в условиях слабой населенности приграничных территорий и агрессивных поползновений сопредельных государств.

Воинскую доблесть казаки продемонстрировали и в ходе Первой мировой войны. Подробно данный аспект освещается в работах А. В. Венкова [6], Г. Л. Воскобойникова [8], Н. В. Рыжковой [21], В. П. Трута [25] и др. Историки отмечают, что «к концу 1914 г. в действующей армии находилось свыше 180 тысяч казаков и 4 тысячи казачьих офицеров. К этому времени было мобилизовано более половины всех казаков призывного возраста» [25, с. 5]. Первая мировая война стала событием, в котором казаки демонстрировали массовый героизм, преданность российскому государству, верность воинской присяге, высокие морально-психологические качества. Даже в критический момент, когда фронт стал «разваливаться» в результате рассогласованности действий командования частями русской армии и революционными волнениями регулярных подразделений, казаки исполняли свой долг до конца, проявляя стойкость и воинскую дисциплину.

Наиболее драматичным для казачества стали события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война. Колебание казачества относительно политической позиции в бурных событиях февраля 1917 г., отказе поддерживать как царское, так и временное правительство, свидетельствовало о стихийности данной социальной группы, отсутствии у нее определенной политической позиции, а также надежды на естественный ход развития событий [14]. В революционных событиях 1917 г. казачество, преимущественно, поддержало белое движение, ответом на что стало целенаправленное расказачивание, сопровождаемое террором со стороны утверждающейся советской власти [13].

Данный период в истории казачества оказался наиболее драматичным, поскольку гражданская война и последующие за ней репрессии не только раскололи казачество, как некогда сплоченную социальную группу, но и привели к значительным людским потерям. Так в результате гражданской войны и репрессий на Дону, согласно подтвержденным данным, погибло более 800 тысяч человек, значительную часть которых составили именно представители казачества [15, с. 679].

Следствием целенаправленной политики расказачивания, согласно исследователям, стали деструктивные изменения в менталитете казаков, включающие мировоззрение, самосознание, обычаи и традиции,

повседневный уклад и др. Между советской властью и казачеством возникло глубокое взаимное недоверие, крайне затруднявшее возможность продуктивного сотрудничества [19].

По мнению историков, расказачивание носило двойственный характер. Оно, как и другие действия советской власти, было направлено на разрушение социальных групп, сложившихся в имперский период и связанных с сословным делением общества. Целью выступала десословизация казачества и его интеграция в формирующуюся общегражданскую жизнь. В не меньшей степени попытка разрушить самосознание сословия, находившегося в имперский период на особом положении, имевшего собственную идеологию, отражала стремление советской власти унифицировать мировоззрение населения страны и, таким образом, укрепить собственные позиции.

Отечественная политическая история, прежде всего XX в., показывает, что кризисные этапы развития страны сопровождались серьезными и неизжитыми до сих пор социальными травмами. Затрагивая различные слои населения, они оставались в исторической памяти народа. Казачество не стало исключением. События революционного и послереволюционного десятилетия привели к расколу казачьего мира, в результате которого проявились адаптивная и дезадаптивная тенденции: часть казачества приспособилась к условиям новой жизни, часть эмигрировала из страны, создав собственные анклавные общины в разных частях мира.

Казачество в Великой Отечественной войне: воинские традиции в новых условиях

Вторым трагичным для казачества, как исторической общности, событием стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Раскол, который произошел в казачестве после Гражданской войны, привел к тому, что часть советских граждан, идентифицировавших себя в качестве казаков, сражались в рядах Красной армии, а также нерегулярных частях (партизанских соединениях), другие – меньшинство, преимущественно эмигранты – стали на сторону гитлеровцев, одержимые реваншистскими настроениями.

Такое явление как коллаборационизм всегда существовало в истории человечества, но его теоретическое осмысление, именно в среде казачества, началось сравнительно недавно. В научной литературе коллаборационизм трактуется как добровольное сотрудничество с врагом, как предательство и измена своей стране. Анализ этой проблемы представлен в работах Е. Ф. Кринко [16], Г. М. Куркова [18], А. А. Пронина [20], М. И. Семиряги [22], О. В. Булыги [4] и др. Исследователи отмечают, что источником коллаборационизма в казачьей среде стала прежде всего вынужденная эмиграция, которая способствовала политизации казачьих общностей, оказавшихся за границей. Политически активная антисоветская позиция казаков-эмигрантов восприняла нападение Германии на СССР как возможность освобождения от большевистской власти и реванша за поражение в гражданской войне.

Выделяя причины сотрудничества представителей казачества с оккупантами обычно указывают: 1) ненависть к советской власти, осуществившей массовый террор в отношении данной социальной группы; 2) стремление к дебольшевизации России; 3) стремление к реализации при помощи нацистской Германии фантастического проекта создания казачьего государства на основе объединения украинских, донских и кубанских земель.

Воинский ресурс казачества, прежде всего его военные навыки и мобилизационный потенциал, был замечен потенциальными противниками СССР еще в довоенный период.

В свою очередь, советское правительство накануне войны предусмотрительно сняло ранее действующие ограничения на возможность службы казаков в Красной армии. В постановлении ЦИК Союза ССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА» 1936 г. отмечалась преданность казачества советской власти и его готовность активно включиться в оборону страны. В связи с этим в РККА не могли служить только лица, лишенные подобных прав в судебном порядке¹.

Заслуживает внимания факт, что данное постановление, способствовавшее вовлечению представителей казачества в подготовку к предстоящей войне, вызвало воодушевление в казачьем сообществе. Укорененность воинских традиций и служения государству в казачьей культуре привели к формированию особых воинских подразделений, проявивших мужество и героизм и сыгравших значимую роль в разгроме врага. Статистические данные свидетельствуют, что уже в 1938 году было сформировано 32 казачьи дивизии, вошедшие в состав РККА, а в годы войны – 91 кавалерийская дивизия [18].

Следует отметить, что участие казачества в Великой Отечественной войне исследовано еще не в полной мере. В то же время деятельность казачьих дивизий на различных фронтах войны освещается в работах О. В. Агафонова [1], А. Г. Бурмагина [5], А. В. Карташева [12], Г. М. Куркова [17], Л. И. Футорянского [26] и др.

Казачьи кавалерийские полки участвовали в тяжелых приграничных сражениях на Украине, в Крыму. Массовый героизм проявили воины казачьих дивизий в битве под Москвой. Так, в ноябре 1941 г. юго-восточнее Волоколамска у дер. Чисмена 116 казаков-кавалеристов, бессильные в конном строю против немецкой бронетехники, бросаясь на танки с гранатами и бутылками с горючей смесью, отбили вражескую атаку, тем самым задержав наступление вермахта и дав возможность красноармейцам укрепиться близ Истры. На Новодевичьем кладбище есть обелиск в честь трех героев обороны Москвы 1941 г., каждый из которых является символом родов войск, защитивших столицу ценой своей жизни: пехотинец Иван Панфилов, летчик Виктор Талалихин и самый известный кавалерист Великой Отечественной войны Лев Доватор, награжденные звездой Героя Советского Союза.

¹ Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/92024-o-snyatii-s-kazachestva-ogranicheniy-po-sluzhbe-v-rkka-post-tsik-sssr-ot-20-aprelya-1936-g> (дата обращения: 12.04.2025).

В июле 1941 г. из казаков были сформированы две Донские кавалерийские дивизии (15-я и 116-я). Весной 1942 г. приказом Ставки Верховного Главнокомандования они были объединены с двумя кубанскими казачьими дивизиями в 17-й казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Н. Я. Кириченко.

В 1942 г. казачьи кавалерийские полки сражались в тяжелых наступательных операциях (Ржевско-Вяземской и Харьковской), а также в битве за Кавказ. Историки отмечают значимость вклада 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса (командующий генерал-лейтенант Н. Я. Кириченко) и 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса (командующий генерал-майор А. Г. Селиванов) в битве за Кавказ, а также в обороне Кубани и Ставрополя [26].

Призванные в армию казаки воевали доблестно, в лучших казачьих традициях. За годы Великой Отечественной войны 262 казака-фронтовика получили звание Героя Советского Союза, а 30 человек стали полными кавалерами ордена Славы.

Вызывает интерес факт, что в период Отечественной войны желающие разыграть казачью карту в своих политических интересах (руководство нацистской Германии, лидеры эмигрантских кругов) столкнулись с неожиданным для них проявлением воинской доблести и патриотизма казачества. В результате надежда на то, что на исконных казачьих землях нацисты будут встречены как освободители, не оправдалась. Донские, кубанские и терские казаки продемонстрировали в массе своей историческую преемственность в сохранении ценностей, сложившихся к XX в.

Статус казачества в современной системе национальной безопасности

Специалисты правомерно констатируют, что значимой частью казачьего патриотизма исторически выступала государственность, которая являлась системообразующим элементом политической культуры казачества, обеспечивая особое ценностное восприятие государства, его присутствие в самосознании представителей социальной общности. Восприятие суверенного государства, как ключевого субъекта, функция которого защитить общество от внутреннего и внешнего деструктивного воздействия, и в настоящее время является краеугольным камнем идеологии современного российского казачества. Интегрируя традиционные ценностные установки, ориентированные на служение государству, она способствует укреплению национальной безопасности современной России.

Как было отмечено ранее, казачество на протяжении многих веков играло значимую роль в жизни российского государства. Обеспечивая обороноспособность страны, защищая ее границы, казачество способствовало становлению и развитию российской государственности. Несмотря на то, что политическая история российского казачества в XX в. отмечена много-

образом проявлений и крайне неоднозначна в содержательном отношении, в конце столетия наметились тенденции к его возрождению, сохранив исторически сложившиеся военные традиции.

В начале XXI в. были приняты правовые акты, прежде всего Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» (от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ), которые установили правила деятельности казачьих обществ, которые выступают формой самоорганизации граждан, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества¹. В соответствии с указанным законом казачье общество подлежит внесению в государственный реестр, т. е. государство ведет особый федеральный реестр казаков. В 2019 г. было создано Всероссийское казачье общество (ВсКО) на основании Указа Президента, которое объединило войсковые окружные, районные (юртовые), хуторские, станичные, городские казачьи общества². Атаман ВсКО назначается отдельным указом Президента. Координационную работу ВсКО осуществляет Совет при президенте РФ по делам казачества³, ключевой задачей которого является разработка и реализация государственной политики в отношении казачества. В структуру управления ВсКО входит 13 казачьих войск, управляемых войсковым атаманом, кандидатуру которого утверждает Президент. У казаков принята своя автономная система чинопроизводства, уставная форма и знаки различия по чинам членов казачьих обществ, которые регламентируются отдельными Указами Президента⁴. Чинопроизводством занимается ВсКО, однако присвоение высшего казачьего чина (казачий генерал) осуществляется Президентом РФ. Кроме того, в ряде субъектов РФ, исторически казачьих регионах, практикуется интеграция казачьего управления в систему региональной власти.

Сегодня существует институт наказного атаманства, учрежденный еще Петром I. С начала XIX в. в ведении наказного атамана находились административно-управленческие функции, в частности: управление гражданскими делами, поземельными спорами, рассмотрение внутренних дел по военной части. Перечисленные функции имеются в модифицированной форме и у современных атаманов. За казачеством продолжает сохраняться на институциональном уровне особый статус в системе государственной безопасности, который проявляется в прямом подчинении верховному

¹ Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23152> (дата обращения: 12.02.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2019 г. № 543 «О Всероссийском казачьем обществе»

³ Распоряжение Президента Российской Федерации от 12.01.2009 г. № 15-рп «О Совете при Президенте Российской Федерации по делам казачества».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2010 г. № 169 «О чинах членов казачьих обществ, внесены в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 09.02.2010 г. № 171 «О форме одежды и знаках различия по чинам членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации».

главнокомандующему, собственной особой системой чинопроизводства, автономности формирования структуры управления внутри сообщества, укомплектовании казачьих подразделений.

Военные казачьи формирования укомплектовывались всегда выходцами из одной станицы. Это являлось одной из причин низких людских потерь в боях. Бывало, что дед, отец и сын стояли в одном строю и оберегали друг друга, подставляли себя под удар, чем своего товарища. И сегодня казачьи подразделения продолжают формироваться по территориальному принципу с привязкой как к территориальным войсковым округам, так и станицам, входящим в их состав. Иными словами, подразделения формируются выходцами из одной станицы (округа). Отвечая на вопрос: отличаются ли казаки от других бойцов, респонденты уверенно говорят, что не отличаются, все служат ради одной цели. Но все-таки выделяют одно возможное отличие – наличие большего взаимопонимания в военном коллективе: *«Ничем мы не отличаемся, все под Богом ходим и служим одной цели и одному государству. Разве что в наших подразделениях взаимопонимания больше, потому что мы все из одного и того же населенного пункта»* (боец казачьего подразделения, 51 год).

Патриотизм казачества как фактор военной мощи

Новая страница в истории казачества связана с началом СВО. В условиях геополитического противоборства российское казачество стало реальной военной и духовной силой. Согласно данным российских СМИ в СВО принимают участие 2,5 тыс. казаков Всевеликого войска Донского (ВВД), добровольческие казачьи формирования, казаки-контрактники, а также казаки, призванные в рамках частичной мобилизации¹². Всего в зоне СВО воюет от 16 до 25 тысяч казаков³.

Отличительной характерной чертой казачества можно назвать пассионарность, активную позицию и невозможность оставаться в стороне, обостренное чувство справедливости, переплетенное с глубоким чувством патриотизма. Когда государству потребовалась защита и воинская мощь, оставаться в стороне для них было невозможно:

«Как можно оставаться в стороне, когда у твоего брата беда. Это мой долг поддержать простых людей» (хорунжий казачьей дружины, 40 лет); *«мы потомки, внуки и правнуки победителей над фашизмом в Великой Отечественной войне. Мой дед был казак, отец казак и я казак. Это наш святой долг стать на защиту Отечества»* (член-

¹ В открытом доступе отсутствуют официальные данные о реальной численности казаков в зоне СВО. Количественный данные приводятся лишь в средствах массовой информации и интервью у должностных лиц.

² Донские казаки на СВО // Аргументы и факты. URL: <https://rostov.aif.ru/society/donskie-kazaki-na-svo> (дата обращения: 13.03.2025).

³ «Их военные функции — далеко не игрушечные» СВО изменила жизнь казаков. Что ждет их в будущем? URL: <https://lenta.ru/articles/2024/01/11/kazachestvo/?ysclid=m8kjo2tsmy132707449> (дата обращения 13.03.2025).

участник казачьей дружины, 27 лет); «казачьи соединения укомплектованы только добровольцами, которые чувствуют свою ответственность и необходимость участия в отстаивании интересов своего государства. Люди, которые добровольно оставили свои дома, свои семьи, своих детей – это люди особого духа и веры» (атаман станичного казачьего общества, 53 года).

Представителям казачества свойственен не только «охранительный» патриотизм, но и патриотизм «гражданский», проявляющийся в трудовой деятельности на благо родной земли и ее жителей, особо нуждающихся в помощи. Комиссованные по состоянию здоровья и не имеющие возможность нести военную службу казаки продолжают работать в зоне проведения СВО в качестве волонтеров, собирая и доставляя гуманитарную помощь для военнослужащих и мирного населения:

«Я как никто знаю бытовую жизнь на войне, какие вещи первой необходимости нужны нашим бойцам. Даю клич родственникам, друзьям, всем неравнодушным, собираю гуманитарку, грузимся под завязку и везем нашим бойцам. Дороги знаю, как свои пять пальцев» (бывший боец казачьего подразделения, 61 год).

Наряду с социальной помощью и поддержкой, которую реализуют федеральные и региональные органы власти, казачье сообщество также организовало помощь своим братьям. В 2024 г. казачьим обществом Всевеликого войска Донского при поддержке Правительства Ростовской области собрано и доставлено около 265 тонн гуманитарных грузов на сумму порядка 92 млн рублей¹. Гуманитарная помощь включала не только вещи первой необходимости, но и технические средства (беспилотные летательные аппараты, мотоциклы, средства радиоэлектронной борьбы), учебные принадлежности, литература для школьников. В отдельное направление выделена помощь семьям казаков, удовлетворение их жилищно-бытовых потребностей и т. д. Также казачьи общества реализуют помощь в реабилитации и адаптации бойцов после несения воинской службы.

Традиция казачьего братства проявляется как в мирной жизни, так и в военной. Среди казаков никто и никогда не бросает своих.

Казачество на страже Православия

Духовной основой мировоззренческой культуры казачества испокон веков была и остается православная вера. Казак не может быть неверующим. Он принимает присягу на кресте и Евангелии, клянется служить Отечеству и защищать православную веру. Проводы казаков на войну всегда сопровождались молебном и благословением воинов на ратные подвиги с призыванием заступничества Святых. Казачья культура включала в себя тесное переплетение православных канонов с суеверными традициями, порой заимствованными у соседних народов. Так, воинам в дорогу давали

¹ Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/result-report/2322/> (дата обращения: 13.03.2025).

скромные, но дорогие для них святыни, в числе которых часто могла быть люлька (т. е. курительная трубка, которую казаки называли еще «бурунька» (от татарского *burun* – нос), «носогрейка»), которую казаки часто называли «родная сестра» или «дорогая подруга». За смакованием табака происходило коллективное обсуждение насущных вопросов или же она использовалась как элемент отдыха после тяжелых сражений или боевых будней. И в наши дни люлька не утратила своей ритуальной функции: *«На проводы моя семья подарила мне трубку. Как истинному казаку. Очень хотелось какую-то вещь как воспоминание о родном доме. Фотографии семьи с собой не берем. Примета плохая»* (боец казачьего подразделения, 51 год).

По традиции, уходя на войну, казаки брали с собой горсть родной земли и веточку полыни, которая считалась символом казачества, благородным и древним символом. Запах полыни символизировал тоску по родной земле. Еще говорили, полынь горькая как казачья судьба [3, с. 130–131]. Казак считался непогребенным, если ему на могилу не положили веточку полыни и не посыпали землей с родного края: *«Мне моя бабушка рассказывала, что, когда провожали казаков на войну, всегда давали веточку полыни, как символ родного дома, донской степи. Но я с собой не ношу веточку полыни. Как святыня у меня пояс «Псалом 90» вложен во внутренний вшитый карман»* (боец казачьего подразделения, 51 год).

Все свое существование казачество в массе своей было и остается защитниками православной Церкви. Казаки защищали православную веру под пытками от австро-венгров в Первую мировую войну, немцев в Великую Отечественную войну, отдавали жизнь за нее и никогда не отрекались. Казаков нередко называли «воинством Христовым».

Защита православной веры и ее святынь обрела особую актуальность сегодня в условиях гонения на Украинскую Православную Церковь (Московский Патриархат), осуществляемого киевскими властями при молчаливой поддержке Евросоюза. Некогда братские народы, объединенные одной многовековой историей, единой верой оказались по разные стороны. Закрываются и разрушаются православные храмы, часовни, обители, подвергается угнетению православное духовенство.

Казаки продолжают вести активную работу по защите и восстановлению достоинства Православной Веры и ее святынь. Передают в дар иконы в храмы на новых территориях, впервые был установлен поклонный крест во славу Святой Троицы в зоне СВО, построена казачья часовня¹.

В военно-полевых условиях казаки продолжают чтить церковные каноны и проводить богослужения: *«У нас в бригаде был священник, мы обустроили походный храм и проводили там службы. Они хоть и сокращенные, но проводили их всегда. Я помогал священнику, прислуживал, несколько бойцов были в качестве хоровых»* (бывший боец казачьего подразделения, 61 год).

¹ Российская газета. Неделя. Федеральный выпуск № 192(9434) от 31.08.2024. URL: <https://rg.ru/2024/08/27/shashka-pod-krestom.html?ysclid=m8iwe6nvwj270770604> (дата обращения: 13.03.2025).

Современные казаки продолжают быть в основном глубоко верующими людьми. Молитва и крест сопровождают казаков, являясь на протяжении веков скрепой между духовно-культурными традициями и современными условиями жизни, формируя мировоззрение, представление об обществе, человеке и его предназначении. Казачья соборность и высокая нравственность формируют силу духа и не позволяют отсиживаться в стороне, когда ближнему нужна помощь.

Казачество – опора государственного порядка

Традиционно казаки принимали активное участие в охране границы. С 2014 года между Войсковым казачьим обществом «Всевеликое войско Донское» и Пограничным Управлением ФСБ России по Ростовской области был заключен договор о содействии казаков в охране государственной границы. Совместно с пограничниками казаки осуществляют паспортный контроль, проводят рейды, проверяют транспорт, дежурят на въездах и т. д. В приграничных районах были сформированы казачьи народные дружины, обеспечивающие порядок и предупредительно-профилактическую работу на данных территориях.

Казачьи дружины сегодня охраняют не только государственную границу, но и общественный порядок в муниципалитетах, проводят профилактику терроризма и экстремизма совместно с правоохранительными органами по защите населения и инфраструктуры. В 2024 г. штатная численность казачьих дружин в Ростовской области составляла 1121 человек¹.

После начала СВО в приграничных районах казачьи дружины решают задачи по защите рубежей от обстрелов, участвуют в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, дежурят на объектах социальной инфраструктуры (школы, детские сады, больницы, поликлиники и т. д.), обеспечивая безопасность: *«Мы самоорганизовались для обеспечения безопасности, прежде всего, наших детей. Установили график дежурств»* (член-участник казачьей дружины, 27 лет). Казачьи патрули и полк народной милиции недавно были сформированы также на новых территориях. Стоит отметить, что члены казачьей народной дружины не получают денежного вознаграждения, а служат в ней на общественных началах.

Институты воспроизводства и трансляции казачьих традиций

Традиции казачьего воспитания и образования воспроизводятся сегодня как через семью, так и через институционально систему многоуровневого казачьего образования. Институтами трансляции казачьих традиций сегодня являются:

¹ Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/result-report/2322/> (дата обращения 13.03.2025).

1. Общеобразовательные организации, имеющие статус «казачья образовательная организация», или классы, имеющие статус «казачьи».
2. Казачьи кадетские корпуса.
3. Казачьи сотни в стенах университетов.

Ключевой миссией казачьего образования является сохранение исторической памяти, передача культурно-исторических традиций, норм и опыта подрастающему поколению, поддержка духовных ценностей. Система казачьего образования направлена на формирование культурного контекста, который определяет ценностную структуру, статусно-ролевую позицию в социальной группе и обществе, задает смысловые ориентиры.

В систему казачьего образования встраиваются вузы, которые внедряют в образовательно-воспитательный процесс казачий компонент, формируются казачьи студенческие сотни. Такие сотни создаются не только на Юге России (в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском крае), но и в центральной России, а также в Сибири.

Как наиболее показательный пример можно привести кластер казачьего образования в Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М. И. Платова. В университете создана система подготовки управленческих кадров из политически активной, патриотически настроенной, профессионально подготовленной части молодежи, заинтересованной в профессиональном росте и стремящейся в перспективе стать региональной элитой.

Научные и образовательные разработки в сфере казаковедения интегрированы в систему дополнительного образования и находят практическое воплощение в деятельности созданного работниками и обучающимися университета станичного казачьего общества «Платовское» Новочеркасского казачьего округа ВКО «Всеволокное Войско Донское». Организовано повышение квалификации по новой программе ДПО: «Управление деятельностью казачьего общества в контексте национальной безопасности» для педагогических работников казачьих образовательных учреждений, студентов и членов казачьих общественных формирований. Систематически проводятся практико-ориентированные семинары, военно-патриотические мероприятия с отработкой навыков полевых сборов и обслуживания полевого лагеря, культурно-просветительские акции.

В вузе организована деятельность Экспозиционного комплекса по казачьей культуре и истории вуза, разработана дорожная карта Донских маршрутов памяти атамана М. И. Платова на территории Ростовской области.

С 2015 г. в университете создана «Платовская сотня», одной из ключевых целей деятельности которой является воспитание и обучение студенческой молодежи в рамках военно-патриотических традиций и восстановление выпуска казачьих офицеров. Военная традиция подготовки казачьих офицеров в Платовской сотне связана с традициями Новочеркасского атаманского военного училища, образованного в 1896 г.

Критериями для отбора в Платовскую сотню являются статус студента (ЮРГПУ (НПИ)), курсанта Военного учебного центра при ЮРГПУ (НПИ)¹. Он должен быть уроженцем казачьей территории, православным, добросовестным. Начало обучения в Платовской сотне начинается с присяги, которая проходит по согласованию с Донской митрополией Русской православной церкви в главном храме донского казачества – Вознесенском войсковом патриаршем соборе. Присяга проходит 14 октября в день Покрова Пресвятой Богородицы, считающимся войсковым праздником донского казачества. Текст присяги, принимаемой молодыми казаками, соответствует историческому варианту присяги 1918 г., утвержденному приказом Атамана Всевеликого Войска Донского № 447 от 6 июля 1918 г. на основании решения Донского Войскового Круга.

С 2015 г. Платовская сотня подготовила к несению государственной и иной службы 234 казачьих офицера-хорунжих, продолжающих службу в вооруженных силах и других силовых структурах, работающих на предприятиях и организациях региона, включая государственную и муниципальную службу. В этом году 39 студентов-казачков Платовской сотни участвовали в Параде Победы в честь 80-й годовщины окончания Великой Отечественной войны в Москве.

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что современное российское казачество, как особая служилая сила, в выполнении военных функций по защите Отечества продолжает сохранять свои традиции, сформировавшиеся на протяжении столетий боевой службы казаков. Начавшийся в 2000 гг. поворот в государственной политике в отношении казачества сегодня демонстрирует результаты. Казачество продолжает сохранять специфику иррегулярных войск несмотря на то, что входит в систему формирования регулярной армии, имеет статус военнослужащих, но отличается от регулярной действующей армии способом комплектования, обмундированием, системой присвоения чинов и напрямую подчиняется Верховному главнокомандующему.

Казаки продолжают выполнять не только военные функции (службы в зоне СВО), но и охранительные, обеспечивая на добровольных началах охрану и государственной границы, и объектов социальной инфраструктуры.

Сегодняшние казаки являются достойными продолжателями традиций своих предков. В параде на Красной площади в честь 80-летия Победы впервые приняли участие представители сразу трех казачьих обществ: Всевеликого войска Донского, Кубанского и Терского казачьих войск.

¹ В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 13 марта 2019 г. №4 27-р в ЮРГПУ(НПИ) на базе факультета военного обучения и УВЦ создан военный учебный центр.

Проведенное исследование имеет ограничения, которые не позволяют экстраполировать полученные результаты на генеральную совокупность. Они обусловлены вынужденно малым числом интервью, которые проводились только среди казаков Всевеликого войска Донского. Несмотря на это, проведенное исследование позволяет выдвинуть гипотезу о том, что традиции в современной казачьей военной повседневности продолжают играть значимую роль. Казаки их чтут и передают их, они патриотичны и пассионарны, их пассионарность сопряжена с альтруизмом, их глубокая православная вера, переплетена с давними суеверными традициями. В числе актуализированных традицией военное искусство, боевое товарищество и землячество.

Полученные результаты могут составить основу для проведения дальнейшего исследования среди участников Всероссийского казачьего общества. Кроме того, мнения и суждения, высказанные казаками, будут полезны не только в выстраивании государственной политики по отношению к казакам, но и в понимании специфики конструирования самоидентификации казаков, формировании процессов воспроизводства казачьей культуры как уникального феномена российской цивилизации.

Библиографический список

1. Агафонов О. В. Казачьи войска России во втором тысячелетии. Киров: КОГУП Киров. обл. тип., 2002. 397 с.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. Сокольская. М.: ЯСК, 2004. 368 с.
3. Астапенко Г. Д. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII–XX вв. Ростов на/Д: Мини Тайп, 2021. 264 с.
4. Булыга О. В. Проблема коллаборационизма в СССР в годы Великой Отечественной войны в советской и российской историографии // Вестник Московского ун-та. Сер. 8: История. 2018. № 6. С. 81–96. EDN: ZVKEEN.
5. Бурмагин А. Г. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Краснодар: Палитра-С, 2009. 415 с. EDN: QROMEN.
6. Венков А. В. Казаки Юга России и завершение Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 2(194). С. 32–39. EDN: YZBPFJ.
7. Воденко К. В. Влияние ресурса исторической памяти на формирование и развитие экономических институтов в современном поликультурном обществе // Вестник ЮРГПУ (НПИ). Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 4. С. 5–13. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-4-5-13; EDN: AKAMFZ.
8. Воскобойников Г. Л. Казачество в первой мировой войне 1914–1918 гг. М.: Российская киновидеокомпания, 1994. 174 с.

9. Дидух О. В. Донские казаки в Крымской войне 1853–1856 гг. М.: Маркетинг, 2007. 174 с. EDN: QPFMUL.
10. Ерохин И. Ю. Казачество в свете вопроса военной службы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 172–174. EDN: PZHPQV.
11. Казачество Юга России в Крымской войне 1853–1856 гг.: сб. док-в / Отв. ред. А. В. Венков. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2017. 408 с.
12. Карташев А. В. Пятый гвардейский Донской кавалерийский корпус в боях за освобождение Ставрополя в конце ноября-декабре 1942 года // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2018. № 3. С. 87–97. DOI: 10.37494/2409-1030-2018-3-87-97; EDN: YOUTJJ.
13. Кислицын С. А. Указ и пашка. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. М.: ЛЕНАНД, 2014. 348 с.
14. Кислицын С. А., Трут В. П. Донское казачество и великая российская революция 1917 года (от февраля к октябрю) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1-1. С. 15–22. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22; EDN: XXHVAR.
15. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. М.; Саранск: НИИГН при Пр-ве Респ. Мордовия, 2017. 1048 с. EDN: YWCXLJ.
16. Кринко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153–163.
17. Курков Г. М. Верные долгу: казаки юга России в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар: Диапазон-В, 2011. 318 с. EDN: QPVDAJ.
18. Курков Г. М. Коллаборационизм среди казачества в 1942–1943 гг. Причины и сущность // Культурный ландшафт регионов. 2022. Т. 4. № 1. С. 8–25. DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-1-08-25; EDN: BJTRVQ.
19. Подхомутникова М. В. Расказачивание: трудные вопросы истории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 2. С. 151–160. DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-151-160; EDN: TLLODR.
20. Пронин А. А. Российское казачество в эмиграции: историография и источники // Вестник ЧелГУ. 2013. № 12(303). С. 100–105. EDN: QBZWAF.
21. Рыжкова Н. В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д: Рост. ун-т, 2003. 319 с. EDN: QOSIIZ.
22. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
23. Стецура Ю. А. Казачество Юга России в Отечественной войне 1812 г. // Вестник КИГИ РАН. 2012. Т. 5. № 2. С. 36–42. EDN: PDERTV.

24. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14. EDN: RGEDNB.

25. Трут В. П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д: Гефест, 1998. 80 с. EDN: TXWDZR.

26. Футорянский Л. И. Историография казачества в XX – начале XXI в. // Вестник ОрГУ. 2012. № 5(141). С. 80–85. EDN: PCEIAF.

Получено редакцией: 27.04.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, директор Академии социальных исследований и гуманитарного развития

Иванченко Ольга Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки»

Шевченко Ольга Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4

Combat Traditions of the Cossacks in the Great Patriotic War and in Modern Times

Konstantin V. Vodenko

M. I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

vodenkok@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5283-0466

Olga S. Ivanchenko

M. I. Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

olga.ivanchenko1509@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0173-1804

Olga M. Shevchenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

olgashv2007@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6726-7269

For citation: Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Shevchenko O. M. Combat traditions of the Cossacks in the Great Patriotic War and in modern times. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 50–70. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.4; EDN: EILHPQ.

Abstract. The article is devoted to the study of combat traditions of the Russian Cossacks in the defence of the Motherland, their formation, military development during the Great Patriotic War and reproduction in modern conditions. The Cossacks formed a specific community of warriors who voluntarily took responsibility for protecting the borders and repelling the enemy attacks on their native land. The Cossacks took part in all military campaigns of Russia, legends were composed about their military glory. Cossack formations were distinguished by the status of an irregular army and by the autonomy of military service. They were famous for their combat skills, traditions and the spirit of military brotherhood. Preserving the tragic pages of their history and experiencing today's renaissance, the Cossacks continue to stand guard over national security. The objective of this article is to demonstrate the preserved and currently reproduced military traditions of the Cossack communities. The findings are based on qualitative data obtained during pilot studies conducted by the authors in February–March 2025. The study included an analysis of historical materials and documents, supplemented by in-depth interviews with representatives of the Cossack community, Cossack national squads, and Cossack fighters.

The article also provides a historical retrospective of the participation of Cossacks in the defence of the Motherland. Particular attention is paid to participation of Cossack formations in the Great Patriotic War. The status of Cossack communities in the modern national security system, the features of their formation and staffing are being described. The traditional patriotism of the Cossacks is shown, that is characterised not only by a “protective” attitude, but also a “social” one, expressed in labour and altruistic service to their people.

Based on the analysis of historical materials and interview data, the authors come to the conclusion that the Cossacks, as a special serving force, continue to preserve and pass on their traditions today. Cossacks respect and honor the military traditions that have developed over a century of their defence and war participation. The Cossack community believes in staunch patriotism, passionarity coupled with altruism, deep Orthodox faith intertwined with ancient superstitious traditions, military art, military camaraderie and regional community.

Keywords: sociology, Russia, Cossacks, defense of the Fatherland, patriotism, military traditions, historical memory

References

1. Agafonov A. I. *Kazach'i vojska Rossii vo vtorom tysyacheletii* [Cossack armies of Russia in the second millennium]. Kirov, KOGUP Kirov. obl. tip., 2002: 397 (in Russ.).
2. Assman Ya. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Transl. from Ger. by M. Sokolskaya. Moscow, YaSK, 2004: 368 (in Russ.).
3. Astapenko G. D. Life, customs, rituals and holidays of the Don Cossacks of the XVIII-IX centuries. Rostov-on-Don, Mini Type, 2021: 264 (in Russ.).
4. Bulyga O V. The Issue of Collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War in russian historiography. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 8: Istoriya*, 2018: 6: 81–96 (in Russ.). EDN: ZBKEEH.
5. Burmagin A. G. *Kubanskies kazaki na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Kuban Cossacks on the fronts of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Krasnodar, Palitra-S, 2009: 415 (in Russ.). EDN: QPOMEN.
6. Venkov A. V. Cossacks of the South of Russia and the end of the First World War. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 2017: 2(194): 32–39 (in Russ.). EDN: YZBPFJ.
7. Vodenko K. V. The influence of the historical memory resource on the formation and development of economic institutions in a modern multicultural society. *Vestnik YuRGPU (NPI). Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 2020: 13(4): 5–13 (in Russ.). DOI: 10.17213/2075-2067-2020-4-5-13; EDN: AKAMFZ.
8. Voskoboinikov G. L. *Kazachestvo v pervoj mirovoj vojne 1914–1918* [The Cossacks in the First World War of 1914-1918]. Moscow, Rossiyskaya kinovideokompaniya, 1994: 174 (in Russ.).
9. Didukh O. V. *Kazachestvo Rossii v period Pervoj mirovoj vojny* [Don Cossacks in the Crimean War of 1853–1856]. Moscow, Marketing, 2007: 174 (in Russ.). EDN: QPFMUL.
10. Erokhin I. Y. The cossacks and military service. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013: 4: 172–174 (in Russ.). EDN: PZHPQV.
11. Cossacks of the South of Russia in the Crimean War of 1853–1856. Coll. of Doc. Ed. A. V. Venkov. Rostov-on-Don, YuNTs RAN, 2017: 408 (in Russ.).
12. Kartashov A. V. The fifth Guards cavalry corps in struggle for the liberation of Stavropol at the end of November-December 1942. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya: nauchno-teoreticheskiy zhurnal*, 2018: 3: 87–97 (in Russ.). DOI: 10.37494/2409-1030-2018-3-87-97; EDN: YOUTJJ.
13. Kislitsyn S. A. Ukaz i shashka. Politicheskaya vlast' i donskie kazaki v pervoj polovine XX veka [The Decree and the saber. Political power and the Don Cossacks in the first half of the twentieth century]. Moscow, LENAND, 2014: 348 (in Russ.).
14. Kislitsyn S. A., Trut V. P. The Don Cossacks and the great Russian Revolution of 1917 (from February to October). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2017: 9(1-1): 15–22 (in Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22; EDN: XXHVAP.
15. The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and the civil war: the national and regional aspects. Ed by E. N. Bikeikin, T. Y. Zadkova, G. A. Kursheva et al. Moscow, Saransk, NIIGN pri Pr-ve Resp. Mordoviya, 2017: 1048 (in Russ.). EDN: YWCXLJ.

16. Krinko E. F. Kollaboracionizm v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i ego izuchenie v rossijskoj istoriografii [Collaboration in the USSR during the Great Patriotic War and its study in Russian historiography]. *Voprosy istorii*, 2004: 11: 153–163 (in Russ.).
17. Kurkov G. M. Vernye dolgu: kazaki yuga Rossii v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 [Faithful to duty: the Cossacks of Southern Russia in the Great Patriotic War, 1941–1945]. 2nd ed. Krasnodar, Diapazon-V, 2011. 318 (in Russ.). EDN: QPVDAJ.
18. Kurkov G. M. Collaboration among the cossacks in 1942–1943. Causes and essence. *Kul'turnyy landshaft regionov*, 2022: 4(1): 8–25 (in Russ.). DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-1-08-25; EDN: BJTRVQ.
19. Podkhomutnikova M. V. Raskazachivanie: difficult issues of history. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2021: 13(1): 151–160 (in Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-151-160; EDN: TLLODR.
20. Pronin A. A. Rossijskoe kazachestvo v emigracii: istoriografiya i istochniki [The Russian Cossacks in exile: historiography and sources]. *Vestnik ChelGU*, 2013: 12(303): 100–105 (in Russ.). EDN: QBZWAF.
21. Ryzhkova N. V. Donskie kazaki v vojnah Rossii nachala XX veka [Don Cossacks in the wars of Russia at the beginning of the XX century]. Rostov-on-Don, Rost. un-t, 2003: 319 (in Russ.). EDN: QOSIIZ.
22. Semiryaga M. I. Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi vojny [The collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World war]. Moscow, ROSSPEN, 2000: 863 (in Russ.).
23. Stetsura U. A. Kazachestvo Yuga Rossii v Otechestvennoy vojne 1812 g. [Cossacks of south of Russia in the patriotic war of 1812]. *Vestnik KIGI RAN*, 2012: 5(2): 36–42 (in Russ.). EDN: PDERTV.
24. Toshchenko Zh. T. Istoricheskoye soznaniye i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2000: 4: 3–14 (in Russ.). EDN: RGEDNB.
25. Trut V. P. Kazachestvo Rossii v period Pervoj mirovoj vojny [The Cossacks of Russia during the First World War]. Rostov-on-Don, Gefest, 1998: 80 (in Russ.). EDN: TXWDZR.
26. Futoryansky L. I. Istoriografiya kazachestva v XX – nachale XXI v. [Historiography of the Cossacks of XX – early XXI century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012: 5(141): 80–85 (in Russ.). EDN: PCEIAF.

The article was submitted on: April 27, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Academy of Social Research and Human Development

Olga S. Ivanchenko, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Disciplines and Humanities

Olga M. Shevchenko, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical Sociology and Metodology of Regional Research.

МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.5

EDN: BJKBRA

Трудовые установки студенческой молодежи Северного Кавказа

Ссылка для цитирования: Атласкиров А. Р. Трудовые установки студенческой молодежи Северного Кавказа // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 71–85. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.5; EDN: BJKBRA.

For citation: Atlaskirov A. R. Labour Attitudes of Student Youth in the North Caucasus. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 71–85. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.5; EDN: BJKBRA.

SPIN-код: 7471-3669

Атласкиров Альберт Русланович¹

¹Северо-Кавказский филиал ФНИСЦ РАН,
Нальчик, Россия

atlaskirov.albert@yandex.ru

Аннотация. В условиях, происходящих в современной России трансформаций на рынке труда вследствие технологической революции, а также геополитической напряженности и демографических проблем, возрастает значимость совершенствования программ подготовки кадров для экономики региона. Данное обстоятельство обуславливает необходимость мониторинга ценностных ориентаций студентов Северного Кавказа в сфере труда. Основой представленной работы выступает социологическое исследование, проведенное Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование было проведено во всех субъектах Северо-Кавказского федерального округа (n = 499). Целью работы является исследование трудовых установок студенческой молодежи Северо-Кавказского федерального округа. В ходе исследования было выявлено, что среди студентов широко распространено стремление к переезду за границу или в крупный город. В меньшей степени распространено желание жить в малом городе или в селе. Однако на Северном Кавказе доля желающих жить в малом городе или в селе больше, чем в среднем по стране, что, вероятно, является следствием широкого распространения в данных населенных пунктах традиционных ценностных установок, а также многопоколенных типов семей, ориентирующих молодежь оставаться у себя дома. Студенты высших учебных заведений Северо-Кавказского федерального округа отмечают несколько основных причин, которые побуждают их к переезду в другую страну. Чаще всего молодежь просто хочет посмотреть мир – 56,5%, не устраивает размер заработных плат – 36,5%, еще 20,8% отмечают, что в России мало перспектив для карьерного роста. Доля студентов, собирающихся работать по полученной в учебном заведении специальности, невысока, что свидетельствует о наличии в регионе структурной безработицы. Структурная безработица является следствием плохо налаженного взаимодействия между учебными заведениями (школы, колледжи, университеты), профильными государственными организациями и работодателями. Одной из основных причин низкой востре-

быванности работы по специальности является также низкая оплата труда. Среди наиболее популярных жизненных целей, по окончании учебы, студентами были выделены следующие: получение постоянной работы и обеспечение высокого благосостояния. По мнению большинства студентов Северного Кавказа, в основе успеха лежат, в первую очередь, личностные качества человека, такие как интеллект, деловая хватка, предприимчивость, профессионализм, компетентность. Меньшая доля опрошенных студентов верит, что достижение успеха в жизни зависит от родственников, связей и знакомств.

Ключевые слова: Северный Кавказ, молодежь, трудовые установки, безработица, цифровая трансформация, миграция, социальные риски, студенчество

Введение

Происходящие в современной России трансформации на рынке труда, являющиеся следствием глобальных процессов технологической революции¹, осложняются масштабной конфронтацией со странами Запада, а также демографическими проблемами. Данные обстоятельства обуславливают необходимость пристального внимания к проблемам, связанным с подготовкой квалифицированных кадров и их сохранением для экономики государства. Исследователи отмечают, что для рынка труда современной России характерен значительный отток квалифицированной молодежи² и дефицит кадров в различных секторах экономики³. Острота проблем в трудовой сфере различна в разных регионах страны, но наиболее сложная ситуация отмечается в регионах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Северо-Кавказский федеральный округ включает в себя 8 регионов, большинство которых длительное время занимают последние места в федеральных рейтингах социально-экономического развития: Чечня – 76 место, Северная Осетия-Алания – 77 место, Кабардино-Балкария – 78 место, Карачаево-Черкесия – 82 место, Ингушетия – 83 место⁴. Высокие показатели безработицы и низкая оплата труда, в совокупности с последствиями цифровой трансформации в экономике и социальной сфере, грозит ростом социальных рисков в регионе. Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав населения Северного Кавказа, высока вероятность негативного влияния проблем рынка труда

¹ The Global Risks Report 2020, 15TH Edition. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения: 19.11.2024).

² Forbes. Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан. URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan> (дата обращения: 20.10.2024).

³ Ведомости. В России продолжают расти зарплаты и ощущается сильный дефицит кадров. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/07/03/983378-v-rossii-prodolzhayut-rasti-zarplati-i-oschuschaetsya-defitsit-kadrov> (дата обращения: 20.10.2024).

⁴ РБК. Регионы СКФО стали аутсайдерами по социально-экономическому положению URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/6666baa99a7947d83ed19d4c> (дата обращения: 02.11.2024).

на установление межнационального и межконфессионального согласия в макрорегионе. Об этом, в частности, свидетельствуют события около села Кенделен в Кабардино-Балкарии¹, в Сунженском районе на границе Чечни и Ингушетии², в селе Ленинаул в Дагестане³ и т. п. Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость проведения регулярных исследований жизненных установок (в том числе трудовых) молодежи Северо-Кавказского федерального округа.

Понятие трудовых установок в научный оборот было введено группой исследователей, которую возглавлял британский социолог Д. Голдторп. Под трудовыми установками они понимали устойчивые ориентации человека в отношении трудовой деятельности, его социальных ролей и статусов, а также наличие готовности к определенным действиям для изменения своего положения на рынке труда. Исследователи отмечали, что ориентации в отношении труда, в числе прочего, определяются внерабочим социальным опытом работников [16]. В целом, следует отметить, что на формирование трудовых установок оказывают влияние различные факторы, такие как: общий уровень удовлетворенности жизнью, место жительства, качество профориентационной работы, уровень социально-экономического развития региона, ценностные ориентации и многие другие. Данные факторы не существуют сами по себе, а взаимозависимы и влияют друг на друга, что обуславливает потребность в системном подходе к исследованиям трудовых установок молодежи.

Степень разработанности проблематики

В отечественной социологии есть немало работ, посвященных различным аспектам формирования и функционирования трудовых установок молодого поколения. Результаты исследований показывают, что после ликвидации советской системы трудового воспитания, мотивация к труду у молодежи, в первую очередь, ориентирована на стратегию самореализации и достижения высокого уровня материального достатка [2; 10; 11; 17]. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров полагали, что в России отсутствует связь между рынком труда и образовательной системой. По их мнению, высшие учебные заведения не заинтересованы в том, чтобы выпускники работали по специальности, кроме того, учебные заведения не обладают информацией о реальных потребностях отечественного рынка труда. Работодателям, в свою очередь, не выгодно доучивать молодых работников, проще заполнять ими вакансии с непривлекательными видами трудовой деятельности [9].

¹ Коммерсантъ. В селе Кенделен в Кабардино-Балкарии обострился межнациональный конфликт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3745311> (дата обращения: 09.11.2024).

² Аргументы и факты. В чем суть территориальных споров между Чечней и Ингушетией? URL: https://aif.ru/politics/russia/v_chem_sut_territorialnyh_pretenziy_mezhdu_chechney_i_ingushetiey (дата обращения: 24.02.2025).

³ Московский комсомолец. В Дагестане закидали камнями спикера парламента Чечни. URL: <https://www.mk.ru/incident/2017/07/08/smi-v-dagestane-zakidali-kamnyami-spikera-parlamenta-chechni.html> (дата обращения: 25.02.20205).

Динамику развития трудовых отношений и изменения в структуре ценностных ориентаций рассматривают в своих работах М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги [8], В. С. Магун [12], Ю. Р. Вишневский [7] и другие. Н. М. Великая, исследуя процесс прекаризации молодежи в России, выявила, что своим профессионально-трудовым ориентациям и стратегиям группа самозанятых близка группе индивидуальных предпринимателей [6]. По мнению В. В. Ретивиной, формирование трудовых ценностей студенческой молодежи зависит от эффективной реализации разработанных принципов комплексной молодежной политики [14]. Выделяются также и региональные исследования. Так, Т. А. Пакина, анализируя трудовое поведение студентов высших учебных заведений Нижнего Новгорода, выявила структуру базовых ценностей молодого поколения данного региона [13].

Исследования трудовых отношений, проводимые на Северном Кавказе, раскрывают региональные особенности, связанные с ролью женщины на рынке труда, кумовством, безработицей среди молодежи и т. д. [15]. Р. Т. Алкесов отмечает более высокий уровень социально-административных трудовых установок у молодежи национальных республик Северного Кавказа, чем у молодежи Ставропольского края, в большей степени склоняющейся к рыночным трудовым ценностям [1]. В ряде регионов существует дисбаланс между уезжающими и приезжающими, высокий отток молодежи, ведущий к деформации возрастной структуры населения [5]. Негативное влияние на формирование трудовых ценностей и установок молодого поколения макрорегиона также оказывает структурная безработица, при которой молодежь получает в высшем учебном заведении определенную специальность, по которой затем не может или не хочет трудоустроиваться [3; 4].

Эмпирической основой данной работы выступает исследование, которое было проведено Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2023 г.: «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», общий $n = 6757$; по СКФО $n = 499$. Объектом представленного исследования является студенчество СКФО. Исследование было проведено во всех субъектах Северо-Кавказского макрорегиона с использованием метода интернет-опроса (google forms). Использована квотно-пропорциональная выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пол, возраст, место жительства, уровень получаемого образования и направление подготовки высшего образования.

Трудовые установки студентов Северного Кавказа

Результаты проведенного исследования показывают, что в студенческой среде Северного Кавказа высокое значение имеют миграционные устремления. Молодежь, как наиболее энергичная и амбициозная возрастная группа, стремится расширить границы своих карьерных возможностей. Это предполагается делать путем переезда в другую страну, в столицу или другой крупный город. Так, доля тех, кто высказывает намерение после

окончания учебы уехать за рубеж, составляет 33,9% (ответы: однозначно да – 10,4%, скорее да – 23,5%). Данный показатель немного ниже, чем показатель в целом по стране – 38,3% (ответы: однозначно да – 10,5%, скорее да – 27,8%). Чаще всего студенты выражают желание жить в столичном городе (Москва, Санкт-Петербург) или региональном мегаполисе. Проведенное исследование показало, что в СКФО среди студентов, как и в студенческой среде России в целом, наименее распространено желание жить в малом городе или в селе. Однако на Северном Кавказе данный показатель все-таки заметно выше, чем в среднем по стране, что, вероятно, является следствием более широкого распространения в малых городах и селах традиционных ценностей установок, а также многопоколенных семей, ориентирующих молодежь оставаться в родном населенном пункте. Среди опрошенных в СКФО однозначно собираются жить в малом городе, селе – 11,8%, скорее всего так поступят – 22,1%, что в совокупности дает 33,9%, в России же, в целом, однозначно собираются жить в малом городе, селе – 6,6%, скорее всего – 16,9%, что в совокупности дает 23,5% (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Есть ли намерение после окончания учебы жить...?, %
Do you intend to live after graduation...?, %

Варианты ответа	За рубежом		В столичном городе РФ		В региональном мегаполисе		В малом городе, селе	
	СКФО	Россия	СКФО	Россия	СКФО	Россия	СКФО	Россия
Однозначно да	10,4	10,5	20,8	19,7	15,2	15,5	11,8	6,6
Скорее да	23,5	27,8	36,5	42,3	37,1	41,2	22,1	16,9
Скорее нет	31,2	29,6	21,1	20,5	21,5	21,2	27,6	25,7
Однозначно нет	13,3	15,5	6,8	8,0	8	9,6	22,3	38,6
Не задумывался об этом	21,6	16,5	14,8	9,4	18,2	12,4	16,2	12,3

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии¹.

Студенты высших учебных заведений СКФО отмечают несколько основных причин, которые побуждают их к переезду в другую страну. Чаще всего молодежь просто хочет посмотреть мир – 56,5%, не устраивает размер заработных плат – 36,5%, еще 20,8% отмечают, что в России мало перспектив для карьерного роста. Если желание посмотреть мир широко распространено среди молодежи всего мира, независимо от страны или социального статуса, то намерение переехать в другую страну из-за низких зарплат и отсутствия карьерных перспектив, является сигналом о наличии серьезных социальных проблем. Данные показатели на Северном Кавказе выше, чем в среднем по России. Доля тех, кто планирует уехать за рубеж для получения образования, на Северном Кавказе составляет 10%, что примерно соотносится с общероссийскими показателями – 11,3% (см. рис. 1).

¹ Монография «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» находится в печати.

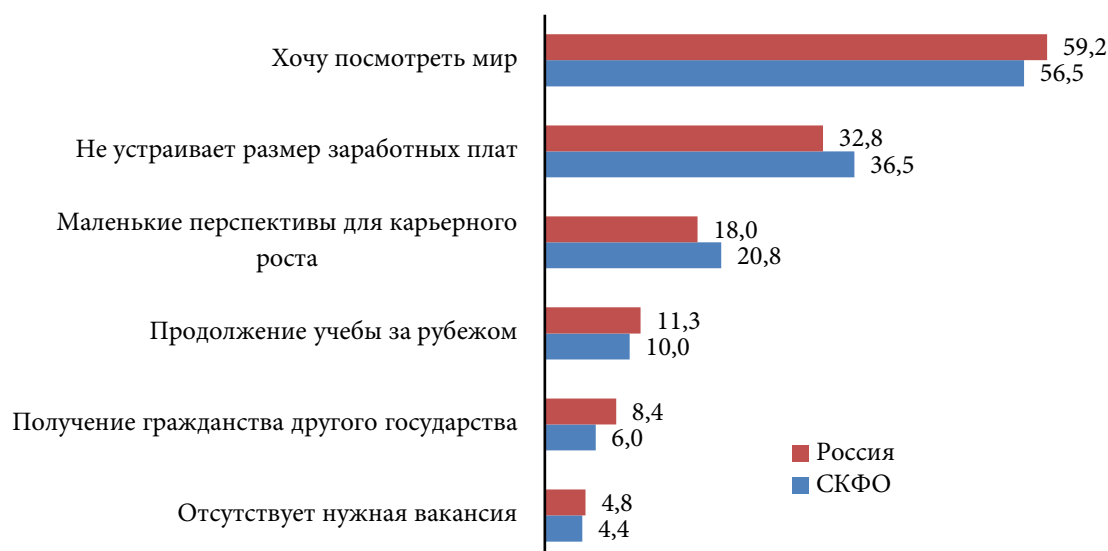

Рис. 1. Если Вы планируете поехать в другую страну, то по какой причине?
(можно выбрать несколько вариантов ответа), %

Figure 1. If you plan to go to another country, for what reason?
(it is possible to choose several answer options), %

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

Необычно распределены ответы респондентов относительно степени их удовлетворенности жизнью. Удовлетворенность жизнью напрямую влияет на формирование трудовых установок, проявляясь в миграционных устремлениях, потенциальной смене профессии, получении дополнительного образования и т. д. Так, полностью удовлетворены своей жизнью 22,5% студентов Северного Кавказа, что выше средних значений по России – 18,9%. Однако скорее удовлетворенными себя считают 40,5%, в то время как в России в целом данный показатель выше и равен 47,1% (см. рис. 2).

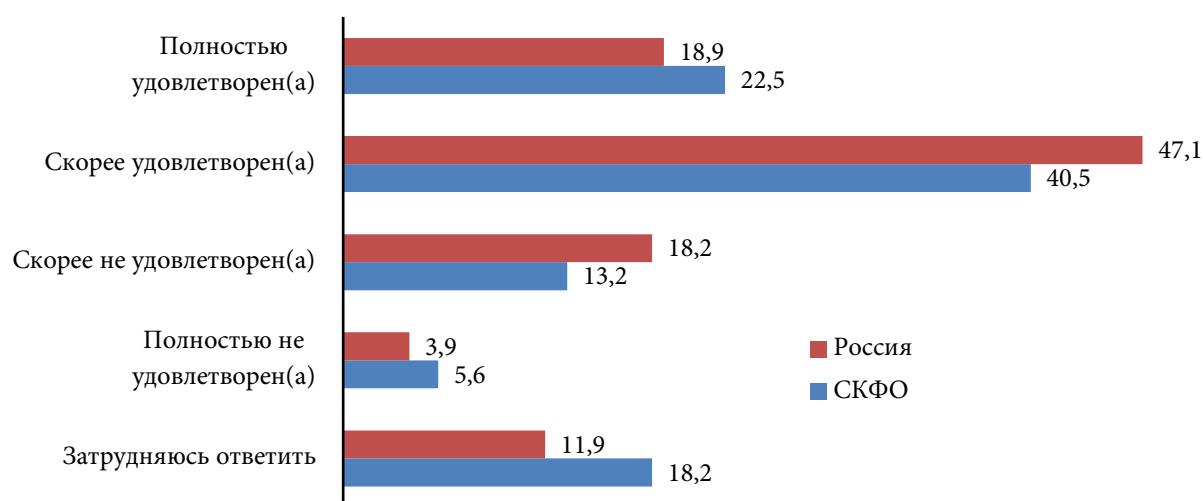

Рис. 2. Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в России?, %

Figure 2. How satisfied are you with your life in Russia?, %

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

Одним из факторов, негативно сказывающихся на экономической и социальной сферах регионов СКФО, выступает структурная безработица. Молодежь, получая определенную специальность в учебном заведении, идет работать по

другой специальности. Это негативно сказывается на степени удовлетворенности жизнью, так как 4-6 лет обучения пропадают зря, но также и снижает конкурентоспособность экономики в целом. Так, результаты проведенного опроса показали, что по специальности собираются работать только 27,5% студентов Северного Кавказа, что выше средних значений по РФ – 22,5%. По близкой или смежной специальности собираются работать 20,8% респондентов (см. рис. 3). Данные обстоятельства говорят о назревшей необходимости совершенствования системы профориентационной работы в молодежной среде как России в целом, так и в особенности регионов Северного Кавказа [4].

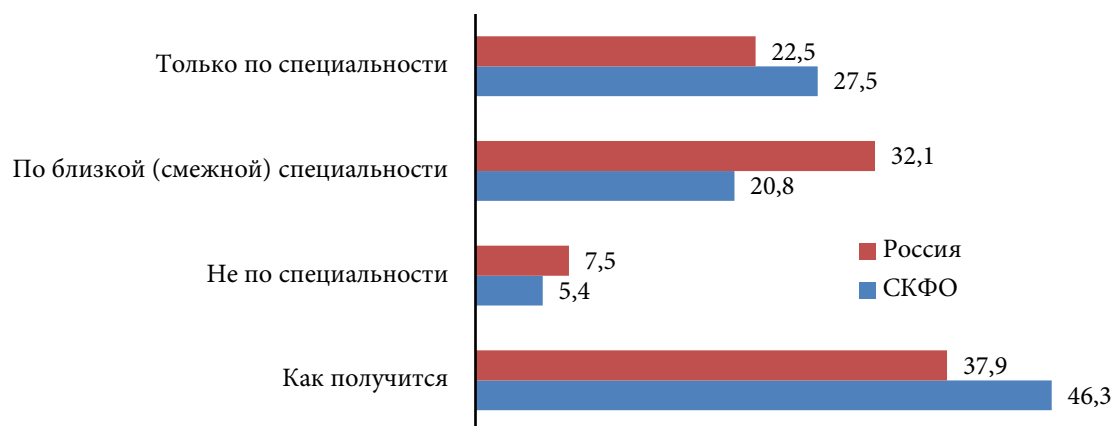

Рис. 3. После окончания ВУЗа Вы собираетесь работать?, %

Figure 3. Do you intend to work after graduation?, %

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

Только 22% респондентов на Северном Кавказе считают, что в их регионе реально найти работу по специальности, которая могла бы хорошо оплачиваться. Еще 36,2% отмечают, что работу по специальности найти можно, но она будет плохо оплачиваемой (см. рис. 4). Полученные данные позволяют предположить, что именно низкий уровень оплаты труда по получаемой в ходе обучения в ВУЗе специальности, является одной из основных причин нежелания значительной доли студентов работать по своей профессии.

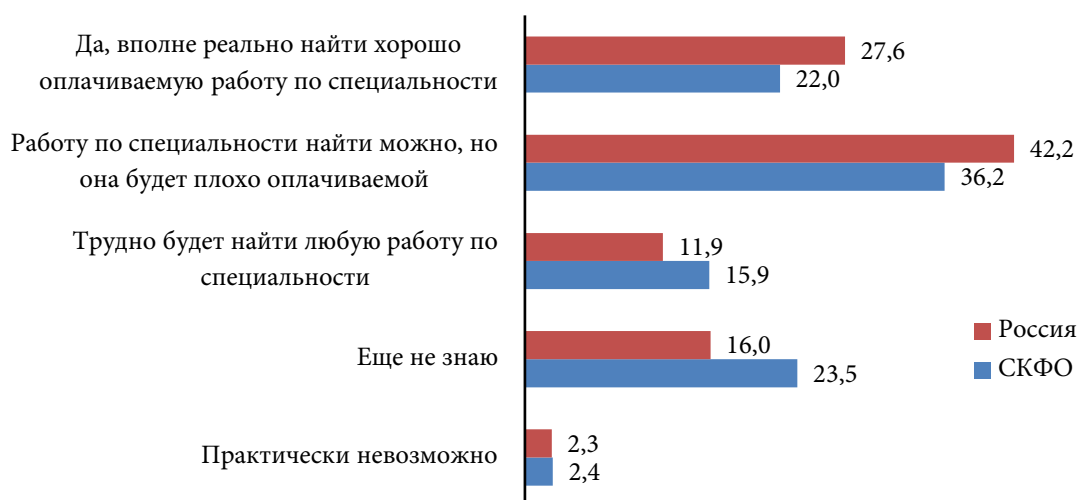

Рис. 4. Как Вы считаете, легко ли Вы после окончания Вуза найдете работу по специальности?, %

Figure 4. Do you think it is easy for you to find a job in your speciality after graduation?, %

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

В процессе поиска работы студенты в основном рассчитывают на себя – 37,7%. Показательным является то, что в Центры занятости населения для поиска работы собираются обращаться лишь 2,8% респондентов. Устроиться на постоянную работу по месту производственной практики изъявили желание еще меньше студентов – 1,6% (см. табл. 2). Отмеченные выше обстоятельства являются свидетельствами того, что взаимодействие между учебными заведениями (школы, колледжи, университеты), профильными государственными организациями и работодателями налажено плохо. Требуется системный подход для совершенствования и адаптации системы подготовки кадров для экономики государства, в условиях стремительно меняющегося рынка труда, в преддверии перехода к новому технологическому укладу¹.

Таблица 2 (Table 2)

Как Вы представляете проблему поиска работы?, %
How do you imagine the problem of finding a job?, %

Варианты ответа	СКФО	Россия
Могу рассчитывать только на себя	37,7	44,8
Рассчитываю на помощь своих друзей, сверстников	4,2	6,6
Рассчитываю на помощь вуза, своих преподавателей	5,8	8,9
Рассчитываю на связи родственников, знакомых семьи	12,2	9,6
Обращусь в Центр занятости населения	2,8	3,3
Пойду работать на место производственных практик	1,6	3,1
Останусь работать на своем рабочем месте	1,2	2,1
Еще не знаю	34,5	21,6

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

Анализ предпочтительных траекторий развития карьеры студентов после окончания вуза показывает интересную картину. Так, наиболее популярными целями по окончании учебы среди респондентов являются следующие: получить постоянную работу, позволяющую быть самостоятельным(ой), хотят 66,3%; около половины опрошенных (49,1%) считают необходимым также обеспечить высокий уровень благосостояния. Стать предпринимателем хотели бы – 37,5%, что выше средних значений по России – 30,2%. О создании семьи после учебы задумываются только 29,4% студентов, что немногим выше, чем средние показатели по стране – 25,2% (см. табл. 3).

¹ The Global Risks Report 2020, 15TH Edition. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения: 19.11.2024).

Таблица 3 (Table 3)

Каких целей Вы собираетесь достичь по окончании ВУЗа?

(выберите 3 самые важные), %

What goals do you intend to achieve after graduation?

(choose 3 most important ones), %

Варианты ответа	СКФО	Россия
Получение постоянной работы, позволяющей быть самостоятельным(ой), не обязательно, чтобы она была связана с моей профессией	66,3	66,8
Занятие профессионального положения, с которым будут считаться окружающие	36,1	42,9
Получение места управляющего/директора в организации, фирме	16,2	20,3
Стать предпринимателем, зарегистрировать свою фирму	37,5	30,2
Добиться высокого положения в структуре государственной власти	9,8	10,5
Добиться высокого положения в структуре местной власти	7,2	6,0
Реализовать себя в политике	7,4	6,9
Обеспечить высокий уровень благосостояния, дохода	49,1	60,4
Заключить брак (женитьба/замужество)	29,4	25,2
Рождение ребенка	13,8	11,1
Рождение двух и более детей	13,6	8,8

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

Важно отметить, что жизненные цели, которые собираются достигнуть студенты, коррелируют с их миграционными устремлениями. Так, студенты, ответившие, что однозначно планируют жить за рубежом после окончания учебы, считают необходимым, в первую очередь, устроиться на постоянную работу, позволяющую быть самостоятельным – 57,7%. Примечательным является то, что среди потенциальных эмигрантов выявлено немало желающих создать свое дело, открыть бизнес – 44,2%. В то же время среди тех, кто собирается после учебы жить в малом городе/селе наиболее важными жизненными целями являются следующие: получение постоянной работы, позволяющей быть самостоятельным(ой) – 69,5%, обретение профессионального положения, с которым будут считаться окружающие 44,1%, открытие своего дела – 39% (см. табл. 4). Полученные данные показывают, что среди планирующих жить за рубежом больше желающих иметь высокий уровень благосостояния и потенциальных предпринимателей. Отток из Северо-Кавказского макрорегиона данной категории молодежи негативно скажется на экономическом развитии и возможностях становления инновационного развития. В то же время, среди тех, кто планирует остаться жить на малой родине, преобладают целевые установки, направленные на получение постоянной работы и занятие определенного профессионального положения в обществе.

Таблица 4 (Table 4)

Каких целей Вы собираетесь достичь по окончании ВУЗа?

(выберите 3 самые важные).

Респонденты, ответившие «однозначно да» в таблице 1, %

What goals do you intend to achieve after graduation?

(select 3 most important).

Respondents who answered 'definitely yes' in Table 1, %

Варианты ответа	Планирую жить за рубежом	Планирую жить в малом городе, селе	Планирую жить в столичном городе РФ	Планирую жить в региональном мегаполисе
Получение постоянной работы, позволяющей быть самостоятельным(ой), не обязательно, чтобы она была связана с моей профессией	57,7	69,5	67,3	59,2
Занятие профессионального положения, с которым будут считаться окружающие	34,6	44,1	37,5	51,3
Получение места управляющего/директора в организации, фирме	23,1	25,4	18,3	19,7
Стать предпринимателем, зарегистрировать свою фирму	44,2	39	41,3	42,1
Добиться высокого положения в структуре государственной власти	11,5	13,6	11,5	14,5
Добиться высокого положения в структуре местной власти	7,7	8,5	4,8	9,2
Реализовать себя в политике	15,4	16,9	9,6	10,5
Обеспечить высокий уровень благосостояния, дохода	51,9	28,8%	54,8	56,6
Заклучить брак (женитьба/замужество)	38,5	32,2	29,8	30,3
Рождение ребенка	17,3	22,0	13,5	18,4
Рождение двух и более детей	21,2	25,4	17,3	11,8

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

По мнению респондентов, наиболее высоким значением для достижения жизненного успеха обладают следующие качества: способности человека, его интеллект – 50,3%; деловая хватка, прагматизм, предприимчивость – 46,9%. В высокое значение связей и знакомств верят 38,5%, во влиятельных родственников, родителей – 34,9%. Еще 39,3% респондентов отметили высокую значимость умения использовать любые средства для достижения поставленных целей. В целом, по мнению большинства опрошенных северокавказских студентов, в основе жизненного успеха лежат, в первую очередь, личные качества и усилия человека (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Что, на Ваш взгляд, сегодня является основой успеха?, %

(выбрать один ответ по каждой строке)

What, in your opinion, is the basis of success today?, %

(choose one answer for each line)

Варианты ответа	Где 1 – наименее значимо, а 5 –максимально значимо				
	1	2	3	4	5
Образование	7,4	11,2	22,3	20,4	38,7
Связи, знакомства	6,2	11,8	16,6	26,9	38,5
Влиятельные родственники, родители	7,8	13	17,8	26,5	34,9
Профессионализм, деловые качества, компетентность	5,0	10,4	15,9	23,6	45,1
Способности человека, его интеллект	5,2	10,4	15,7	18,4	50,3
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	6,0	9,2	15,1	22,8	46,9
Обаятельность, хорошая внешность, личная привлекательность	8,2	14,4	22,9	24,8	29,7
Умение использовать любые средства для достижения цели	6,8	13,2	17,7	23,0	39,3

Источник: Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН. Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии.

Заключение

Подводя итоги нашего анализа, можно отметить, что текущее социально-экономическое положение большинства регионов Северо-Кавказского федерального округа оказывает негативное влияние на формирование трудовых установок студенческой молодежи. Низкая оплата труда и отсутствие перспектив карьерного роста ведут к тому, что среди студентов региона широко распространено стремление к переезду за границу или в крупный город в поисках лучшей жизни, что еще больше снижает экономический потенциал макрорегиона. В меньшей степени распространено желание жить в малом городе или на селе. Вместе с тем, следует отметить, что в регионах СКФО доля желающих жить в маленьких провинциальных городах и селах больше, чем в среднем по России. Это, вероятно, является следствием широкого распространения в данных населенных пунктах традиционных ценностных установок, а также многопоколенных семей, ориентирующих молодежь оставаться у себя дома.

В процессе поиска работы студенты в основном рассчитывают на себя. Лишь малая доля опрошенных студентов собираются обращаться в региональные Центры занятости для поиска работы. Также не пользуется популярностью трудоустройство в местах прохождения производственных практик. Результаты опроса показывают, что невысока доля студентов, собирающихся работать по специальности, что свидетельствует о наличии структурной безработицы. По мнению многих студентов, работу по специальности можно найти, но она будет, скорее всего, низкооплачиваемой. Отмеченные обстоятельства, на наш взгляд, являются свидетель-

ствами того, что взаимодействие между учебными заведениями (школы, колледжи, университеты), профильными государственными организациями и работодателями налажено плохо.

Наиболее популярными жизненными целями по окончании учебы являются: получение постоянной работы и обеспечение высокого благосостояния. По мнению большинства респондентов, в основе успеха лежат, в первую очередь, личностные качества человека, такие как интеллект, деловая хватка, предприимчивость, профессионализм, компетентность. Меньшая доля опрошенных студентов считает, что основой успеха в жизни являются родственники, связи и знакомства, что позволяет говорить о формировании позитивных трудовых установок, которые, в совокупности с системными мерами по улучшению экономического состояния региона, могут способствовать дальнейшему поступательному развитию Северного Кавказа.

Трудовая сфера Северо-Кавказского макрорегиона представляет собой нестабильную, состоящую из множества взаимозависимых элементов систему, которая в современных условиях глобальной конфронтации ведущих мировых держав может негативно влиять на устойчивое развитие России. Представленное исследование позволяет осветить некоторые региональные особенности формирования трудовых установок молодежи Северного Кавказа. Вместе с тем, необходимо отметить, что в научной литературе ограничено количество работ, посвященных исследованию влияния цифровизации на трансформацию трудовой сферы Северо-Кавказского федерального округа, что предопределяет необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

Библиографический список

1. Алкесов Р. Т. Интеграционный потенциал трудовых ценностей студенческой молодежи Юга России // Гуманитарий Юга России. 2021. № 5(51). С. 99–108. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.6; EDN: TGQZCF.
2. Андрианова Е. В. Изменение парадигмы мотивации и ценностей труда в контексте развития новой экономической социологии // Вестник ТюмГУ. 2014. № 8. С. 57–63. EDN: TBCQPV.
3. Атласкиров А. Р. Трудовые установки выпускников высших и средних специальных учебных заведений Кабардино-Балкарской Республики // Социодинамика. 2022. № 9. С. 49–57. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.9.38930; EDN: CEDWPQ.
4. Атласкиров А. Р. Трудовые установки выпускников высших и средних специальных учебных заведений Кабардино-Балкарской Республики. Часть 2 // Социодинамика. 2023. № 7. С. 42–52. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.7.43925; EDN: VLMDFP.
5. Берова Ф. Ж., Яхутлова М. Л., Яхутлов К. Л. Региональные особенности внешних миграционных процессов и их влияние на рынок труда в КБР // Вестник Махачкалинского ф-ла МАДИ. 2013. № 13. С. 118–123. EDN: TRISBV.

6. Великая Н. М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2. С. 6–21. DOI: 10.19181/nko.2022.28.2.1; EDN: MBMQCF.
7. Вишневский Ю. Р. Социология молодежи – о молодежи, для молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 5–9. EDN: ZVDRXZ.
8. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6; EDN: BNSNDA.
9. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социологические исследования. 2015. № 5(373). С. 114–122. EDN: RUWMPM.
10. Корниенко Е. В. Трудовая мотивация и трудовые ценности российского общества: системный анализ современных тенденций. Таганрог: РГСУ, 2012. 105 с. EDN: QOOLBX.
11. Кошарная Г. Б., Корж Н. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2(26). С. 58–64. EDN: RNAYAZ.
12. Магун В. С. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. № 3. С. 23–39. EDN: TBKCOX.
13. Пакина Т. А. Трудовые ценности и установки современных студентов (на материале социологического исследования) // Вестник Московского ун-та. 2014. № 3. С. 120–131. EDN: SPLKLJ.
14. Ретивина В. В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. Т. 29. № 1. С. 57–63. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63; EDN: YURZVB.
15. Труд и экономическая жизнь в республиках Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.-Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2019. 237 с. EDN: SGPRRY.
16. Goldthorpe J. H., Lockwood D. et al. The Affluent Worker: Industrial attitudes and behavior. Cambridge, Cambridge University, 1968. 216 p.
17. Rudakov V., Figueiredo H. et al. The Impact of Horizontal Job-Education Mismatches on the Earnings of Recent University Graduates in Russia // Discussion Paper. Institute for the Study of Labor. 2019. No 12407. 31 p.

Получено редакцией: 10.01.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Атласкиров Альберт Русланович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.5

Labour Attitudes of Student Youth in the North Caucasus

Albert R. Atlaskirov

North Caucasian Branch of FCTAS RAS, Nalchik, Russia

atlaskirov.albert@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4032-2106

For citation: Atlaskirov A. R. Labour Attitudes of Student Youth in the North Caucasus. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 71–85. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.5; EDN: BJKBRA.

Abstract. In the conditions of transformations in the labour market in modern Russia due to the technological revolution, as well as geopolitical tensions and demographic problems, there increases the importance of improving programmes for training personnel for the regional economy. This circumstance determines the need to monitor the value orientations of students in the North Caucasus in the labour sphere. The presented work is based on the sociological study conducted by the Center for Political Science of the Institute of Political Studies of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. The study was conducted in all subjects of the North Caucasian Federal District. The sample is 499 respondents. The purpose of the work is to study the labour attitudes of student youth in the North Caucasian Federal District. The study revealed that students are widely willing to move abroad or to a large city. The desire to live in a small town or a village is less common. However, in the North Caucasus, the share of those wishing to live in a small town or a village is higher than the national average, that is probably a consequence of the widespread traditional value systems in these localities, as well as multi-generational family types that encourage young people to stay at home. Students of higher education institutions of the North Caucasus Federal District note several main reasons that motivate them to move to another country. Most often, young people simply want to see the world – 56.5%, are not satisfied with the salary level – 36.5%, and another 20.8% note that there are few career prospects in Russia. The share of students planning to work in the specialty they received at the educational institution is low, which indicates the presence of structural unemployment in the region. Structural unemployment is a consequence of poorly established interaction between educational institutions (schools, colleges, universities), specialised government organisations and employers. Low wages as well are one of the main reasons for the low demand for work in the specialty. Among the most popular life goals, after graduation, students identified the following: getting a permanent job and ensuring high well-being. According to the majority of students in the North Caucasus, success is based primarily on personal qualities, such as intelligence, business acumen, entrepreneurship, professionalism, competence. A smaller proportion of surveyed students believe that achieving success in life depends on relatives, connections and acquaintances.

Keywords: North Caucasus, youth, labour attitudes, unemployment, digital transformation, migration, social risks, student population

References

1. Alkesov R. T. Integration potential of labor values of student youth in the South of Russia. *Gumanitarniy yuga Rossii*, 2021: 5: 99–108 (in Russ). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.6; EDN: TGQZCF.
2. Andrianova E. V. A paradigm shift motivation and labor values in the context of the new economic sociology development. *Vestnik TyumGU*, 2014: 8: 57–63 (in Russ.). EDN: TBCQPV.
3. Atlaskirov A. R. Labor attitudes of graduates of higher and secondary specialized educational institutions of the Kabardino-Balkarian Republic. *Sotsiodinamika*, 2022: 9: 49–57 (in Russ). DOI: 10.25136/2409-7144.2022.9.38930; EDN: CEDWPQ.
4. Atlaskirov A. R. Labor attitudes of graduates of higher and secondary specialized educational institutions of the Kabardino-Balkarian Republic. Part 2. *Sotsiodinamika*, 2023: 7: 42–52 (in Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2023.7.43925; EDN: VLMDFP.
5. Berova F. Zh., Yakhutlova M. L., Yakhutlov K. L. Regional features of external migration processes and their impact on the labor market in the KBR. *Vestnik Makhachkalinskogo f-la MADI*, 2013: 13: 118–123 (in Russ.). EDN: TRISBV.
6. Velikaya N. M. Precarization of youth labor as a factor in the formation of the “self-employed” group. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2022: 2: 6–21 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2022.28.2.1; EDN: MBMQCF.
7. Vishnevsky Yu. R. Sociology of youth-about youth, for youth. Actual problems of sociology of youth, culture, education and management. Yekaterinburg. 2014: 1: 5–9 (in Russ.). EDN: ZVDRXZ.

8. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research. Moscow, FNIS RAN; 2020: 688 (in Russ.). DOI:10.19181/mono-gr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.
9. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Young specialists: the problem of education and the situation on the labor market. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2015: 5: 114–122 (in Russ.). EDN: RUWMPM.
10. Kornienko E. V. Trudovaya motivatsiya i trudovyye tsennosti rossiyskogo obshchestva: sistemnyy analiz sovremennykh tendentsiy [Labor Motivation and Labor Values of the Russian Society: System Analysis of Modern Trends]. Taganrog, RGSU, 2012: 105 (in Russ.). EDN: QOOLBX.
11. Kosharnaya G. B., Korzh N. V. Tsennostnyye oriyentatsii studencheskoy molodezhi v trudovoy sfere [Labor Value Orientations of Student Youth]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestv. Nauki*, 2013: 2(26): 58–64 (in Russ.). EDN: RNAYAZ.
12. Magun V. S. Kak menyayutsya rossiyskiye trudovyye tsennosti [How Russian labor values are changing]. *Otechestvennye zapiski*, 2007: 3: 23–39 (in Russ.). EDN: TBKCOX.
13. Pakhina T. A. Trudovyye tsennosti i ustanovki sovremennykh studentov (na materiale sotsiologicheskogo issledovaniya) [Labor values and attitudes of today's college students on the material of sociological research]. *Vestnik Moskovskogo un-ta*, 2014: 3: 120–131 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-3-120-131; EDN: SPLKLJ.
14. Retivina V. V. Labor Values and Attitudes of Modern Students. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2019: 1: 57–63 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63; EDN: YURZVB.
15. Labor and economic life in the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation. Ed. H. V. Dzutsev, resp. ed. N. V. Kornienko. Moscow, Vladikavkaz, SOGU im. K. L. Khetagurova, 2019: 237 (in Russ.). EDN: SGPRRY.
16. Goldthorpe J. H., Lockwood D. et al. The Affluent Worker: Industrial attitudes and behavior. Cambridge, Cambridge University, 1968: 216.
17. Rudakov V., Figueiredo H. et al. The Impact of Horizontal Job-Education Mismatches on the Earnings of Recent University Graduates in Russia. *Discussion Paper. Institute for the Study of Labor*, 2019: 12407: 31.

The article was submitted on: January 10, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albert R. Atlaskirov, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.11

EDN: RDURSZ

О формировании гражданской идентичности у студенческой молодежи Орловской области¹

Ссылка для цитирования: Сапрыка В. А., Дорохова Ю. В., Хатнюк Н. Н. О формировании гражданской идентичности у студенческой молодежи Орловской области // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.11; EDN: RDURSZ.

For citation: Sapryka V.A., Dorokhova Yu.V., Khatnyuk N.N. On the shaping of civic identity among student youth in the Oryol region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.11; EDN: RDURSZ.

SPIN-код: 5268-7063

Сапрыка Виктор Александрович¹

¹Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия

sapryka@icbci.info

SPIN-код: 7353-0470

Дорохова Юлия Викторовна¹

¹Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Орел, Россия

dorokhova-yuv@ranepa.ru

SPIN-код: 1461-4594

Хатнюк Наталья Николаевна¹

¹Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Орел, Россия

hnn2005@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в рамках проекта ZWG-2024-0021 «Социальные технологии иммунизации молодежи приграничных регионов и новых территорий России в условиях цивилизационных противоречий», выполняемого в рамках научных проектов в сфере общественно-политических наук.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы формирования гражданской идентичности молодежи, что является первостепенной задачей современного российского общества. Для этого необходимо понимание факторов, оказывающих первостепенное влияние на данный процесс. Социологические исследования могут стать одним из основных инструментов, который будет способствовать выработке механизмов формирования гражданской идентичности. Целью проведенного исследования стало выявление, на основе комплексного анализа, основных механизмов формирования гражданской идентичности современной студенческой молодежи орловского региона. Эмпирической основой работы являются результаты социологического исследования, проведенного методом анкетирования студентов вузов и колледжей города Орла. В рамках проекта был проведен анализ гражданской идентичности студенческой молодежи орловского региона по ее следующим компонентам: когнитивный (знание о важнейших вехах истории своей страны, ощущение собственной принадлежности к данной социальной общности); ценностно-эмоциональный (эмоциональное отношение к происходящим в стране событиям, оценка собственной гражданской идентификации и ее месту в системе ценностных ориентаций); поведенческий (непосредственное участие в происходящих в стране событиях, активная гражданская позиция). В итоге по каждому из компонентов выявлены основные направления, которые будут способствовать формированию гражданской идентичности современной студенческой молодежи. Авторы приходят к выводу, что для этого необходимы усилия государства и общества, направленные на возрождение традиционных ценностей. На уровне государства требуются выработка и последовательная реализация национальных программ и проектов, действующих в данном направлении. Механизмы государственного регулирования формирования и укрепления гражданской идентичности студенческой молодежи находят одобрение и поддержку среди самой молодежи, что является основой для положительного прогноза реализации данного направления. В то же время нельзя забывать тот факт, что настроения молодежи как никакой другой социальной группы достаточно подвижны и изменчивы. Поэтому мониторинговые исследования помогут вовремя выявить и не допустить негативного влияния на ее гражданскую идентичность и ценностные ориентации.

Ключевые слова: гражданская идентичность, механизмы формирования гражданской идентичности, студенческая молодежь, Орловская область, традиционные ценности

Введение

Гражданская идентичность всегда лежала в основе формирования системы ценностей, которая является фундаментом любого стабильного и устойчиво развивающегося общества. Сейчас, когда Россия находится в непростой геополитической ситуации, подвергаясь многочисленным внешним воздействиям как в социально-политическом и социально-экономическом, так и в духовно-нравственном аспектах, устойчивая гражданская позиция населения будет залогом преодоления всех вышеперечисленных трудностей. Особенно остро встает вопрос о формировании гражданской идентичности у молодежи, чьи ценностные ориентации еще крайне неустойчивы и подвержены значительному влиянию различного рода факторов. Гражданская идентичность российской молодежи формируется под воздействием ряда факторов, связанных с современной геополитической повесткой, которые повышают социальную напряженность

и конфликтность между различными социальными группами и общностями. Данный процесс усложняется различного рода противоречивой информацией в СМИ (пропаганда насилия, гедонистической культуры, популяризация адюльтеров, нетрадиционных форм брачности и т. п.). Таким образом повышается степень эпистемологической неуверенности молодежи, увеличивая риск ее радикализации. Все вышесказанное приводит к утрате молодежью таких базовых ценностей, как: любовь к Родине, патриотизм, милосердие, любовь и уважение к своим близким, желание завести собственную семью и продолжить свой род, желание трудиться на благо и процветание собственной страны, гордиться тем, что ты являешься ее гражданином.

Ценности являются одним из важнейших факторов и условий стабильности существования не только отдельных индивидов и социальных общностей, но и государства в целом. Это подчеркнул Президент РФ В. В. Путин в марте 2021 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям, когда назвал укрепление гражданской идентичности ключевой темой для России: «...многие страны сталкиваются с проблемами в области формирования и укрепления гражданской идентичности и нет ничего важнее этого ни для России, ни для любой другой страны мира. Поскольку национальная идентичность большего субъекта всегда состоит из менее крупных и общих факторов и идентификаций, общероссийская гражданская идентичность зависит от процессов формирования и эволюции национальной идентичности в своих регионах – краях и республиках»¹. Таким образом, формирование гражданской идентичности населения в целом, и молодежи частности, является первостепенной задачей современного общества. Для этого необходимо понимание факторов, оказывающих первостепенное влияние на данный процесс. Социологические исследования могут стать инструментом, который поможет выявить основные механизмы формирования гражданской идентичности и помочь создать адекватные инструменты государственной политики в этой области. Все это обуславливает актуальность заявленной темы исследования.

Обзор литературы по проблеме

Изначально термин «идентичность» имел социально-психологическую трактовку и понимался как представление человека о собственном «Я», которое формируется как на основании его личностных качеств, имеют психологический характер, так и в процессе его взаимодействия с социумом, которое носит характер социальный. Э. Эриксоном в социологический концепт трактовки данной категории была заложена характеристика «динамичности» [24]. Он полагал, что генезис и развитие идентичности есть динамический процесс, который протекает с первых лет жизни

¹ Официальные сетевые ресурсы Президента России. Заседание Совета по межнациональным отношениям. Электронный ресурс. Режим доступа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 07.02.2025).

ребенка под влиянием его вовлеченности в различные социальные группы и общности, формирующие его чувство причастности к ним. В то же время существование данных групп во многом зависит от постоянно происходящих изменений социума, в котором они находятся [25]. Таким образом, согласно Эриксону, формирование социальной идентичности представляет собой перманентный процесс самоопределения и соотнесения себя с социальной реальностью. Процесс формирования идентичности согласно данной концепции в чем-то схож с процессом социализации, в то же время, их нельзя отождествлять.

Российский исследователь Н. Л. Полякова в своей работе «“Идентичность” в современной социологической теории» [17] группирует все исследования идентичности в зависимости от методологических подходов их обосновывающих по трем направлениям – конструктивизм, постмодернизм и интеракционизм. Она полагает, что в основу конструктивистского подхода заложен механизм рефлексивности, который и составляет основу идентичности человека; суть постмодернистского подхода заключается в замещении понятия «идентичность» на понятие «идентификация», сводя ее к различным моделям самопрезентации; основу интеракционизма составляет поиск гармонии человека с самим собой, который лежит в основе его социального и психологического здоровья.

Если первоначально термин «идентичность» превалировал в микро-социологии, то в настоящее время он используется как макросоциологическая категория. Для нашего исследования важна концепция «региональной идентичности», понятие и сущность которой исследует, в частности, Н. А. Левочкина. Региональную идентичность она описывает как «совокупность качественных и количественных характеристик, сопряженных со специфичностью какого-либо данного культурного или географического индивида (личности, группы, территориальной общности, территории)» [11]. Необходимо подчеркнуть, что понятие «региональная идентичность» носит междисциплинарный характер. Так, географ М. П. Крылов пишет: «...региональная идентичность есть совокупность пространственно выраженных социокультурных отношений, связанных с понятием «малая Родина» ...» [9].

В экономическом ракурсе рассматривает региональную идентичность С.С. Галазова, которая внесла значительный вклад в разработку данного понятия и представила структурные элементы региональной идентичности экономического пространства в виде двух групп: «...материальные (природные, географические, экономические, транспортные, логистические, инфраструктурные, культурологические и т. д.) и нематериальные (политические, социальные, ментальные, культурологические, гендерные, экономические, коммуникативные и т. д.)...» [2].

Философский аспект понятия региональной идентичности затрагивает в своей кандидатской диссертации Д. С. Докучаев. Он исследует различные аспекты, связанные с региональной идентификацией индивида через доказательство того, что существование человека невозможно вне регионального пространства и выстраивает теоретическую

модель региональной идентичности [4]. В политологическом ракурсе региональную идентичность исследует в своей кандидатской диссертации М. В. Назукина, выявляя корреляцию между региональной идентичностью и ключевыми характеристиками региона [15]. В работах, посвященных региональной идентичности, автор отмечает: «Политика регионализации и максимизация степени территориальной автономии создавала благоприятные условия для роста регионального самосознания и позиционирования регионов как самодостаточных политических образований...» [16].

Исследованием идентичности занимается значительное число социологов. Среди них необходимо особо отметить Л. М. Дробижеву. В своей работе, посвященной российской идентичности, она определяет ее как «сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и, при определенных условиях, готовности действовать во имя этих представлений» [5]. Также она много писала и про гражданскую идентичность, которую определяла: «...как отождествление себя с общностью, представления о ней, эмоциональное переживание этих представлений (гордость, патриотизм) и готовность к действию» [6]. Таким образом, государственно-гражданская идентичность – это чувство общности с нацией, осознание принадлежности к своей стране, а также разделение эмоциональных переживаний граждан данной страны. Гражданскую идентичность населения приграничных регионов затрагивают в своих исследованиях соавтор данной статьи В.А. Сапрыка и его коллеги [19].

Механизм формирования идентичности включает в себя несколько этапов: осознание гражданских чувств, выделение российского общества из других обществ; осознание личной гражданской принадлежности; сопоставление своей культуры с другими; осознание своего места в стране как субъекта политической общности. Об этом пишет в своей работе коллектив социологов под руководством П. А. Меркулова [13].

Вопросы формирования гражданской идентичности у учащейся молодежи поднимают П. В. Фадеев [21], Л. В. Мардахеев [12]. Формирование гражданской идентичности через конструирование образа «родины» у современной студенческой молодежи рассматривает Н.Н. Хатнюк, которая понимает «студенчество – как специфическую, социально-профессиональную группу молодых людей, объединенных задачами подготовки к высокопрофессиональной деятельности во имя перспектив общественного развития...» [22]. В то же время актуализирует заявленную проблематику тот факт, что очень часто формирование идентичности студенческой молодежи носит стихийный характер, о чем говорят, например, Н. В. Проказина и Н. Н. Хатнюк: «Несмотря на реализацию многочисленных мероприятий, проектов и программ по формированию государственно-гражданской идентичности российской молодежи, значительная часть молодежи подвержена стихийному формированию идентичности, которая имеет фрагментарный, неустойчивый, противоречивый характер» [18].

Особенности формирования гражданской идентичности в современном информационном обществе рассматривает А. М. Кузьмина [10].

Таким образом среди основных критериев сформированности государственно-гражданской идентичности у студенческой молодежи исследователи выделяют: гражданское единство, совесть, ответственность, долг, чувство патриотизма, уважение к законам и т. д. В рамках проводимого нами исследования структура гражданской идентичности рассматривается как интегративное целое, включающее в себя три неотъемлемых компонента: когнитивный, ценностно-эмоциональный и поведенческий.

В ракурсе когнитивного компонента гражданскую идентичность исследуют Н. А. Сенченко, делая акцент на когнитивных маркерах гражданской идентичности жителей Крымского региона [20]. Эмпирическому анализу когнитивного (содержательного) компонента гражданской идентичности посвящена работа О. А. Браун и М. Г. Аркузина, которые по результатам проведенного социологического исследования среди студенческой молодежи отмечают, что «...гражданская идентичность имеет мировоззренческие, социальные и средовые основания. Наиболее позитивно респондентами оцениваются природа, территория и исторические достижения России, к проблемным представлениям относятся образ государства, сограждан, власти...» [1].

Ценностно-эмоциональный компонент отражен в работах таких исследователей как Д. К. Щеглова, которая акцентирует внимание на особенностях данной составляющей у жителей приграничных российских регионов [23]. Патриотизм как элемент гражданской идентичности студенческой молодежи ульяновского региона рассматривает Н. В. Дергунова. В результате исследования автор выявляет «...зависимость понимания патриотизма и глубины сформированных этнокультурной и гражданской идентичностей, особенностей проявления аффективного и поведенческого компонентов обеих идентичностей» [3].

Эмпирические исследования мотивационных характеристик поведенческого компонента гражданской идентичности молодежи северных регионов России проводят А. Н. Заварин, Н. Ю. Флотская. В своей работе они описывают общие мотивы гражданского поведения молодежи, ими выделены ведущие мотивы гражданской активности среди половозрастных групп молодежи [7].

Одним из основных факторов формирования гражданской идентичности являются традиционные российские духовно-нравственные ценности, не углубляясь в историю вопроса, в данной статье мы исходим из официальной их трактовки¹.

Методика и эмпирический базис исследования

Эмпирическую основу данной работы составили результаты социологического исследования, проведенного авторами среди студенческой молодежи орловского региона в октябре 2023 г. методом анкетирования сту-

¹ Указ Президента РФ от 09.11.22 № 809 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 14.04.25).

дентов вузов и колледжей города Орла ($n = 652$) с использованием платформы «Яндекс.Формы». Исследование проведено социологической лабораторией кафедры «Социология и социальные технологии» Среднерусского института управления – филиала. Объем выборки определялся с доверительной вероятностью 0,95 и предельной ошибкой, равной 5%. Вид выборки – многоступенчатая, случайная бесповторная.

Итоговая выборочная совокупность составила: студенты вузов очной формы обучения 389 чел. (из них 222 бакалавриат, 101 магистратура, 66 специалитет); студенты колледжей очной формы обучения 263 чел.

В статье также использованы результаты полуструктурированного интервью, проведенного авторами со студентами орловских вузов (9 чел.) на тему: «Формирование государственно-гражданской идентичности студенческой молодежи». Исследование проводилось в ноябре 2023 г. авторами статьи.

При составлении инструментария исследования авторы закладывали методологическое допущение, что структура гражданской идентичности включает в себя следующие неотъемлемые компоненты:

- когнитивный – знание о важнейших вехах истории своей страны, ее героях и достижениях, ощущение собственной принадлежности к данной социальной общности;
- ценностно-эмоциональный – эмоциональное отношение к событиям, происходящим в стране, оценка собственной гражданской идентификации и ее место в системе ценностных ориентаций;
- поведенческий – непосредственное участие в событиях, происходящих в стране, в ее общественно-политической жизни, активная гражданская позиция [8].

Вопросы, касающиеся каждого из компонентов, нашли отражение в инструментарии авторского исследования [13].

Результаты исследования

Первый блок вопросов, затрагивающих когнитивный (познаваемый) компонент гражданской идентичности, начинался с вопроса, касающегося самоопределения респондента, ощущения его принадлежности к определенной социальной общности. На данный вопрос чуть больше половины респондентов ответили, что определяют себя как граждане России (52,4%), на втором месте: просто как «человек» (29,3%). Прочие варианты: семейная роль, национальность, профессиональный статус – незначительны, до 5%. С одной стороны, положительно стоит отметить то обстоятельство, что половина студентов ассоциирует себя с собственной Родиной. С другой стороны, достаточно настораживающе выглядит тот факт, что почти третья часть респондентов на вопрос о собственной идентификации выбрали достаточно обезличенный ответ. Это может свидетельствовать о том, что

данный вариант ответа в косвенной форме является неприятием себя как части государства с его исторической памятью, героями, богатой культурой и глубокими традициями.

В данной связи безусловный интерес вызвал вопрос, касающийся знаний студентами важнейших вех истории своей страны, ее героев и достижений. Так, например, одним из величайших достижений русского народа является победа над фашизмом. Победа в Великой Отечественной войне досталась нам огромной ценой, во многом благодаря подвигам и самопожертвованиям наших предков. Насколько хорошо память о данном событии передается в семьях, на уроках истории, в СМИ, свидетельствуют ответы респондентов на вопрос о том, хорошо ли они знают историю Великой Отечественной войны. К сожалению, лишь шестая часть студентов ответила, что «очень хорошо» знает данное историческое событие (17,2%). Положительно стоит отметить, что две трети респондентов ответили, что знают историю Великой Отечественной войны «скорее хорошо» – 69,0%. В то же время достаточно тревожно выглядит тот факт, что каждый седьмой респондент (13,8%) говорит, что плохо знает историю этого знаменательного для нашей страны события.

Это не значит, что студенты не готовы чтить память своих предков. О том, что студенты уважают память героев Великой Отечественной войны, свидетельствует тот факт, что практически все респонденты (94,7%) заявили, что важно и нужно проводить мероприятия, посвященные Дню Победы и заявили о готовности принимать личное участие в мероприятиях подобного рода. Город Орел является городом первого салюта. О готовности принимать участие в посвященном этому мероприятии, которое отмечается в городе 5 августа, заявили практически все респонденты (94,9%). Таким образом, недостаток знаний об исторических победах и достижениях своего народа обуславливается не отсутствием у студентов желания получать подобного рода информацию, а недостаточной работой в данном направлении образовательных учреждений, культуры и медиа. Данному аспекту необходимо уделить первостепенное внимание при выработке политики формирования гражданской идентичности у молодежи.

На вопрос о достижениях, которые произошли в нашей стране за последние десять-пятнадцать лет, респонденты давали следующие ответы. Главным значимым достижением России за последние 15 лет стали достижения в военной сфере, так считают 62,2% опрошенных, спортивными достижениями гордятся 11,6%, при этом 6,9% считают значимыми достижения в освоении космоса, 5,1% гордятся достижениями в науке и технике. Завершить анализ когнитивного (познавательного) блока формирования гражданской идентичности стоит вопросом об источниках данных познаний. На рис. 1 отображены основные источники знаний, получаемых студентами об истории российского государства.

Рис. 1. Основные источники, из которых студенты получают знания о Родине
(допускалось не более 3-х вариантов ответа), %

Figure 1. Main sources from which students get knowledge about the Motherland”
(no more than 3 answer options were allowed), %

Таким образом, основными источниками информации, из которых студенты получают знания о своей Родине, являются СМИ, научная и художественная литература, которая также в основном используется студентами в цифровом формате. Именно этот контент использует половина респондентов, и именно его необходимо обогатить информацией о достижениях нашего государства. Еще одним немаловажным источником являются разговоры с членами семьи. Следует проводить работу с родителями о том, что рассказы об истории Родины являются неотъемлемым источником воспитания сознательной личности настоящего патриота. Среди источников информации о Родине третья часть респондентов выделяет беседы не только в кругу семьи, но и в учебных коллективах, в дружеских кругах.

Ценностно-эмоциональный компонент заключается в эмоциональном отношении к событиям, происходящим в стране, оценке собственной гражданской идентификации и ее месту в системе ценностных ориентаций. Несмотря на то, что начиная примерно с конца 1980х годов вплоть до недавнего времени в публичном пространстве, особенно в Сети, доминировал условно космополитичный дискурс, недостатки России выпячивались, а достижения ее народа умахались, большинство опрошенных нами студентов положительно отзывались о нашей стране, и лишь незначительная их часть дала негативные оценки (рис. 2).

На рисунке продемонстрировано, что две трети респондентов (67,5%) испытывают по отношению к своей стране уважение, а чуть более половины — надежду (58,4%) и любовь (56,3%). Положительное влияние на формирование гражданской идентичности также оказывает тот факт, что третья часть респондентов не только доверяет нашей стране (33,3%),

но и восхищается ей (30,5%). Хотя данные ответы свидетельствуют о преобладании положительных эмоциональных чувств у современной студенческой молодежи по отношению к Родине, тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что негативные чувства также присутствовали в ответах каждого восьмого респондента – недоверие (8,3%) и разочарование (8,1%). Еще большую тревогу вызывает тот факт, что каждый пятый респондент испытывает к стране безразличие (5,1%) и даже осуждение (5,1%). И хотя данный процент студентов не такой значительный, само их существование говорит о том, что необходимо искать пути повышения положительных ценностно-эмоциональных оценок гражданской идентичности студенческой молодежи.

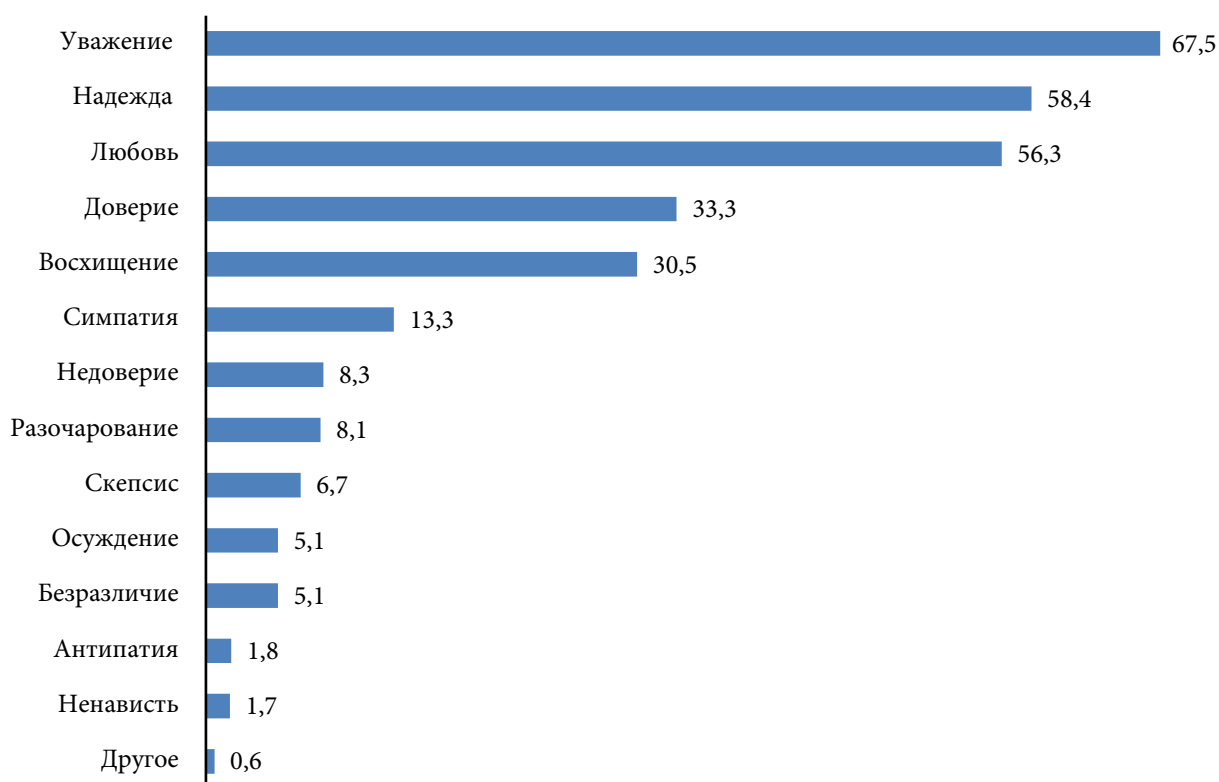

Рис. 2. Чувства по отношению к России
(допускалось не более 3-х вариантов ответа), %

Figure 2. Feelings towards Russia
(no more than 3 answer options were allowed), %

Исследование показало, что студенты колледжей продемонстрировали проявление более позитивного отношения к своей стране, особенно в уважении (на 18% больше, чем студенты вузов), любви (на 12%), доверии (на 16%), восхищении (на 14%). В то время как студенты вузов больше испытывают надежду (на 9% больше, чем студенты колледжей), скепсис (на 10%).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов на вопрос:
«Какие чувства, прежде всего, Вы испытываете по отношению к нашей стране?»
в зависимости от формы обучения респондентов, %
Distribution of answers to the question:
‘What feelings, first of all, do you have towards our country?’
depending on the form of education of respondents, %

Какие чувства, прежде всего, Вы испытываете по отношению к нашей стране? (укажите не более трех вариантов ответов)	Форма обучения	
	ВУЗ	Колледж
Уважение	59,3	76,7
Надежду	62,4	53,6
Любовь	51,1	62,5
Доверие	25,7	41,3
Восхищение	24,2	37,9
Симпатию	14,4	12,3
Недоверие	8,9	7,9
Разочарование	10,4	6,0
Скепсис	11,6	1,9
Осуждение	5,8	4,7
Безразличие	4,9	5,0
Антипатию	2,1	1,9
Ненависть	2,4	1,3
Другое	0,9	0,3

Помимо вышесказанного результаты опроса показали, что в ценностно-эмоциональном восприятии нашей Родины у студентов прослеживаются также рациональные чувства, которые связаны с гордостью за достижения нашей страны, а также с надеждами и доверием (см. рис. 3).

Чувство гордости – одно из основных чувств, которые заложены в основу ценностно-эмоционального компонента гражданской идентичности. Орловские студенты гордятся историей своей страны (95,2%), ее культурой и искусством (94%), российскими учеными и их научными достижениями (90,2%), победами наших спортсменов (90%). Для Орловской области характерны такие варианты ответов, которые связаны непосредственно с особенностями региона. В частности, Орел считается литературной столицей России, и жители региона гордятся, что являются земляками таких великих писателей, как: И. Тургенев, Н. Лесков, Ф. Тютчев, А. Фет и др.

В то же время непростая геополитическая ситуация, сложившаяся в наши дни, и многочисленные провокационные вбросы противников нашей страны, которые, к сожалению, с регулярностью проникают в СМИ, обусловили то обстоятельство, что каждый пятый респондент (22,7%) плохо оценивает положение России на мировой арене. В данной связи стоило бы усилить контроль над распространителями подобного рода инфор-

мации. Но негативных оценок военной мощи страны в два раза меньше (13,7%). Тем не менее, наличие отрицательных оценок говорит о необходимости еще больше популяризировать достижения современных российских Вооруженных сил, делать максимально публичными истории подвигов российских военнослужащих.

Рис. 3. Продолжите предложение.
«Можете ли Вы сказать, что гордитесь...?», %
Figure 3. Continue the sentence.
‘Can you say that you are proud of...?’, %

При этом наблюдается разница в оценках студентами вузов и колледжей относительно того, чем именно гордятся молодые люди (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос:
«Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь ...?»
в зависимости от формы обучения респондентов, %
Distribution of responses to the question:
“Could you say about yourself that you are proud of ...?”
depending on the form of education of respondents, %

Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь сильной армией, военной мощью страны?	Форма обучения	
	ВУЗ	Колледж
Да	82,9	90,2
Нет	17,1	9,8
Итого	100	100

Студенты колледжей чуть больше гордятся сильной армией и военной мощью нашей страны по сравнению со студентами вузов. Но все равно следует отметить достаточно высокое значение этого показателя.

Таблица 3 (Table 3)

Распределение ответов на вопрос:
«Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь позицией России на международной арене»
в зависимости от формы обучения респондентов, %
Distribution of answers to the question:
“Could you say about yourself that you are proud of Russia’s position in the international arena” depending on the form of education of respondents, %

Могли бы Вы сказать о себе, что гордитесь позицией России на международной арене?	Форма обучения	
	ВУЗ	Колледж
Да	71,3	83,6
Нет	28,7	16,4
Итого	100	100

Также следует отметить высокий уровень гордости позицией России на международной арене. Но опять же, мы отмечаем, что студенты колледжей испытывают более сильные позитивные чувства.

Наиболее ярко проявление чувств гордости за свою страну мы можем проследить в серии интервью со студентами вузов.

«Я испытываю гордость за тех, кто защищает нашу родину, за военных, спортсменов (..) ученых» (юноша, учащийся вуза);

«Ну, только гордость за свою страну. Меня очень хорошо воспитали мои родители. Они мне (..) они вложили в меня только самое хорошее (..) быть патриотом своей страны» (юноша, учащийся колледжа);

«Чувства (..) Гордость не могу сказать. (..) Ну, потому что не могу. Могу сказать, что я люблю свое страну за природу. Очень люблю ездить куда-то. Мне нравятся люди в нашей стране, нравится с ними общаться. Я была во многих республиках, ну на Кавказе и других. Вот, пока там ездила, могу сказать, что мне все нравится» (девушка, учащаяся вуза);

«Думаю, (..) гордость за нашу страну. Ведь в сложившейся ситуации наше государство показало, что оно очень сильное и готово защищать свои интересы (..)» (юноша, учащийся вуза).

В непростой ситуации оказалась страна и в социально-экономической сфере. К сожалению, многочисленные иностранные рестрикции, необходимость практически «с нуля» поднимать многие отрасли производства, обусловили значительные затраты из бюджета страны, что не могло не повлиять на уровень жизни граждан. Все это объясняет негативные оценки, которые студенческая молодежь дает положению страны в целом, и региона в частности.

Поведенческий компонент также является неотъемлемой составляющей гражданской идентичности современной студенческой молодежи. Он складывается из непосредственного участия, которое студенческая молодежь принимает в событиях, происходящих в стране, в ее общественно-политической жизни и активной гражданской позиции. Несмотря на то, что в ответах первых двух блоков респонденты свидетельствуют, что гордятся своей Родиной, считают себя патриотами и заявляют о необходимости проведения мероприятий, направленных на формирование национального духа и гражданского самосознания, сами они крайне неохотно принимают участие в мероприятиях подобного рода.

Вопросы поведенческого блока затрагивали готовность студентов участвовать в следующих социально-политических мероприятиях (см. рис. 4).

Рис. 4. Готовность участвовать в следующих социально-политических мероприятиях, %
 Figure 4. Willingness to participate in the following socio-political activities, %

На рисунке продемонстрировано, что молодежь чаще всего принимает участие в выборах. Для орловского региона является характерной чертой то, что на выборы федерального уровня ходит более 70% избирателей, а на регионального и муниципального – явка примерно в два раза ниже. Исследование показало, что молодежное электоральное поведение не противоречит общей региональной тенденции. Можно предположить, что такое политическое участие является элементом политической культуры населения региона. Также молодежь проявляет готовность к участию в волонтерских (71,3%) и культурных мероприятиях, спортивных и праздничных мероприятиях (66,6%). Возможно, это связано с возможностью личного общения с единомышленниками, существующей на мероприятиях данного формата, и заняться любимым делом. Но даже в таких мероприятиях значительная часть молодежи (около трети) не высказывает желания участвовать. Такая жизненная позиция во многом связана с превалированием у молодых пассивного домашнего досуга, связанного с просмотром интернет-каналов, блогов, общением в социальных сетях и т. п. Более половины (54%) студентов готовы участвовать в мероприятиях военно-патриотического характера. Респонденты говорили о важности мероприятий, направленных на формирование патриотизма и развития государственно-гражданской идентичности. Однако по результатам нашего исследования 45%

участвуют в мероприятиях военно-патриотического характера только если они являются обязательными. Можно выделить такие мероприятия, в которых участвуют студенты, как акция Бессмертный полк (22,6%), празднование Дня Победы (11,4%), патриотические концерты (4,5%).

Таким образом, поведенческий компонент гражданской идентичности наименее развит у молодежи и именно на его формирование надо направлять сегодня максимальные усилия государства и общества.

В завершении исследования респондентам был задан вопрос о том, что необходимо предпринимать государству в первую очередь для повышения гражданской идентичности у ее населения (см. рис. 5). Данный вопрос был открытым, и респонденты сами формулировали возможные варианты ответа.

Рис. 5. Направления, на которые необходимо направить основные усилия для повышения гражданской идентичности у населения (допускалось не более 5-ти вариантов ответа), %

Figure 5. Areas where the main efforts should be directed to strengthen civic identity of the population (no more than 5 answer options were allowed), %

На рисунке 5 продемонстрировано, что для формирования гражданской идентичности, по мнению респондентов, в первую очередь необходимо развивать патриотическое воспитание (58%), совершенствовать преподавание и изучение истории нашей страны (44,7%), развивать спорт (поскольку возможность болеть за своих спортсменов влияет на формирование гражданской идентичности) (38,3%). Отдельно отметим роль и значение знания истории страны в формировании гражданской идентичности молодежи (постоянное изучение истории, богатого культурного наследия как России, так и именно орловского региона, обычаев и традиций, геральдики и символики). Особую роль в системе традиционных ценностей занимает религия, на роль и значение которой в формировании гражданской идентичности также указывали респонденты.

Обсуждение

По результатам проведенного теоретического и эмпирического исследования можно сделать вывод, что гражданская идентичность современной молодежи является достаточно подвижной и не полностью сформированной. С одной стороны, молодежь гордится своей Родиной и считает себя патриотами, с другой, в значительной части, многие хотят участвовать в мероприятиях военно-патриотического характера, но реально участвующих молодых людей не так и много. Все это происходит на фоне кризиса традиционных ценностей, о которых неоднократно заявляют политические лидеры нашего государства, восстановление и укрепление которых считают первоочередной задачей.

Одной из базовых традиционных ценностей является семья. Кризис института семьи негативным образом отражается и на гражданской идентичности современной молодежи, так как именно семья является одним из основных источников ее формирования. Таким образом, одна из основных задач современной молодежной политики – укреплять и поддерживать молодые семьи, их репродуктивный потенциал, любовь и уважение к родным и близким. Еще один блок традиционных ценностей посвящен истории страны, ее знанию, пониманию, уважению. В этой связи необходимо вести популяризацию данного направления, так как студенты заявляют, что они стремятся понять историю страны, ее традиционные устои и обычаи. Знаменательные исторические события нужно делать максимально открытыми и привлекать как можно больше молодежной аудитории (Парад Победы, Бессмертный полк др.).

Необходимо осознание общего исторического прошлого, которое является основой не только гражданской и национальной идентичности. Респонденты говорили о том, что у нашей страны есть особая миссия и предназначение, поэтому важно четко сформулировать особую парадигму развития России, ее национальные идеи, направленные не только на сохранение России как государства, но и на укрепление «Русского мира». Респонденты указывали на соблюдение чистоты русского языка, который

является языком великих классиков литературы. Орел является центром литературного творчества и родиной многих писателей и поэтов, каждый четвертый респондент отметил данную неотъемлемую составляющую гражданской идентичности. Неотъемлемой составляющей гражданской идентичности является и общая культура (гражданская, правовая, духовная). Респонденты также отмечали необходимыми для укрепления гражданской идентичности соблюдение законов и Конституции РФ, честное исполнение служебных обязанностей, несение воинской службы, сохранение и преумножение духовного наследия.

Заключение

Таким образом, для формирования гражданской идентичности современной студенческой молодежи необходима выработка и последовательная реализация государственных национальных программ и проектов. Примечательно, что все механизмы формирования государственной гражданской идентичности, о которых говорят современные ученые и политики, были озвучены в рамках проведенного социологического исследования самими представителями студенческой молодежи. То, что механизмы государственного регулирования формирования и укрепления гражданской идентичности студенческой молодежи находят одобрение и поддержку среди самой молодежи является основой для положительного прогноза реализации данного направления. В то же время нельзя забывать тот факт, что настроения молодежи как никакой другой социальной группы достаточно подвижны и изменчивы. Соответственно повлиять на их изменения может даже незначительное событие или полученная информация. Таким образом, основными акторами формирования гражданской идентичности среди молодежи наряду с властными структурами должны стать семья, учреждения образования и культуры, молодежные общественные организации и неформальные объединения, средства массовой информации.

Среди мероприятий по формированию гражданской идентичности в вузовской среде можно выделить изучение студентами дисциплины «Основы российской государственности», празднование основных государственных праздников в вузе, пропаганду служения Отечеству, встречи с яркими людьми (которых можно назвать «человек-гражданин»), разработку новых вариантов политинформирования студентов и другие.

Изучение государственно-гражданской идентичности молодежи не теряет своей актуальности. Поэтому мониторинговые исследования студенческой молодежи помогут вовремя выявить и не допустить негативного влияния на формирование указанной идентичности.

Рассмотренный в данной статье подход на основе выделения когнитивного, ценностно-эмоционального и деятельностного компонентов, можно дополнить анализом роли социальных институтов (семьи, образования, армии, религии, спорта) в формировании государственно-гражданской идентичности. Отдельным направлением исследования может стать изуче-

ние ее места в системе традиционных духовно-нравственных ценностей, ее влияние на другие ценности, рассмотрение взаимосвязи гражданской идентичности и гражданственности.

Библиографический список

1. Браун О. А., Аркузин М. Г. Содержательные характеристики гражданской идентичности студентов // Вестник КемГУ. 2020. Т. 22. № 3(83). С. 744–754. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-744-754; EDN: ABSYCX.
2. Галазова С. С. Региональная идентичность экономического пространства // Экономика и управление. 2014. № 6(115). С. 64–69. EDN: TJIPDZ.
3. Дергунова Н. В. Патриотизм в структуре социокультурной идентичности студенческой молодежи ульяновских вузов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 62–69. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-1-62-69; EDN: WIPPCW.
4. Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореф. дисс. Иваново, 2011. 24 с. EDN: ZOHSUF.
5. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9; EDN: IZTYSH.
6. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4(158). С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261; EDN: HAAHUW.
7. Заварин А. Н., Флотская Н. Ю. Характеристика поведенческого компонента гражданской идентичности молодежи, проживающей в северном регионе России // Психология и современный мир. Субъект жизнедеятельности в современном обществе. Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2024. С. 44–49. EDN: GGUZNY.
8. Меркулов П. А., Проказина Н. В. и др. Историческая память и образ Родины: формирование государственно-гражданской идентичности российской молодежи. Орел: СИУ РАНХиГС, 2022. 228 с. EDN: NVHAVO.
9. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России: Дисс. М., 2007. 381 с. EDN: NOYPVR.
10. Кузьмина А. М. Цифровые медиакоммуникации в формировании гражданской идентичности // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск. М.: РУДН, 2023. С. 307–308. EDN: PUXPQK.
11. Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 446–453. EDN: VMBOUV.

12. Мардахаев Л. В. Гражданская идентичность российской молодежи и ее стимулирование // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи. М.: Перспектива, 2020. С. 391–397. EDN: TQSSJJ.

13. Меркулов П. А., Алексеенок А. А., Леонова О. В. Патриотическое воспитание современной студенческой молодежи // Информационный бюллетень социологической лаборатории. Орел: СИУ РАНХиГС, 2022. 64 с. EDN: QVEGME.

14. Меркулов П. А., Проказина Н. В. и др. Историческая память и образ родины: формирование государственно-гражданской идентичности российской молодежи. Орел: СИУ РАНХиГС, 2022. 228 с. EDN: NVHAVO.

15. Назукина М. В. Региональная идентичность в контексте процессов рецентрализации // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2008. № 1. С. 20–23. EDN: CNRYWM.

16. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Дисс. ... канд. пол. н. Пермь, 2009. 200 с. EDN: GMCTSH.

17. Полякова Н. Л. Идентичность в современной социологической теории // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 22–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42; EDN: ZGENKV.

18. Проказина Н. В., Хатнюк Н. Н. Социально-технологический подход к формированию государственно-гражданской идентичности российской молодежи в современных условиях // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 42–57. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3; EDN: ADWTMG.

19. Сапрыка В. А., Вавилов А. Н. и др. Фронтирная идентичность населения приграничных регионов восточнославянских государств // Вестник славянских культур. 2022. № 63. С. 114–125. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-114-125; EDN: OXEENT.

20. Сенченко Н. А. Когнитивные маркеры гражданской идентичности жителей Крыма // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 1(69). С. 30–35. DOI: 10.24158/spp.2020.1.3; EDN: UGKUYA.

21. Фадеев П. В. Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 3(39). С. 78–95. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.3.9198; EDN: BXPPWR.

22. Хатнюк Н. Н. Социальные механизмы конструирования образа «Родины» у молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 59–70. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-1-59-70; EDN: YWIYXI.

23. Щеглова Д. К. Эмоциональный аспект гражданской идентичности жителей российского приграничья // *Society and Security Insights*. 2023. Т. 6. № 2. С. 165–181. DOI: 10.14258/SSI(2023)2-11; EDN: KZSVZD.

24. Erikson E. Young man Luther. A study in Psychoanalysis and history. N. Y., 1958. 288 p. DOI: 10.5117/NTT2022.1.004.ZOCK.

25. Erikson E. Identity and the life cycle. N. Y.; L., 1994. 192 p.

Получено редакцией: 24.12.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сапрыка Виктор Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы

Дорохова Юлия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий

Хатнюк Наталья Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.11

On the Shaping of Civic Identity Among Student Youth in the Oryol region¹

Viktor A. Sapryka

National Research University "BelSU", Belgorod, Russia

sapryka@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0003-0506-3644

Yulia V. Dorokhova

Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Orel, Russia

dorokhova-yuv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-5128-6596

Natalia N. Khatnyuk

Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Orel, Russia

hnn2005@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0222-5601

For citation: Sapryka V. A., Dorokhova Yu. V., Khatnyuk N. N. On the shaping of civic identity among student youth in the Oryol region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2 . P. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.11; EDN: RDURSZ.

Abstract. This paper deals with the formation of civil identity of young people, which is the primary task of modern Russian society. For this purpose, it is necessary to understand the factors that have a primary impact on this process. Sociological research can become a tool that will help to develop the main mechanisms of civic identity formation. The presented research is aimed to identify the main mechanisms of formation of civic identity of modern student youth of the Oryol region on the basis of a comprehensive analysis. The empirical basis of the work is the results of the sociological research conducted by the sociological laboratory of the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa in October 2023 by the method of surveying students of universities and colleges of the city

¹ **Acknowledgements.** The research was carried out within the framework of the ZWG-2024-0021 project "Social technologies of immunization of youth from border regions and new territories of Russia in the context of civilizational contradictions", carried out within the framework of scientific projects in the field of socio-political sciences.

of Oryol using the platform 'Yandex.Forms'. The project analysed the civic identity of student youth in the Oryol region in terms of its following components: cognitive (knowledge of the most important milestones in the history of their country, a sense of belonging to this social community); value-emotional (emotional attitude to the events taking place in the country, assessment of their own civic identity and its place in the system of value orientations); behavioural (direct participation in the events taking place in the country, active civic position). As a result, the main directions that will contribute to the formation of civil identity of modern student youth are identified for each of the components. The authors conclude that this requires the efforts of the state and society aimed at the revival of traditional values. The development and consistent implementation of national programmes and projects operating in this direction are required at the state level. The mechanisms of state regulation of the formation and strengthening of civil identity of student youth find approval and support among young people themselves, which is the basis for a positive forecast of the implementation of this direction. At the same time, we should not forget the fact that the moods of young people, like any other social group, are quite mobile and changeable. Therefore, monitoring studies will help to identify and prevent the negative impact on their civic identity and value orientations.

Keywords: civic identity, mechanisms of civic identity formation, student youth

References

1. Brown O. A., Arkuzin M. G. Meaningful characteristics of students' civic identity. *Vestnik KemGU*, 2020: 22(83): 744–754 (in Russ.). DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-744-754; EDN: ABSYCX.
2. Galazova S. S. Regional identity of the economic space. *Ekonomika i upravlenie*, 2014: 6(115): 64–69 (in Russ.). EDN: TJIPDZ.
3. Dergunova N. V. Patriotism in the structure of socio-cultural identity of students of Ulyanovsk universities. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 2021: 1: 62–69 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2021-1-62-69; EDN: WIPPCW.
4. Dokuchaev D. S. Regionalnaya identichnost rossijskogo cheloveka v sovremennyh usloviyah: socialno-filosofskij analiz [Regional identity of the Russian person in modern conditions: socio-philosophical analysis]: abstract of the diss. Ivanovo, 2011: 24 (in Russ.). EDN: ZOHSUF.
5. Drobizheva L. M. Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 8: 37–50 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009460-9; EDN: IZTYSH.
6. Drobizheva L. M. The meanings of the All-Russian civic identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 4(158): 480–498 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261; EDN: HAAHUW.
7. Zavarin A. N., Flotskaya N. Y. Characteristics of the behavioral component of the civic identity of youth living in the northern region of Russia. In *Psychology and the modern world. The subject of vital activity in modern society*. Arkhangelsk, SAFU im. M. V. Lomonosova, 2024: 44–49 (in Russ.). EDN: GGUZNY.
8. Merkulov P. A., Prokazina N. V. et al. Historical memory and the image of the Motherland: the formation of the state-civil identity of Russian youth. Orel, SIU RANHiGS, 2022: 228 (in Russ.). EDN: NVHAVO.
9. Krylo M. P. Regionalnaya identichnost v Evropejskoj Rossii [Regional identity in European Russia]: Diss. Moscow, 2007: 381 (in Russ.). EDN: NOYPVR.
10. Kuzmina A. M. Digital media communications in the formation of civic identity. In *Political science in a changing world: New practices and theoretical search*. Moscow, RUDN, 2023: 307–308 (in Russ.). EDN: PUXPQK.
11. Lyovochkina N. A. Regional identity: concept and essence. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovanij*, 2016: 1-3: 446–453 (in Russ.). EDN: VMBOUV.
12. Mardakhaev L. V. The civic identity of Russian youth and its stimulation. In *State youth policy: national projects 2019-2024 in the social development of youth*. Moscow, PERSPEKTIVA, 2020: 391–397 (in Russ.). EDN: TQSSJJ.
13. Merkulov P. A., Alekseenok A. A., Leonova O. V. Patriotic education of modern student youth. In *Newsletter of the Sociological Laboratory: Scientific publication*. Orel, SIU RANHiGS, 2022: 64 (in Russ.). EDN: QVEGME.

14. Merkulov P. A., Prokazina N. V. et al. Historical memory and the image of the motherland: the formation of the state-civil identity of Russian youth. Orel, SIU RANHiGS, 2022: 228 (in Russ.). EDN: NVHAVO.
15. Nazukina M. V. Regionalnaya identichnost v kontekste processov recentralizacii [Regional identity in the context of the processes of recentralization]. *Rossiiskij politicheskij process v regionalnom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*, 2008: 1: 20–23 (in Russ.). EDN: CNRYWM.
16. Nazukina M. V. Regional identity in modern Russia: Typological analysis. Diss. Perm, 2009: 200 (in Russ.). EDN: GMCTSH.
17. Polyakova N. L. Identity in modern sociological theory. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sociologiya i Politologiya*, 2016: 22(4): 22–42 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-22-42; EDN: ZGENKV.
18. Prokazina N. V., Khatnyuk N. N. Socio-technological approach to the formation of state-civil identity of Russian youth in modern conditions. *Nauchnyj rezultat. Sociologiya i upravlenie*, 2025: 11(1): 42–57 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-3; EDN: ADWTMG.
19. Sapryka V. A., Vavilov A. N. et al. Frontier identity of the population of the border regions of the East Slavic states. *Vestnik slavyanskix kultur*, 2022: 63: 114–125 (in Russ.). DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-114-125; EDN: OXEEHT.
20. Senchenko N. A. Cognitive markers of civic identity of Crimean residents. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, 2020: 1(69): 30–35 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2020.1.3; EDN: UGKUYA.
21. Fadeev P. V. Russian state-civil identity through the prism of perception of history, culture and socio-political life. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, 2022: 10: 3(39): 78–95 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2022.10.3.9198; EDN: BXPPWR.
22. Khatnyuk N. N. Social mechanisms of constructing the image of the “Motherland” among young people. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk*, 2018: 13: 1: 59–70 (in Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-1-59-70; EDN: YWIYXI.
23. Shcheglova D. K. Intellectual analysis of citizens of the Russian Federation. *Society and Security Insights*, 2023: 6 (2): 165–181 (in Russ.). DOI: 10.14258/SSI(2023)2-11; EDN: KZSVZD.
24. Erickson E. The young man Luther. Research on psychoanalysis and history. New York, 1958: 288. DOI: 10.5117/NTT2022.1.004.ZOCK.
25. Erickson E. Identity and life cycle. New York, London, 1994: 192.

The article was submitted on: December 24, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor A. Sapryka, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social Technologies and Public

Yulia V. Dorokhova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies

Natalia N. Khatnyuk, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies

ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.6

EDN: XHNKQY.

Сопоставление методик Хофстеде и Минкова для измерения социокультурных характеристик¹

Ссылка для цитирования: Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А. Сопоставление методик Хофстеде и Минкова для измерения социокультурных характеристик // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 108–134. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.6; EDN: XHNKQY.

For citation: Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A. Comparison of Hofstede and Minkov methods for measuring socio-cultural characteristics. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 108–134. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.6; EDN: XHNKQY.

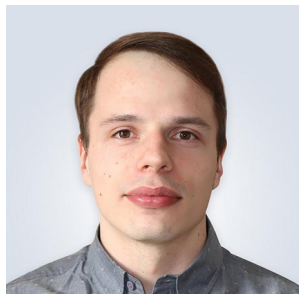

SPIN-код: 2133-8597

Волков Александр Дмитриевич¹

¹Карельский научный центр РАН,
Петрозаводск, Россия

kov8vol@gmail.com

SPIN-код: 1194-8767

Аверьянов Александр Олегович¹

¹Карельский научный центр РАН,
Петрозаводск, Россия

aver@petrsu.ru

SPIN-код: 7405-4998

Рослякова Наталья Андреевна¹

¹Карельский научный центр РАН,
Петрозаводск, Россия

na@roslyakova24.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23-78-10192 «Формирование этнометрического базиса институционального проектирования Российской Арктики: взаимовлияние культуры, экономического пространства и социального отбора в макросистемах».

Аннотация. В статье представлены результаты проверки качества и сопоставления методик и моделей Хофстеде и Минкова при измерении социокультурных характеристик на индивидуальном уровне. Эмпирическую базу статьи составляют данные опросов населения четырех регионов Европейской части Российской Арктики (общая $n = 3829$), проведенных при участии авторов в 2023–2024 гг.. Особенностью исследования является применение обоих инструментариев в рамках единого опросника и на единой выборке. На этапе анализа применялись методы многомерного шкалирования (ALSCAL), эксплораторного факторного анализа, иерархического кластерного анализа, конфирматорного факторного анализа. Обработка данных осуществлялась с использованием программного комплекса SPSS, инструментов анализа данных на языке программирования Python и R. Полученные результаты опровергают критику модели Хофстеде со стороны М. Минкова в отношении показателя «дистанция власти» и «коллективизм» на индивидуальном уровне измерений. В то время как критика, относящаяся к внутренней несогласованности показателя «маскулинность», является более обоснованной. В рамках применения модели Хофстеде и методики Ю-Хейдари определенно выделяются шесть кластеров, соответствующие шести целесообразным к выделению показателям; технически (математически) обоснованным является также выделение 4, а также 5, 7 и 8 показателей. Представленная модель и соответствующая методика Минкова также не являются в полной мере согласованными – результаты исследования говорят о большей ориентированности методики не на 2, а 3 или 6 показателей в рамках модели. Сопоставление величин факторных нагрузок, полученных в результате конфирматорного факторного анализа, свидетельствует о более сильной связи между показателями социокультурных характеристик с результирующими факторами в методике, реализующей модель Хофстеде. Обе рассмотренные методики имеют недостатки и особенности, требующие дальнейшего углубленного анализа. Общие результаты сопоставления моделей культуры Хофстеде и Минкова свидетельствуют, по мнению авторов, о несколько большем исследовательском потенциале модели Хофстеде при применении на индивидуальном уровне измерений. Авторы полагают, что в дальнейшем перспективно провести сравнительную оценку номологической валидности и объясняющей способности моделей Хофстеде и Минкова в рамках исследования характеристик и социально-экономических практик населения, а также аспектов экономического развития регионов РФ.

Ключевые слова: социология, методика Хофстеде, методика Минкова, социокультурные характеристики, проверка шкал, арктические регионы РФ

Введение

Исследование социокультурных характеристик населения как фактора, обуславливающего экономическое и социальное поведение, является актуальной и востребованной научной задачей. До настоящего времени данный аспект относительно мало использовался в сфере аналитического обоснования управленческих решений в области государственного и муниципального управления, регулирования социально-экономических процессов на территории России. Среди причин этого следует отметить относительную сложность объективного измерения социокультурных характеристик той или иной общности, малое количество исследований, позволяющих раскрыть многообразие взаимовлияний социокультурных особенностей

населения и экономических процессов. Также сохраняются и противоречия в области инструментальных методов социологического изучения данного предмета. На протяжении более чем 50 лет активных исследований в этой области наблюдаются острые дискуссии среди ученых о надежности и релевантности существующих методологических и методических основ социокультурных измерений. Однако комплексность научной проблемы заключается не только в недостаточной надежности и объясняющей способности подходов и методик, но и в их частичной противоречивости. Основополагающий и остававшийся долгие десятилетия наиболее популярным, подход Г. Хофстеде [17] в последнее время подвергается активной критике, предлагаются альтернативные методики измерения и наборы самих социокультурных характеристик. Одним из наиболее последовательных критиков Хофстеде является М. Минков – первоначально его соавтор, предложивший после смерти его альтернативный подход [25]. Этот подход во многом корректирует исходную модель Хофстеде и сформированные на ее основе методологическую и методическую надстройки. Отдельной предметной областью научных споров является измерение социокультурных характеристик на уровне индивидов: в рамках обоих подходов существуют соответствующие методики, являющиеся конкурирующими [32]. До настоящего времени нет однозначного ответа на вопрос о том, какая из указанных методик эффективнее. Основная критика подхода Хофстеде со стороны М. Минкова опирается на то, что не все показатели его модели одинаково функционально полезны и равнозначны. Ряд показателей, таких как, например, «избегание неопределенности», не обладает внутренней надежностью, а ряд других (например, «дистанция власти») являются по сути аспектом других, более фундаментальных социокультурных характеристик (для «дистанции власти» такой характеристикой выступает «индивидуализм-коллективизм»). Это в свою очередь определяет необходимость пересмотра и перегруппировки всей модели социокультурных характеристик.

В представленной работе мы ставим цель проверить и сопоставить качество методик и моделей Хофстеде и Минкова при измерении социокультурных характеристик на индивидуальном уровне на основе материалов социологического опроса населения четырех арктических регионов России: Мурманской области, Ненецкого автономного округа, арктических территорий Архангельской области и Республики Коми. Нами осуществлена последовательная оценка сходимости измерений и сопоставительная проверка релевантности социокультурных измерителей с использованием проверенных методик оценки надежности шкал и сходимости отдельных индикаторов в рамках показателей [1]. Отличительной особенностью нашей работы, позволяющей обоснованно сопоставить результаты применения методик и моделей Хофстеде и Минкова для измерения социокультурных характеристик на индивидуальном уровне, является применение обоих инструментариев в рамках единого опросника и на единой выборке.

Обзор литературы по проблеме

Концепция Г. Хофстеде: методология, методики и их применение в исследованиях. За период, прошедшее с момента выхода основополагающей работы Г. Хофстеде «Последствия культуры» [16], его концепция претерпела ряд трансформаций и достигла завершенности в расширенной и дополненной версии работы «Культуры и организации: Программное обеспечение разума» [17]. В итоговом виде модель Хофстеде включает в себя шесть показателей: «Маскулинность / феминность» («masculinity / femininity»), «Дистанция власти» («power distance»), «Коллективизм / индивидуализм» («collectivism / individualism»), «Избегание неопределенности» («uncertainty avoidance»), «Долгосрочность целеполагания» («long-term / short-term orientations»), «Допустимость удовлетворения желаний / сдержанность» («indulgence / restraint»). Эта конструкция подробно рассмотрена во многих отечественных и зарубежных работах (например, [1; 2; 31]). В классическом виде, представленном в Values survey module (VSM) 2013¹, инструментарий измерения указанных показателей предназначен для компаративных исследований двух и более сопоставимых сообществ. Изначально разработанная на основе данных корпоративных исследований IBM, модель Хофстеде и сегодня сохраняет свое значение в изучении страновых различий в корпоративной культуре [29] и их влиянии на экономические процессы [13], развития общественных институтов [6] и т. д. Примечательно, что универсальность модели Хофстеде позволяет исследователям творчески подходить к развитию инструментария [21]. Например, в работе Т. Эвана и В. Холи предпринимается попытка преодолеть присущую методологии Хофстеде гомогенность в восприятии национальных культур (или культур других сообществ) и разработать шкалу, позволяющую учесть неоднородность структуры населения в аспекте страны происхождения [12].

Особенностью инструментария VSM 2013 является то, что он не предназначен для измерений на индивидуальном уровне. Для решения данной задачи рядом исследователей были разработаны специальные шкалы, позволяющие применять модель Хофстеде на микроуровне. Среди таких шкал можно отметить шкалу Дорфмана и Хауэлла, ориентированную на исследования в рамках корпоративного сектора и охватывавшую четыре изначальных показателя модели Хофстеде – «маскулинность», «коллективизм», «дистанция власти» и «избегание неопределенности» [8]. Другой шкалой, нашедшей свое применение в рамках исследовательской практики, явилась шкала Т. Ирдэм и соавторов [10]. Ш. Триандис [30] и В. Бирден и соавторы [4] разработали шкалы, позволяющие измерять только один из показателей модели Хофстеде («индивидуализм/коллективизм» и «долгосрочность целеполагания» соответственно). Однако наибольшее распространение получила методика измерения социокультурных показателей модели Хофстеде на индивидуальном уровне, предложенная Ю Бунги и соавторами [32] и вклю-

¹ Hofstede G., Minkov M. VSM 2013. Values survey module 2013 manual // geerthofstede.com. 2013. May. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (дата обращения :17.11.24).

чающая в себя пять существовавших на тот момент показателей (за исключением шестого – «допустимости удовлетворения желаний», включенного Г. Хофстеде несколько позднее). Данная методика получила название CVSCALE. Дополнение CVSCALE инструментарием измерения показателя «допустимость удовлетворения желаний» было реализовано в работе А. Хейдари и соавторов [15]. На конец 2024 г. количество ссылок в Scopus на данную работу составило 24, что говорит о достаточно высокой востребованности ее результатов. Исследования, использующие шкалы Ю Бунги или А. Хейдари (или их совокупность) охватывают в первую очередь сферы проэкологической активности [5], аспекты реализации индивидов в профессиональной сфере [11] и соответствующих профессиональных практик [14]. Определенное распространение в последние годы получили работы по адаптации CVSCALE для страновых и региональных исследований с учетом семантики и языковых особенностей (например, [1; 7]).

В рамках решения научной задачи проверки и сопоставления качества методик и моделей Хофстеде и Минкова в области социокультурных измерений на индивидуальном уровне нами была использована шкала Ю-Хейдари [15; 32], позволяющая оценить все шесть показателей актуальной модели Г. Хофстеде.

Подход М. Минкова: методология, методика и их применение в исследованиях. Научные разработки М. Минкова внесли определенный вклад в формирование итоговой модели Хофстеде, представленной в рамках уже упоминавшейся выше работы [17]. В последующие за ее выходом годы исследователь существенно пересмотрел свое отношение к концепции Хофстеде, сосредоточившись сначала на ее проверке и критике [22], а затем на создании альтернативной методологии [19; 20] и ее апробации [18; 23]. Критически оценивая исследовательский потенциал методологии Хофстеде, М. Минков при этом подчеркивает одно из ее ключевых достоинств – способность к адаптационным изменениям и сохранению аналитического потенциала [21]. Он предложил два пересмотренных измерения национальной культуры Минкова-Хофстеде – «индивидуализм-коллективизм» (IDV-COLL) [20] и «гибкость-монументализм» (FLX-MON) [18; 19]. Первый основан на группировке скорректированного показателя «индивидуализм-коллективизм» модели и показателя «дистанция власти» модели Хофстеде, при этом показатель «избегание неопределенности» фактически отбрасывается ввиду того, что аспект принятия правил и законов общества также принимается, как присущий измерителю «индивидуализм-коллективизм». Второй из новых показателей фактически представляет собой глубоко переосмысленный и концептуализированный исходный показатель «долгосрочность целеполагания», дополненный рядом других аспектов [18]. Итоговая структура полученных показателей, апробированная М. Минковым в работах [19; 20], складывается следующим образом:

1. Для показателя «индивидуализм-коллективизм» (IDV-COLL) включены аспекты: Конформизм (Conformism) (3 вопроса), Социальное господство (Social ascendancy) (3 вопроса), Непотизм (Nepotism) (3 вопроса).

2. Для показателя «гибкость-монументализм» (FLX-MON) включены аспекты: Самооценка (Self-Esteem) (3 вопроса), Щедрость (Generosity) (3 вопроса), Самостабильность (Self-stability) (3 вопроса).

Указанная методология нашла свое применение в межкультурных исследованиях в области социального поведения (например, [33]), при изучении связи между культурой и аспектами экономической эффективности [9] и ряде других направлений.

Активно применяет разработанные показатели и сам коллектив под руководством М. Минкова. Так в исследовании [24] рассматривается связь между национальной культурой и уровнем самоубийств в 55 странах, локализованных на всех обитаемых континентах. Как показало исследование, ключевыми предпосылками высокого уровня самоубийств являются «суровая культура», уровень алкоголизма, тяжесть климатических условий и социальная неустроенность общества (короткая продолжительность жизни, высокие уровни детской и материнской смертности). «Суровую культуру» с точки зрения исследователей характеризует установка, согласно которой каждый человек должен и может позаботиться о себе самостоятельно, а ее носители часто дистанцируются от других членов общества и зачастую не готовы терпеть издержки ради помощи нуждающимся [24].

Отдельным направлением исследовательских усилий М. Минкова стала адаптация шкалы по новым показателям для осуществления измерений на индивидуальном уровне [26]. Можно говорить о том, что соответствующая шкала пока не прошла полную апробацию исследовательским сообществом. Таким образом, ее применение и тестирование является самостоятельной значимой научной задачей, которая дополняется в настоящем исследовании сопоставительным анализом с результатами проверки шкалы Ю – Хейдари для измерения социокультурных характеристик на индивидуальном уровне по модели Хофстеде.

Методологические основания и эмпирическая база исследования

В данной статье представлены итоги собой апробации на материалах оригинального социологического исследования двух инструментариев изучения социокультурных характеристик населения на индивидуальном уровне, а именно методик Хофстеде (с измерением по шкале Ю – Хейдари для микроуровня) и Минкова (с использованием оригинального инструментария на индивидуальном уровне измерения) на основе адаптированного русскоязычного инструментария¹ [1]. Алгоритм оценки используемых методик включает в себя:

1. Предварительную оценку сходимости измерений с помощью метода эксплораторного факторного анализа (РСА).

2. Углубленную оценку сходимости измерений и проверку релевантности социокультурных измерителей с помощью методов иерархического кластерного анализа, многомерного шкалирования и конфирматорного

¹ С русскоязычной версией инструментария М. Минкова можно ознакомиться здесь: URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14878479> (дата обращения: 16.02.2025).

факторного анализа (СФА). Схожий подход на основе комбинации эксплораторного и конфирматорного факторного анализа приводится М. Минковым и соавторами в работе [26], а также был реализован отечественными исследователями в рамках изучения девиантного поведения на дороге [3].

Фактологическую основу работы составляют данные анкетных опросов населения четырех арктических регионов, проведенных в период октября 2023 года – сентября 2024 г.: в Мурманской области – в октябре-декабре 2023 г., на арктических территориях Архангельской области – в марте-апреле 2024 г., в Ненецком автономном округе и на арктических территориях Республики Коми – в августе-сентябре 2024 г. Всего в рамках исследований было опрошено 3829 человек, из них в Мурманской области – 1258 чел., на арктических территориях Архангельской области – 1145 чел., на арктических территориях Республики Коми – 825 чел., в Ненецком автономном округе – 601 чел.¹ Средний возраст опрошенных составил 41,4 года, стандартное отклонение выборки по возрасту – 14,9.

Выборка – квотная по полу, возрастной группе и муниципальному образованию. Опрос проводился очно, отбор респондентов случайный, осуществлялся в рамках поквартирного обхода². Среднее отклонение структуры выборки от генеральной совокупности по половозрастным группам в целом составило в Мурманской области – 2,2%, в Архангельской области – 0,9%, в Республике Коми – 0,4%, в Ненецком АО – 0,7%; на уровне отдельных муниципалитетов, не превышая: 3,3%, 2,9%, 1,5% и 1,1%, соответственно.

Обработка данных осуществлялась с использованием программного комплекса SPSS (многомерное шкалирование – ALSCAL), а также инструментов анализа данных на языке программирования Python (факторный анализ³, иерархический кластерный анализ⁴) и R (конфирматорный факторный анализ) [27].

Проведение указанных видов анализа осуществляется в первую очередь на основе всей совокупности опрошенных в четырех регионах. Для обеспечения надежности результатов аналогичные аналитические процедуры проведены по каждому из исследованных регионов в отдельности.

¹ В разрезе муниципальных районов и городских округов, выборка распределена следующим образом: МО г. Апатиты – 144 чел., МО г. Кировск – 94 чел., МО г. Мончегорск – 91 чел., ГО Мурманск – 276 чел., МО г. Оленегорск – 66 чел., МО г. Полярные Зори – 88 чел., Кандалакшский МР – 79 чел., Ковдорский МО – 87 чел., Кольский МР – 50 чел., Ловозерский МР – 78 чел., Печенгский МО – 135 чел., Терский МР – 70 чел.; ГО г. Архангельск – 384 чел., ГО г. Новодвинск – 150 чел., ГО г. Северодвинск – 192 чел., Лешуконский МО – 77 чел., Мезенский МО – 81 чел., Онежский МР – 86 чел., Пинежский МР – 107 чел., Приморский МР – 68 чел.; ГО Воркута – 383 чел., ГО Инта – 125 чел., ГО Усинск – 213 чел., Усть-Цилемский МР – 104 чел.; ГО Нарьян-Мар – 324 чел., Заполярный МО – 277 чел.

² Проведение социологического опроса реализовывалось силами авторов, на ряде территорий Мурманской области – совместно со специалистами Института экономических проблем имени Лузина КНЦ РАН и Мурманского арктического университета, на ряде арктических территорий Архангельской области – совместно с сотрудниками Института стратегического развития Арктики САФУ, на арктических территориях Республики Коми и в Ненецком автономном округе – совместно с сотрудниками социологической службы «Общественное мнение Республики Коми».

³ URL: <https://pypi.org/project/factor-analyzer/>-(дата обращения: 25.11.2024).

⁴ URL: <https://pypi.org/project/scikit-learn/> (дата обращения: 25.11.2024).

Обзор результатов полевого исследования

На первом этапе для выявления латентной структуры данных был проведен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с использованием метода вращения «varimax». Исходные данные содержали 32 переменные для модели Хофстеде и 18 переменных для модели Минкова. Предварительная проверка исходных данных на возможность применения этого анализа для обеих методик показала их адекватность. Для методики Хофстеде значение критерия сферичности Бартлетта составило $<0,01$; мера адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) – 0,84. Для методики Минкова: критерий сферичности Бартлетта $<0,01$, мера адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) – 0,73.

Для факторных моделей, отражающих исследуемые методики, было определено оптимальное число факторов – 6 (собственные значения факторов > 1), что соответствует числу показателей социокультурных характеристик, заложенных в методике Хофстеде. Кумулятивный процент объясненной дисперсии для моделей из шести факторов по методике Хофстеде составил 58%, для методики Минкова – 56%. На рис. 1 и рис. 2 приведены факторные нагрузки результирующих моделей.

Эксплораторный факторный анализ позволил выявить структуру данных, близкую к идеальной методике в отношении модели Хофстеде. Однако необходимо отметить ряд выявленных несоответствий. При анализе собственных значений латентных переменных (факторов) было выявлено, что для модели на основе методики Хофстеде возможно наличие 7 фактора, объединяющего три показателя: LTO5 ($r=0,40$), Ind5 ($r=0,46$) и Ind6 ($r=0,62$). При этом факторные нагрузки других переменных не изменялись, а процент объясняемой дисперсии повышался на 4%¹. Содержание этих показателей позволяет предположить, что их группировка объясняется смысловой направленностью оцениваемых утверждений – все они описывают отношение к удовлетворению желаний респондента².

Если говорить о методике Минкова, то получившееся оптимальное число факторов достаточно четко согласуется со вторичными показателями (факторами) модели – их также шесть, но не с основными двумя ее показателями. Кроме того, в рамках шести сформировавшихся показателей наблюдается отклонение в части отнесения к первому фактору («Социальное господство») составляющей третьего фактора («Непотизм») – показатель N1³. Однако стоит отметить, что, согласно методике Минкова, оба фактора являются составными частями показателя «коллективизм – индивидуализм» (IDV-COLL).

¹ Доля объясненной дисперсии: 1 фактор – 10%, 2 фактор – 9%, 3 фактор – 11%, 4 фактор – 10, 5 фактор – 10%, 6 фактор – 8%, 7 фактор – 4%.

² Содержание переменных описывает отношение респондента к следующим утверждениям: LTO5 – Жертвовать сиюминутными удовольствиями ради будущего благополучия/успеха; Ind5 – Надо наслаждаться полной сексуальной свободой без ограничений; Ind6 – Чувства и желания, связанные со случайными сексуальными связями, следует удовлетворять свободно.

³ N1 – Оценка уважения к окружающим людям.

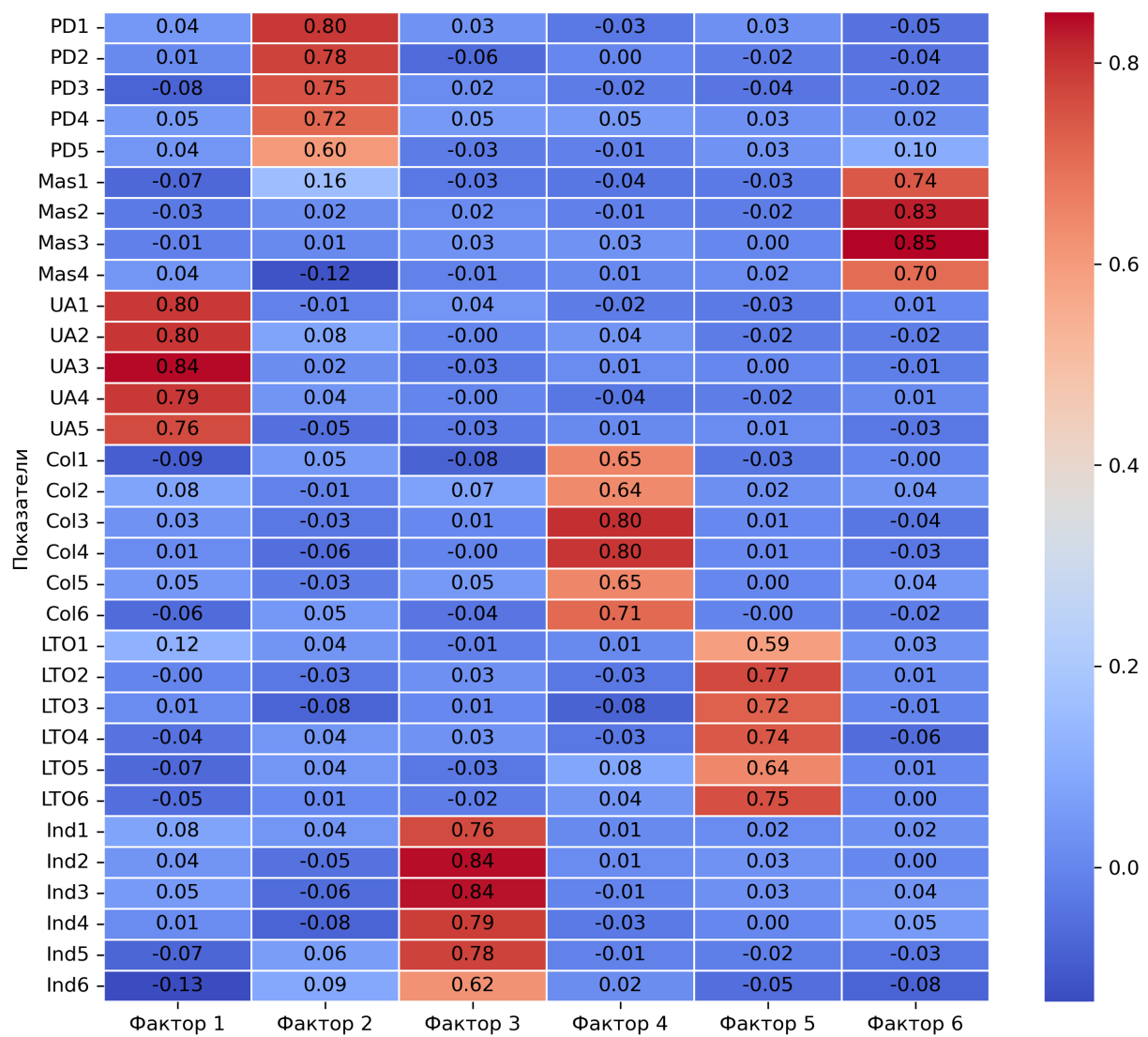

Рис. 1. Результаты эксплораторного факторного анализа (Методика Хофстеде)
Figure 1. Results of exploratory factor analysis (Hofstede's methodology)

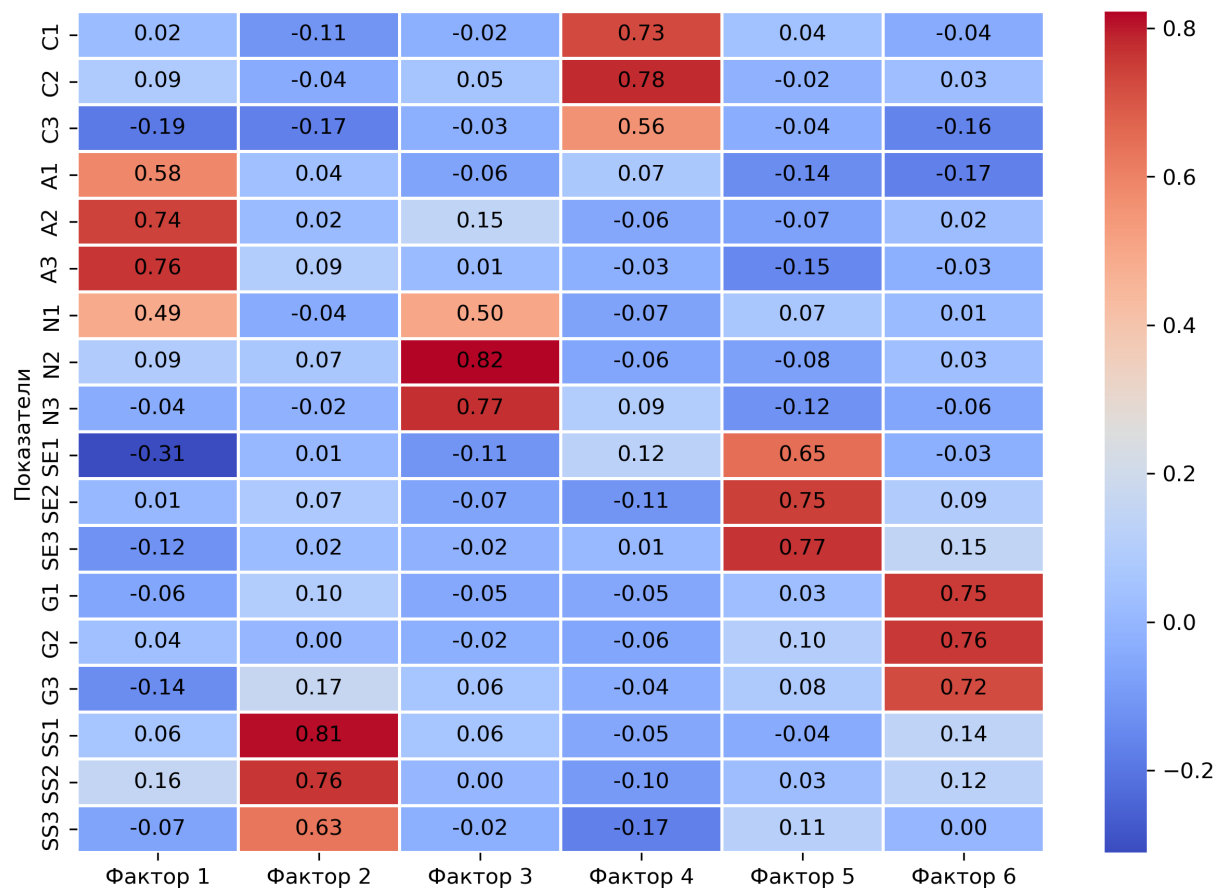

Рис. 2. Результаты эксплораторного факторного анализа (Методика Минкова)
Figure 2. Results of Exploratory Factor Analysis (Minkov Methodology)

Аналогичный алгоритм расчетов был применен для каждого из четырех исследованных регионов в отдельности. Значения критерия сферичности Бартлетта для всех регионов составил $<0,01$, мера адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина для Мурманской области – $0,73/0,71$ (здесь и далее: методика Хофстеде/методика Минкова), Архангельской области – $0,84/0,71$, Республики Коми – $0,81/69$, Ненецкого АО – $0,81/0,74$. Кумулятивный процент объясненной дисперсии шестифакторных моделей для регионов составил $56/57$, $60/57$, $54/56$ и $57/62$, соответственно. Оптимальное число факторов для всех моделей не отличалось от ранее выявленного. В совокупности результаты эксплораторного факторного анализа позволяют говорить о том, что латентная структура данных соответствует структуре используемых методик, как на уровне всех регионов, так и в каждом из них, а также предположить в рамках рабочей гипотезы, что все компоненты структуры каждой из методик коррелируют с теми социокультурными характеристиками, которые они измеряют.

В качестве дополнительного метода выявления латентной структуры данных была проведена процедура многомерного шкалирования (ALSCAL). Результаты применения метода позволяют оценить, занимают ли те или иные показатели социокультурных характеристик отдельные области в двумерном пространстве или смешиваются с показателями других характеристик [28]. В идеальной модели показатели, которые относятся к одной социокультурной характеристике, должны образовывать отдель-

ную группу. Для оценки расстояния между наблюдениями была использована мера «Евклидово расстояние» и порядковая шкала измерения. На рис. 3 и рис. 4 приведена визуализация геометрической конфигурации наблюдаемых объектов в координатном пространстве латентных признаков по методике Хофстеде ($\text{Stress} = 0,079$, $\text{RSQ} = 0,975$) и методике Минкова ($\text{Stress} = 0,108$, $\text{RSQ} = 0,935$).

На рис. 3 и 4 видно, что на первый взгляд для обеих методик характерно дифференцированное распределение показателей по осям. Более детальная оценка позволяет выделить на рис. 3 две области, в которой сгруппированы показатели социокультурных характеристик «Дистанция власти» (PD) и «Допустимость удовлетворения желаний» (Ind). Показатели, составляющие социокультурные характеристики «Маскулинность» (Mas) и «Коллективизм» (Col), визуально отделились от своих групп и приблизились к соседним. Социокультурные характеристики «Долгосрочность целеполагания» (LTO) и «Избегание неопределенности» (UA) визуально образуют одну мега-группу, однако часть их показателей также можно выделить в отдельные подгруппы.

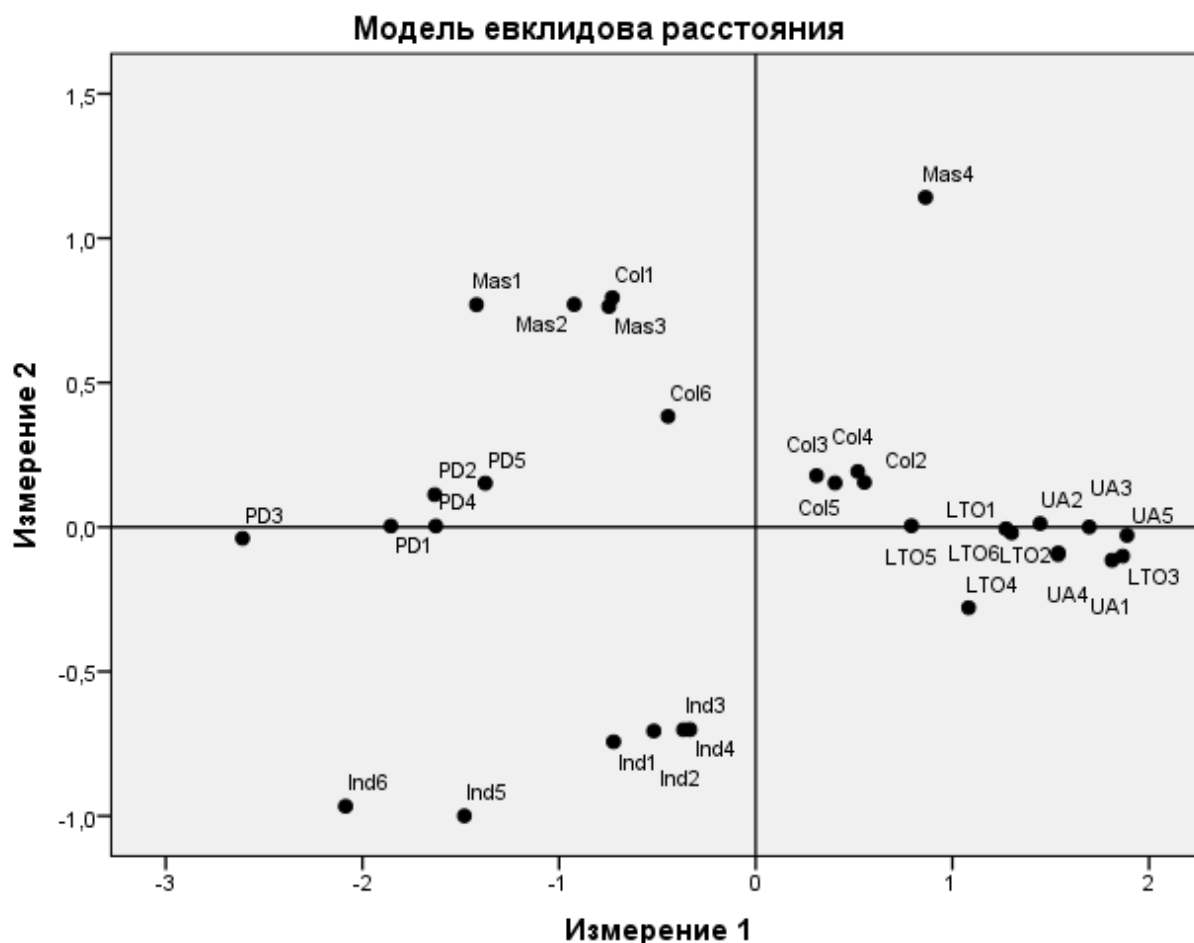

Рис. 3. График многомерного шкалирования показателей социокультурных характеристик модели Хофстеде
Figure 3. Graph of multidimensional scaling of indicators of sociocultural characteristics of Hofstede's model

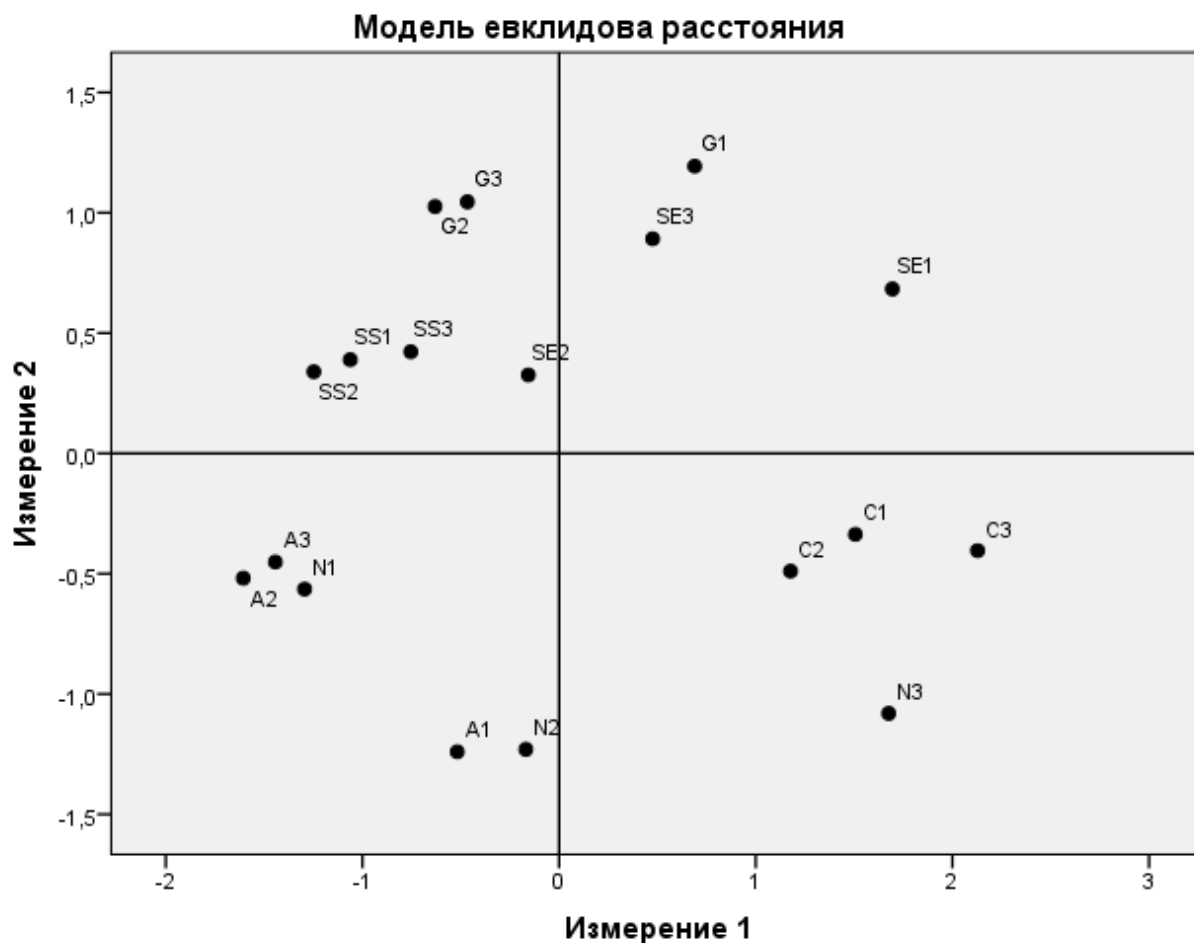

Рис. 4. График многомерного шкалирования показателей социокультурных характеристик модели Минкова

Figure 4. Graph of multidimensional scaling of indicators of sociocultural characteristics of Minkov's model

В модели Минкова можно отметить хорошую сходимость показателей второго порядка, отражающих «Конформизм» (C) (относится к основному показателю «коллективизм-индивидуализм» IDV-COLL) и «Самостабильность» (SS) (относится к основному показателю «гибкость-монументализм» FLX-MON). Остальные показатели не образуют устойчивые «тройки». Однако можно отметить, что, разделяя график по оси абсцисс, переменные группируются в соответствии со шкалами показателей IDV-COLL и FLX-MON модели Минкова (выделенные в Таблице 3). Подобный разброс значений противоречит результатам эксплораторного факторного анализа, однако его возможно объяснить особенностями постановки рабочих вопросов. Так, например, две составляющих показателя второго порядка «Щедрость» (G), семантическое содержание которых схоже, находятся близко друг к другу, а третий значительно от них удален. Показатели G2 (готовность обмениваться подарками) и G3 (дружелюбие) воспринимаются респондентами как близкие, связанные с искомой социокультурной характеристикой, а показатель G1 (желание принимать гостей у себя дома) воспринимается иной категорией, связанной помимо личных отношений с более широким контекстом семейного быта.

Аналогично ситуация с социокультурной характеристикой «Социальное господство» (А) – показатели А2 и А3 измеряют отношение к богатству и славе, а показатель А1 к желанию соревноваться с другими людьми.

Дополнительно для определения расстояния между переменными и уточнения релевантности измерителей был проведен иерархический кластерный анализ. Суть данного метода применительно к объекту исследования сводится к выявлению близости между переменными и возможностью их объединения в одну социокультурную характеристику. Для расчета матрицы расстояний также использовалась мера «квадрат Евклидова расстояния» (Метод Варда). На рис. 5 и 6 визуализированы дендрограммы для каждой из методик.

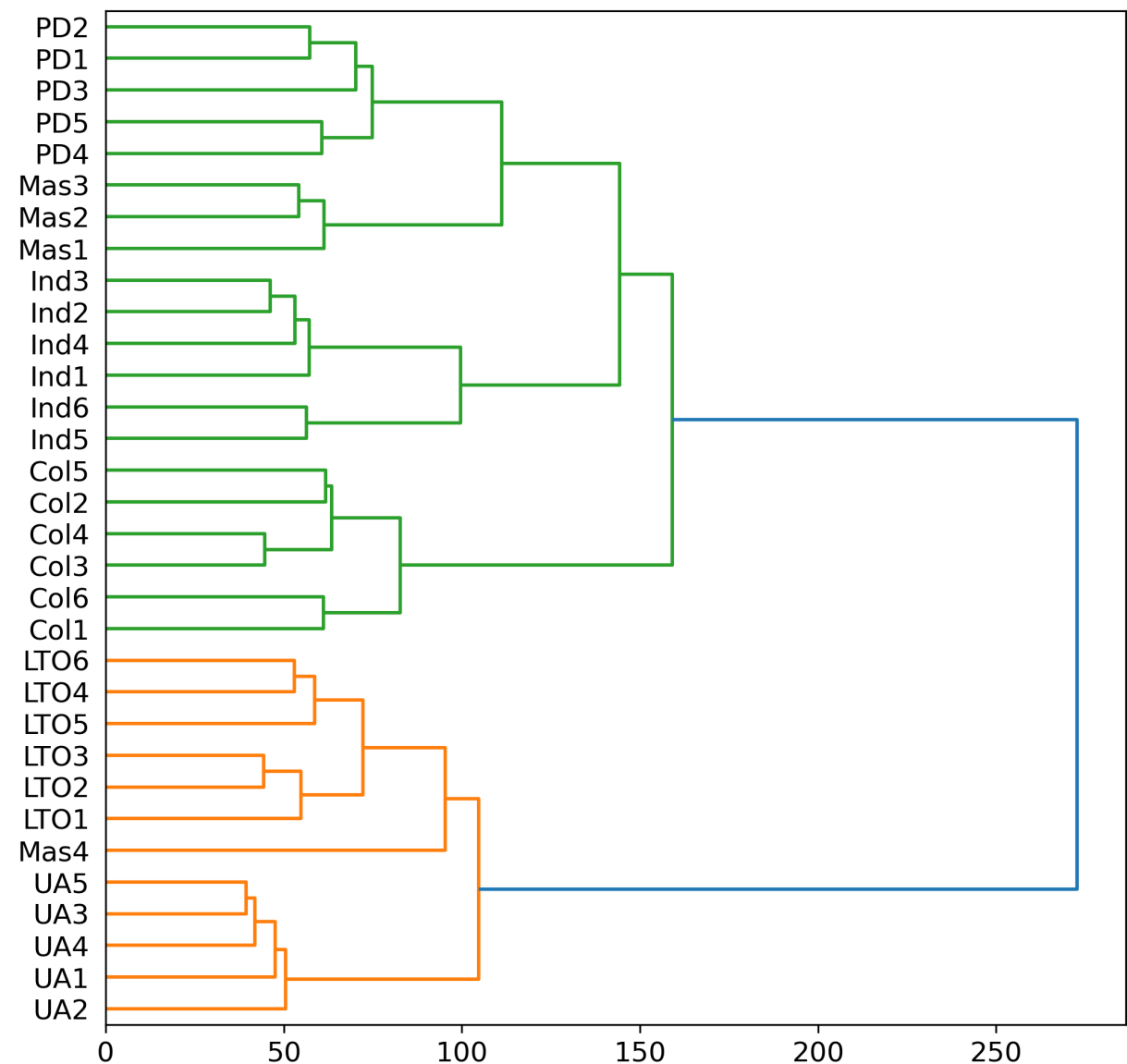

Рис. 5. Результаты иерархической кластеризации показателей социокультурных характеристик в методике Хофстеде

Figure 5. Results of hierarchical clustering of indicators of sociocultural characteristics in Hofstede’s method

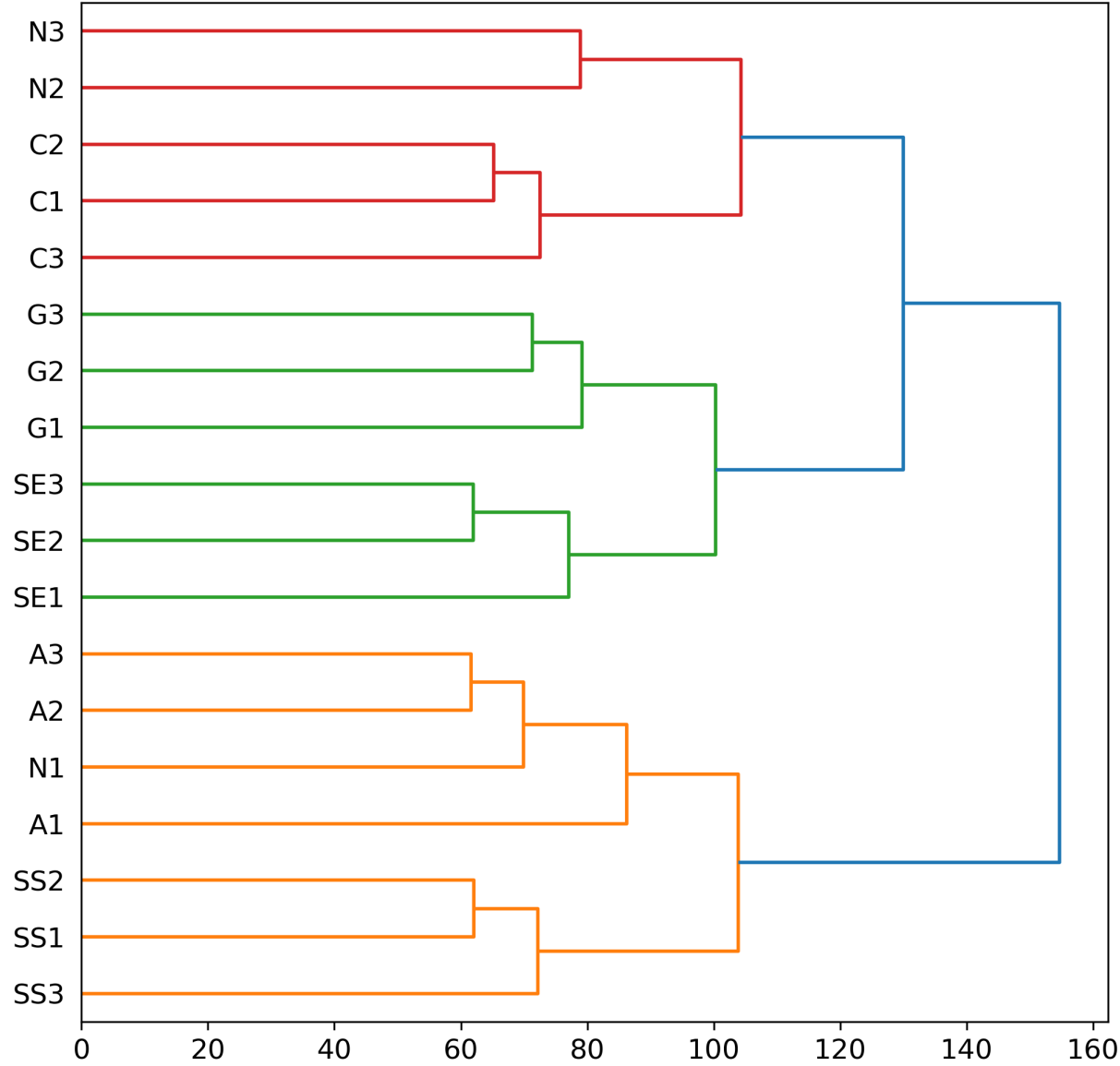

Рис. 6. Результаты иерархической кластеризации показателей социокультурных характеристик в методике Минкова
Figure 6. Results of hierarchical clustering of indicators of sociocultural characteristics in Minkov's methodology

В целом приведенные данные соответствуют ранее полученным выводам. Показатели методики Хофстеде образуют четкую структуру, соответствующую используемому инструментарию. Явно выделяются шесть основных кластеров, соответствующих шести социокультурным характеристикам. Единственным исключением является показатель Mas4¹, который ближе к социокультурной характеристике «Долгосрочность ориентаций» (LTO). Данное отклонение можно объяснить спецификой ответов в отдельном регионе – арктических территориях Республики Коми, поскольку при анализе других регионов таких отклонений выявлено не было. В целом данные образуют два мега-кластера: Первый – «Дистанция власти» (PD),

¹ Оценка высказывания «Есть работы, в которых мужчина всегда будет лучше, чем женщина».

«Допустимость удовлетворения желаний» (Ind), «Коллективизм» (Col) и «Маскулинность» (Mas). Второй – «Долгосрочность целеполагания» (LTO) и «Избегание неопределенности» (UA).

Результаты иерархической кластеризации показателей социокультурных характеристик по модели Минкова, напротив, не позволяют подтвердить ранее отмеченную сходимость шкал «IDV-COLL» и «FLX-MON». В то же время, более явно сгруппировались показатели второго порядка отражающие следующие аспекты: «Самостабильность» (SS), «Щедрость» (G), «Конформизм» (C) и «Самооценка» (SE). Видны признаки выделения не двух значимых кластеров, а трех. Это обусловлено распределением ответов на вопрос, соответствующий показателю «Mas4». Это распределение ближе к распределению ответов на вопросы, отражающие показатели социокультурной характеристики «Долгосрочность ориентации». В то же время, рассматривая график многомерного шкалирования показателей социокультурных характеристик по Хофстеде, можно прийти к выводу, что показатель «Mas4» равноудален от других групп показателей. Это позволяет говорить о его выделении среди них (см. рис. 3 и 4). На наш взгляд, это может быть связано с тем, что в вопросе заложено категоричное высказывание в отношении мужчин и женщин – «Есть работы, в которых мужчина всегда будет лучше, чем женщина». Подобное нарастание категоричности и противопоставления позиций в целом характерно для данного инструментария. К примеру, в вопросе «Мужчины, как правило, решают задачи с помощью логики, а женщины – с помощью интуиции» (Mas2) используется более нейтральная формулировка.

Таким образом, отнесение показателя «Mas4» к группе LTO имеет математическое основание, обусловленное распределением данных и восприятием вопроса респондентами.

На заключительном этапе для проверки гипотезы, полученной по результатам эксплораторного анализа, был проведен конфирматорный факторный анализ. В качестве рабочей гипотезы выдвигалось предположение, что все компоненты структуры каждой из методик коррелируют с теми социокультурными характеристиками, которые они измеряют. В рамках конфирматорного факторного анализа были сформированы две модели с простой структурой (с предположением о том, что перекрестная нагрузка между какими-либо компонентами и нецелевыми социокультурными характеристиками отсутствует). В таблицах 1 и 2 представлены стандартизированные нагрузки компонент социокультурных характеристик на их целевые факторы, полученные на основе авторских данных.

В модели Хофстеде 32 компонента образуют шесть социокультурных характеристик, в модели Минкова также формируются шесть факторов, но уже из 18 компонентов. Все факторы в обеих моделях значимы на уровне $p < 0,001$. Применительно к методике Хофстеде результаты конфирматорного факторного анализа позволяют констатировать апостериорную модель, состоящую из шести факторов, основные характеристики согласия модели свидетельствуют о ее статистической валидности (SRMR – 0,044; CFI – 0,902; TLI – 0,891; RMSEA – 0,051)¹.

¹ SRMR – стандартизированный среднеквадратичный остаток, TLI – индекс Такер-Льюиса, CFI – индекс подтверждения соответствия, RMSEA – среднеквадратичная ошибка аппроксимации.

Таблица 1 (Table 1)

Конфирматорный факторный анализ 32 компонент социокультурных характеристик методики Г. Хофстеде: стандартизированные факторные нагрузки

Confirmatory factor analysis of 32 components of sociocultural characteristics in Hofstede's methodology: standardised factor loadings

Социокультурные характеристики	Компоненты	Факторные нагрузки
Дистанция власти (power distance)	PD1	0,726
	PD2	0,680
	PD3	0,539
	PD4	0,631
	PD5	0,542
Маскулинность / феминность (masculinity / femininity)	Mas1	0,771
	Mas2	0,834
	Mas3	0,901
	Mas4	0,596
Избегание неопределенности (uncertainty avoidance)	UA1	0,564
	UA2	0,626
	UA3	0,577
	UA4	0,542
	UA5	0,496
Коллективизм / индивидуализм (collectivism / individualism)	Col1	0,530
	Col2	0,554
	Col3	0,734
	Col4	0,731
	Col5	0,516
	Col6	0,553
Долгосрочность целеполагания (long-term orientations)	LTO1	0,457
	LTO2	0,542
	LTO3	0,450
	LTO4	0,535
	LTO5	0,492
	LTO6	0,548
Допустимость удовлетворения желаний (indulgence)	Ind1	0,751
	Ind2	0,800
	Ind3	0,799
	Ind4	0,702
	Ind5	0,739
	Ind6	0,527

Таблица 2 (Table 2)

Конфирматорный факторный анализ 18 показателей социокультурных характеристик методики Минкова: стандартизированные факторные нагрузки
Confirmatory factor analysis of 18 indicators of sociocultural characteristics of Minkov methodology: standardised factor loadings

Социокультурные характеристики		Компоненты	Факторные нагрузки
«Коллективизм – индивидуализм» (IDV-COLL)	Конформизм (Conformism)	C1	0,419
		C2	0,362
		C3	0,308
	Социальное господство (Social ascendancy)	A1	0,363
		A2	0,465
		A3	0,484
	Непотизм (Nepotism)	N1	0,324
		N2	0,656
		N3	0,391
«Гибкость – монументализм» (FLX-MON)	Самооценка (Self-Esteem)	SE1	0,462
		SE2	0,334
		SE3	0,508
	Щедрость (Generosity)	G1	0,514
		G2	0,469
		G3	0,522
	Самостабильность (Self-stability)	SS1	0,587
		SS2	0,511
		SS3	0,302

Основные характеристики качества модели (SRMR – 0,046; CFI – 0,892; TLI – 0,863; RMSEA – 0,048) позволяют судить о приемлемости модели Минкова при реализации заданной методики, однако, только с некоторыми допущениями. Индекс соответствия (CFI) и индекс Такера-Льюиса (TLI) чуть ниже общепринятого порогового значения (составляющего 0,90), однако среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA) и стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR) находятся в границах нормы (общепринятыми границами считаются 0,05 и 0,08 соответственно). Подробно подобные критерии оценки моделей конфирматорного факторного анализа приведены в ранее отмеченной работе М. Минкова с соавторами [26].

Данный тип анализа был проведен как для всей совокупности, так и для каждого из регионов в отдельности. Приведем основные характеристики качества шестифакторных моделей, рассчитанные на основе авторских данных (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Статистические характеристики пригодности использования шестифакторной модели
Statistical characteristics of the goodness of fit of the six-factor model

Регион	Методика Хофстеде				Методика Минкова			
	SRMR	CFI	TLI	RMSEA	SRMR	CFI	TLI	RMSEA
Все регионы	0,044	0,902	0,891	0,051	0,046	0,892	0,863	0,048
Мурманская область	0,047	0,893	0,882	0,052	0,051	0,870	0,834	0,051
Архангельская область	0,047	0,905	0,895	0,053	0,054	0,845	0,802	0,058
Республика Коми	0,051	0,874	0,861	0,053	0,044	0,910	0,885	0,042
Ненецкий АО	0,072	0,820	0,801	0,071	0,058	0,895	0,867	0,058
Пороговые значения	≤0,08	≥0,9	≥0,9	≤0,05	≤0,08	≥0,9	≥0,9	≤0,05

Приведенные в табл. 3 данные показывают, что не все метрики находятся на пороговом уровне, однако в целом разброс характеристик в зависимости от уровня исследования незначителен. Что позволяет говорить о приемлемости используемых шестикомпонентных методик на уровне регионов.

Выводы

Проведенный нами на эмпирическом материале сравнительный анализ методик Хофстеде и Минкова позволяет говорить о применимости обоих инструментариев. Однако результаты применения ряда тестов выявил ряд как сильных, так и слабых сторон для каждого из них.

Для методики Хофстеде результаты многомерного шкалирования (ALSCAL) позволяют говорить о достаточно близком расположении наблюдений: на рис. 3 и 4 мы видим сформированные в двухмерном пространстве группы, соответствующие отдельным показателям. Однако имеет место и некоторое смешение наблюдений (например, LTO3 попало в группу UA). Уже отмеченная выше общая близость наблюдений в рамках двухмерного пространства нивелирует это и позволяет выделять шесть показателей. Единственным далеко отстоящим наблюдением на рис. 3 является наблюдение Mas4, которое вследствие этого попадает в другой кластер при построении дендрограмм (рис. 5). Указанное выше близкое расположение наблюдений затрудняет выделение групп с использованием метода многомерного шкалирования ALSCAL. В целом выделяются четыре группы:

1. Группа UA, группа LTO и, на несколько большем расстоянии – Mas 4;
2. Группа Col.
3. Группа Ind.
4. Группа PD и наблюдения Mas 1-3.

При этом, при построении дендрограмм (рис. 5) четко выделяется уже 6 кластеров:

1. Группа PD 1-4.
2. Группа Mas 1-3.
3. Группа Ind 1-6.
4. Группа Col 1-6.
5. Группа LTO 1-6.
6. Группа UA 1-5.

При этом Mas4, также как и при многомерном шкалировании ALSCAL, отделяется от кластера Mas и тяготеет к кластерам LTO и UA. В своих итоговых выводах мы опираемся на метод иерархической кластеризации, как более точный. В целом, необходимо отметить, что результаты оценки качества и измерительной способности русскоязычной адаптации методики Хофстеде на индивидуальном уровне, проведенные на более обширной выборке подтвердили результаты, ранее полученные в другой работе авторов статьи [1].

Полученные нами результаты отчасти опровергают критику модели Хофстеде со стороны М. Минкова, согласно которой «“дистанция власти” кажется логической составляющей показателя “коллективизм”, а не независимым показателем» [20, р. 386]. Напротив, мы видим, что коллективизм является цельным и согласованным показателем, а дистанция власти тяготеет к маскулинности и, в случае уменьшения количества показателей, эти наблюдения PD и Mas1-3 могли бы быть объединены. В то время как критика, относящаяся к внутренней несогласованности показателя «маскулинность», кажется более обоснованной.

Для методики Минкова эксплораторный факторный анализ показал, что оптимальным числом показателей является шесть, а не два, что позволяет предполагать «размывание» модели. Результаты многомерного шкалирования позволяют констатировать, что четко выделяются показатели второго порядка SS и C. При этом те показатели второго порядка, которые «не попадают» в группы, располагаются достаточно удаленно, что в ряде случаев фактически приводит к формированию смешанных групп (например, попадание N1 в одну группу с A2 и A3) (рис. 4). Таким образом, мы получаем ситуацию обратную той, что справедлива для модели Хофстеде: выделение только двух параметров является чрезмерным упрощением и в этом отношении выделение показателей второго порядка в модели Минкова оправдано, но в несколько видоизмененном составе. Мы видим, что группы показателей второго порядка отстоят друг от друга достаточно сильно (рис. 4), что, в свою очередь, обуславливает то, что на дендрограмме (рис. 6) можно было бы выделить шесть кластеров:

1. Наблюдения N 2-3.
2. Группа C.
3. Группа G.

4. Группа SE.
5. Группа A и наблюдение N 1.
6. Группа SS.

Можно уверенно говорить о двух группах, соответствующих принятым показателям и разделенных между собой осью абсцисс. Однако есть предпосылки для расширения и сепарации показателей.

Вышеизложенное позволяет говорить об определенном потенциале перегруппировки показателей. В методике Минкова хорошо прослеживается деление на 3 или 6 показателей; в методике Хофстеде четко прослеживается деление на 6 показателей, при относительной обоснованности технического выделения 4, а также 5, 7 и 8 показателей. При этом, очевидно, техническая возможность перегруппировки вступает в противоречие с логикой существующих моделей.

Сопоставление величин факторных нагрузок, полученных в результате конфирматорного факторного анализа, свидетельствует о более сильной связи между показателями социокультурных характеристик с результирующими факторами в методике, реализующей модель Хофстеде. Общие результаты сопоставления моделей культуры Хофстеде и Минкова говорят, на наш взгляд, о несколько большем исследовательском потенциале модели Хофстеде, однако у обеих методик есть недостатки и особенности, требующие дальнейшего углубленного анализа. Критика М. Минкова в отношении модели Хофстеде кажется не совсем оправданной, по крайней мере, при проверке на индивидуальном уровне измерений. В то время как представленная модель и соответствующая методика Минкова также не являются в полной мере согласованными – результаты исследования свидетельствуют о большей ориентированности методики не на два, а три или шесть показателей в рамках модели.

По результатам проведенного анализа нами составлена сводная таблица с количественной оценкой и сопоставлением аспектов качества рассматриваемых методик. Сопоставление проходило на основе сравнения результатов применения инструментов для оценки сходимости моделей (табл. 4). На первом этапе результат по каждому инструменту¹ оценивался от 0 до 6 баллов по количеству показателей в модели. Учитывается количество социокультурных характеристик, которые сошлись на основе близости показателей, которые их составляют. На втором этапе оценивалась сходимость двухфакторной модели Минкова (1 измерение = 3 балла) и шестифакторной модели Хофстеде (оценка аналогична первому этапу). Отметим, что в данном случае результаты эксплораторного факторного анализа не учитывались, поскольку специфика этого инструмента не предполагала тестирование двухфакторной модели.

¹ EFA – эксплораторный (исследовательский) факторный анализ; ALSCAL – многомерное шкалирование; HCA – иерархический кластерный анализ; CFA – конфирматорный факторный анализ.

Таблица 4 (Table 4)

Сравнение результатов сходимости методик Хофстеде и Минкова
Comparison of convergence results of Hofstede and Minkov methods

Модель и методика	EFA	ALSCAL	HCA	CFA	Итого
Оценка сходимости шестифакторной модели					
Хофстеде	6	4	4	6	20
Минков	5	2	4	5	16
Оценка сходимости двухфакторной модели					
Хофстеде	-	4	4	6	14
Минков	-	6	3	0	9

Данное сопоставление подтверждает сделанный нами ранее вывод об определенном преимуществе модели и методики Г. Хофстеде. При этом оно является авторской оценкой совокупности сильных и слабых сторон. Мы не утверждаем о применимости или неприменимости одной из рассмотренных методик. Каждая модель и соответствующая ей методика имеют свои плюсы и минусы – сильные и слабые стороны, проявляющиеся в сходимости показателей социокультурных характеристик в соответствии с методиками. В контексте представленных результатов исследования каждый читатель может составить свое мнение, отличное от авторского.

Перспективой дальнейших исследований является сравнительная оценка номологической валидности и объясняющей способности моделей Хофстеде и Минкова в рамках исследования характеристик и социально-экономических практик населения, а также аспектов экономического развития регионов России.

Библиографический список

1. Волков А. Д., Аверьянов А. О. и др. Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 1. С. 43–69. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI.

2. Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. № 4(19). С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.

3. Максименко А. А., Сафронова Е. А. и др. Проявления отклоняющегося поведения за рулем у россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 356–377. DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2300; EDN: LWSKVE.

4. Bearden W. O., Money R. B., Nevins J. L. Multidimensional versus unidimensional measures in assessing national culture values: The Hofstede VSM 94 example // Journal of Business Research. 2006. Vol. 59. № 2. P. 195–203. DOI: 10.1016/j.jbusres. 2005.04.008.

5. Davari D., Nosrat S., Kim S. Do cultural and individual values influence sustainable tourism and pro-environmental behavior? Focusing on Chinese millennials // *Journal of Travel & Tourism Marketing*. 2024. Vol. 41(4). P. 559–577. DOI: 10.1080/10548408.2024.2309180.
6. DeBode J. D., Haggard D. L., Haggard K. S. Economic freedom and Hofstede's cultural dimensions // *International Journal of Organization Theory & Behaviour*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 65–84. DOI: 10.1108/IJOTB-11-2018-0124.
7. Dhingra D., Srivastava S., Srivastava N. Psychometric Validation of the Scale of Individual Cultural Values (CVSCALE) in Indian Context (Private and Public Leaders in Indian Organizations) // *Journal of Ecohumanism*. 2024. Vol. 3(4). P. 2238–2251. DOI: 10.62754/joe.v3i4.3749.
8. Dorfman P. W., Howell J. P. Dimensions of national culture and effective leadership patterns: Hofstede revisited // *Advances in international comparative management*. 1988. Vol. 3. P. 127–150.
9. Engelke D., Pearse N. et al. The Relationship between Culture, Sustainable Use of Resources, and Financial Performance: An Institutional and Natural-Resource-Based Perspective // *Economic and Business Review*. 2024. Vol. 26(2). P. 61–80. DOI: 10.15458/2335-4216.1335.
10. Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as signals: a cross-country validation study // *Journal of Marketing*. 2006. Vol. 70. No. 1. P. 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38.
11. Erdoğan O., Sezgin F et al. How national and school cultural factors influence the link between distributed leadership and collective teacher innovativeness: Testing a multilevel moderated mediation model // *European Journal of Education*. 2024. P. 12718. DOI: 10.1111/ejed.12718.
12. Evan T., Holy V. Cultural diversity and its impact on governance // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2023. Vol. 89. P. 101681. DOI: 10.1016/j.seps.2023.101681.
13. Ghafoori A., Gupta M. et al. Toward the role of organizational culture in data-driven digital transformation // *International Journal of Production Economics*. 2024. Vol. 271. P. 109205. DOI: 10.1016/j.ijpe.2024.109205.
14. Gustiawan D., Noermijati et al. Workplace incivility to predict employee silence: Mediating and moderating roles of job embeddedness and power distance // *Cogent Business & Management*. 2023. Vol. 10(1). P. 1–15. DOI: 10.1080/23311975.2023.2188982.
15. Heydari A., Laroche M. et al. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 62. P. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640.
16. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1980. 328 p.
17. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*. Revised and expanded. N. Y.: McGraw-Hill, 2010. 561 p.

18. Minkov M. A revision of Hofstede's model of national culture: old evidence and new data from 56 countries // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2018. Vol. 25. No. 2. P. 231–256. DOI: 10.1108/CCSM-03-2017-0033.
19. Minkov M., Bond M. H. et al. A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries // *Cross-Cultural Research*. 2018. Vol. 52. P. 309–333. DOI: 10.1177/1069397117727488.
20. Minkov M., Dutt P. et al. A revision of Hofstede's individualism-collectivism dimension: A new national index from a 56-country study // *Cross Cultural & Strategic Management*. 2017. Vol. 24. No. 3. P. 386–404. DOI: 10.1108/CCSM-11-2016-0197.
21. Minkov M., Hofstede G. The evolution of Hofstede's doctrine // *Cross Cultural Management: An International Journal*. 2011. Vol. 18. No. 1. P. 10–20. DOI: 10.1108/13527601111104269.
22. Minkov M., Hofstede G. A replication of Hofstede's uncertainty avoidance dimension across nationally representative samples from Europe // *International Journal of Cross Cultural Management*. 2014. Vol. 14. P. 161–171. DOI: 10.1177/1470595814521600.
23. Minkov M., Kaasa A. A Test of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture across Nations and the 50 US States // *Cross-Cultural Research*. 2021. Vol. 55. No. 2-3. P. 230–281. DOI: 10.1177/106939712111014468.
24. Minkov M., Kaasa A. et al. A “Harsh” Culture, Alcoholism, Climate, and Social Hardship Explain National Differences in Suicide Rates // *Comparative Sociology*. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 43–63. DOI: 10.1163/15691330-bja10049.
25. Minkov M., Kaasa A. Do dimensions of culture exist objectively? A validation of the revised Minkov-Hofstede model of culture with World Values Survey items and scores for 102 countries // *Journal of International Management*. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 100971. DOI: 10.1016/j.intman.2022.100971.
26. Minkov M. A., Sokolov B. O. et al. A Transposition of the Minkov-Hofstede Model of Culture to the Individual Level of Analysis: Evidence from Mongolia // *Cross-Cultural Research*. 2023. Vol. 57. No. 2-3. P. 264–293. DOI: 10.1177/10693971231153461.
27. Rosseel Y. Lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // *Journal of Statistical Software*. 2012. Vol. 48. No. 2. P. 1–36. DOI: 10.18637/jss.v048.i02.
28. Schwartz S. H. Studying values: Personal adventure, future directions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42(2). P. 307–319. DOI: 10.1177/0022022110396925.
29. Schreier C., Udomkit N. et al. Entrepreneurial approaches: A comparative study of Thai and Swiss business founders // *Asia Pacific Management Review*. 2024. Vol. 29. No. 2. P. 226–240. DOI: 10.1016/j.apmr.2024.05.001.

30. Triandis H. C. Individualism and Collectivism. N. Y.: Routledge, 1995. 259 p. DOI: 10.4324/9780429499845.

31. Taras V., Steel P., Stackhouse M. A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede's model of culture // Journal of World Business. 2023. Vol. 58. No. 1. P. 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386.

32. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE // Journal of International Consumer Marketing. 2011. Vol. 23(3-4). P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059.

33. Zhou X., English A. S. et. al. COVID-19 cases correlate with greater acceptance coping in flexible cultures: A cross-cultural study in 26 countries // Social and Personality Psychology Compass. 2024. P. e12919. DOI: 10.1111/spc3.12919.

Получено редакцией: 29.11.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Александр Дмитриевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела комплексных научных исследований

Аверьянов Александр Олегович, младший научный сотрудник Отдела комплексных научных исследований

Рослякова Наталья Андреевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела комплексных научных исследований

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.6

Comparison of Hofstede and Minkov Methods for Measuring Socio-Cultural Characteristics ¹

Alexander D. Volkov

KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia

kov8vol@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0451-8483

Alexander O. Averyanov

KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia

aver@petsu.ru

ORCID: 0000-0003-2884-8110

Natalia A. Roslyakova

KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia

na@roslyakova24.ru

ORCID: 0000-0002-7511-2141

For citation: Volkov A. D., Averyanov A. O., Roslyakova N. A. Comparison of Hofstede and Minkov methods for measuring socio-cultural characteristics. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 108–134. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.6; EDN: XHNKQY.

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the RSF project № 23-78-10192 'Formation of ethnometric basis of institutional design of the Russian Arctic: mutual influence of culture, economic space and social selection in macrosystems'.

Abstract. The article presents the results of quality testing and comparison of Hofstede's and Minkov's methods and models for measuring sociocultural characteristics at the individual level. The empirical base of the article is the data of population surveys of four regions of the European part of the Russian Arctic (total $n = 3829$), conducted with the participation of the authors in 2023-2024. A specific feature of the study is the use of both tools within a single questionnaire and on a single sample. At the analysis stage, the methods of multidimensional scaling (ALSCAL), exploratory factor analysis, hierarchical cluster analysis, and confirmatory factor analysis were used. Data processing was carried out using the SPSS software package, data analysis tools in the Python and R programming languages. The results obtained refute the criticism of the Hofstede model by M. Minkov regarding the "power distance" and "collectivism" indicators at the individual measurement level. While criticism related to the internal inconsistency of the masculinity indicator is more justified. Within the framework of the application of the Hofstede model and the Heydari methodology, six clusters are definitely distinguished, corresponding to six indicators that are appropriate to be distinguished; technically (mathematically) justified is also the distinguishing of 4, as well as 5, 7 and 8 indicators. The presented model and the corresponding Minkov methodology are also not fully consistent – the results of the study indicate a greater focus of the methodology not on 2, but 3 or 6 indicators within the model. Comparison of the values of factor loadings obtained as a result of confirmatory factor analysis indicates a stronger connection between the indicators of socio-cultural characteristics with the resulting factors in the methodology that implements the Hofstede model. Both of the considered methods have shortcomings and features that require further in-depth analysis. The general results of the comparison of the Hofstede and Minkov models of culture indicate, in the opinion of the authors, a somewhat greater research potential of the Hofstede model when applied at the individual level of measurements. The authors believe that in the future it is advisable to conduct a comparative assessment of the nomological validity and explanatory power of the Hofstede and Minkov models in the context of a study of the characteristics and socio-economic practices of the population, as well as aspects of the economic development of the regions of the Russian Federation.

Keywords: sociology, Hofstede's methodology, Minkov's methodology, socio-cultural characteristics, scale validation, Arctic regions of the Russian Federation

References

1. Volkov A. D., Averyanov A. O. et al.. Measuring sociocultural characteristics according to the six indicators of the Hofstede model: testing the toolkit for calculating values at the individual level. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024: 1: 43–69 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI.
2. Latova N. V. Cultural specificity of Russians (Ethnometric Analysis Based on the Concept of G. Hofstede). *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2016: 19: 155–179 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.
3. Maksimenko A. A., Safronova E. A. et al. Manifestations of Deviant Driving Behavior Among the Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2022: 6: 356–377 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2300; EDN: LWSKVE.
4. Bearden W. O., Money R. B., Nevins J. L. Multidimensional versus unidimensional measures in assessing national culture values: The Hofstede VSM 94 example. *Journal of Business Research*, 2006: 59: 2: 195–203. DOI: 10.1016/j.jbusres.2005.04.008.
5. Davari D., Nosrati S., Kim S. S. Do cultural and individual values influence sustainable tourism and pro-environmental behavior? Focusing on Chinese millennials. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 2024: 41(4): 559–577. DOI: 10.1080/10548408.2024.2309180.
6. DeBode J. D., Haggard D. L., Haggard K. S., Economic freedom and Hofstede's cultural dimensions. *International Journal of Organization Theory & Behaviour*, 2020: 23: 65–84. DOI: 10.1108/IJOTB-11-2018-0124.
7. Dhirga D., Srivastava S., Srivastava N. Psychometric Validation of the Scale of Individual Cultural Values (CVSCALE) in Indian Context (Private and Public Leaders in Indian Organizations). *Journal of Ecohumanism*, 2024: 3(4): 2238–2251. DOI: 10.62754/joe.v3i4.3749.
8. Dorfman P. W., Howell J. P. Dimensions of national culture and effective leadership patterns: Hofstede revisited. *Advances in international comparative management*, 1998: 3: 127–150.
9. Engelke D., Pearse N. et al. The Relationship between Culture, Sustainable Use of Resources, and Financial Performance: An Institutional and Natural-Resource-Based Perspective. *Economic and Business Review*, 2024: 26(2): 61–80. DOI: 10.15458/2335-4216.1335.
10. Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as signals: a cross-country validation study. *Journal of Marketing*, 2006: 70: 1: 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38.

11. Erdoğan O., Sezgin F. et al. How national and school cultural factors influence the link between distributed leadership and collective teacher innovativeness: Testing a multilevel moderated mediation model. *European Journal of Education*, 2024: e12718. DOI: 10.1111/ejed.12718.
12. Evan T., Holy V., Cultural diversity and its impact on governance. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2023: 89: 101681. DOI: 10.1016/j.seps.2023.101681.
13. Ghafoori A., Gupta M. et al. Toward the role of organizational culture in data-driven digital transformation, *International Journal of Production Economics*, 2024: 271: 109205. DOI: 10.1016/j.ijpe.2024.109205.
14. Gustiawan D., Noermijati et al. Workplace incivility to predict employee silence: Mediating and moderating roles of job embeddedness and power distance. *Cogent Business & Management*. 2023: 10(1): 1–15. DOI: 10.1080/23311975.2023.2188982.
15. Heydari A., Laroche M. et al. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2021: 62: 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640.
16. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA, Sage Publications, 1980: 328.
17. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Revised and expanded. New York, McGraw Hill, 2010: 561.
18. Minkov M. A revision of Hofstede's model of national culture: old evidence and new data from 56 countries. *Cross Cultural & Strategic Management*, 2018: 25: 2: 231–256. DOI: 10.1108/CCSM-03-2017-0033.
19. Minkov M., Bond M. H. et al. A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries. *Cross-Cultural Research*, 2018: 52: 309–333. DOI: 10.1177/1069397117727488.
20. Minkov M., Dutt P. et al. A revision of Hofstede's individualism-collectivism dimension: A new national index from a 56-country study, *Cross Cultural & Strategic Management*, 2017: 24: 3: 386–404. DOI: 10.1108/CCSM-11-2016-0197.
21. Minkov M., Hofstede G. The evolution of Hofstede's doctrine. *Cross Cultural Management: An International Journal*, 2011: 18: 1: 10–20. DOI: 10.1108/13527601111104269.
22. Minkov M., Hofstede G. A replication of Hofstede's uncertainty avoidance dimension across nationally representative samples from Europe. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2014: 14: 161–171. DOI: 10.1177/1470595814521600.
23. Minkov M., Kaasa A. A Test of the Revised Minkov-Hofstede Model of Culture: Mirror Images of Subjective and Objective Culture across Nations and the 50 US States. *Cross-Cultural Research*, 2021: 55: 2-3: 230–281. DOI: 10.1177/10693971211014468.
24. Minkov M., Kaasa A. et al. A "Harsh" Culture, Alcoholism, Climate, and Social Hardship Explain National Differences in Suicide Rates. *Comparative Sociology*, 2022: 21: 1: 43–63. DOI: 10.1163/15691330-bja10049.
25. Minkov M., Kaasa A. Do dimensions of culture exist objectively? A validation of the revised Minkov-Hofstede model of culture with World Values Survey items and scores for 102 countries. *Journal of International Management*, 2022: 28: 4: 100971. DOI: 10.1016/j.intman.2022.100971.
26. Minkov M., Sokolov B. et al. A Transposition of the Minkov-Hofstede Model of Culture to the Individual Level of Analysis: Evidence from Mongolia. *Cross-Cultural Research*, 2023: 57: 264–293. DOI: 10.1177/10693971231153461.
27. Rosseel Y. Lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*, 2012: 48: 2: 1–36. DOI: 10.18637/jss.v048.i02.
28. Schwartz S. H. Studying values: Personal adventure, future directions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011: 42(2): 307–319. DOI: 10.1177/0022022110396925.
29. Schreier C., Udomkit N. et al. Entrepreneurial approaches: A comparative study of Thai and swiss business founders. *Asia Pacific Management Review*, 2024: 29: 2: 226–240. DOI: 10.1016/j.apmr.2024.05.001.
30. Triandis H. C. Individualism and Collectivism. New York, Routledge, 1995: 259. DOI: 10.4324/9780429499845.

31. Taras V., Steel P., Stackhouse M. A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede's model of culture. *Journal of World Business*, 2023: 58(1): 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386.
32. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE. *Journal of International Consumer Marketing*, 2011: 23(3-4): 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059.
33. Zhou X., English A. S. et al. COVID-19 cases correlate with greater acceptance coping in flexible cultures: A cross-cultural study in 26 countries. *Social and Personality Psychology Compass*, 2024: e12919. DOI: 10.1111/spc3.12919.

The article was submitted on: November 29, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander D. Volkov, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Department of Integrated Scientific Research

Alexander O. Averyanov, Junior Researcher, Department of Integrated Scientific Research

Natalia A. Roslyakova, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Department of Integrated Scientific Research

ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7

EDN: UPWPMR

Социологические методы исследования молчания

Ссылка для цитирования: Спиркина А. К. Социологические методы исследования молчания // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 135–150. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7; EDN: UPWPMR.

For citation: Spirkina A. K. Sociological Methods of Studying Silence. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 135–150. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7; EDN: UPWPMR.

SPIN-код: 9208-8977

Спиркина Анастасия Константиновна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

spirkina.ak@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена методам изучения молчания как социального феномена. Как исследовательский объект оно характеризуется высокой мерой неопределенности, множественностью интерпретаций и даже мистификациями. Следовательно, чтобы перевести вопрос о молчании из абстрактных дискуссий в научное эмпирическое изучение необходимо определить релевантные методы его исследования. Это, в свою очередь, является принципиальным для преодоления той «неясности», которую накладывает на практики молчания культура. Одним из способов такого преодоления выступает микроструктурный социологический подход к пониманию молчания как элемента ситуации, который развивается в настоящей статье. В работе обосновывается релевантность качественной стратегии исследования молчания, анализируется познавательный потенциал включенного и невключенного наблюдения, интервью, анализа документов и конверсационного анализа в исследовании молчания. Молчание понимается автором как принципиально слышимый и наблюдаемый феномен. Таким образом, методологический анализ, проведенный в работе, в широком смысле, относится не только к молчанию, но и ко всем культурным феноменам, которые можно «перевести» на язык пространственно-временной определенности и исследовать в этом качестве.

Из такого понимания исследовательского объекта конструируется и набор основных методов исследования молчания как микроструктурного феномена. Наблюдение, основанное на понимании смысла, является ключевым исследовательским методом. Оно работает со структурой ситуации непосредственно, не влияя на нее. Методы интервью и анализа документов являются дополнительными, но зачастую необходимыми, в связи с недостаточным доступом к непосредственному наблюдению у исследователя, а также для ограничения исследовательского субъективизма и дополнения информации, получаемой только через личное участие. Методы конверсационного анализа и этнометодо-

логического эксперимента также оказываются весьма ценными при решении указанных исследовательских задач, однако, имеют более специфичные функции. Конверсационный анализ ориентирован на работу со слышимым и наблюдаемым молчанием, создание аудио- (видео-)записи и транскрипта, показывающего структурное расположение молчания и пауз. Удобство использования данного метода ограничивается анализом относительно непродолжительного взаимодействия, например, повседневного разговора. Эксперимент же воздействует на ситуацию, преобразует ее, зато позволяет таким образом найти объективные и субъективные зоны ситуации, где молчание или его отсутствие являются значимыми элементами ситуации.

Ключевые слова: социология, молчание, структура ситуации взаимодействия, качественная стратегия, социология повседневности, наблюдение, конверсационный анализ

Введение

Молчание представляет собой весьма неопределенный, эмпирически вариативный, подверженный не только множественным интерпретациям, но и мистификациям объект изучения. Как же в таком случае возможно его эмпирическое исследование? В публикационном или «закулисном» научном пространстве российской и зарубежной социологии нетрудно встретить «ученые» разговоры о молчании, о его смыслах и характеристиках, о влиянии на социальную жизнь, об эффектах, которые оно производит. Но возможно ли молчание «уловить», эмпирически зафиксировать и подвергнуть тем самым научному изучению?

Ряд социальных исследователей занимается проблематикой молчания как проблемой «невысказанного» [см. напр.: 7; 15; 21; 22; 25; 27]. Анализ невысказанного, скрытого, тайного, лежащего в основе, но не замечаемого и т. д., хотя вызывавший интерес еще у классиков социологии, представляется актуальным направлением исследований, особенно в современном обществе, где люди перенасыщены разнообразной информацией, приглушающей отсутствие в речевом потоке того важного, что (случайно или нарочно) сказано не было. Анализ дискурсивных практик связан с исследованием того, что сказано, и того, что должно / могло было быть сказано – то есть, в сущности, не с молчанием как таковым, а с различными «вариантами» речи.

С другой стороны, исследуется и «конструктивное» молчание, обладающее собственным значением, некоторой ролью во взаимодействии, нацеленное не на дезинтеграцию, а на коммуникацию (вследствие чего происходит перенос фокуса внимания на микроуровень социальной жизни) [см. напр.: 1; 17; 20; 24; 26]. Чаще всего последнее понимание молчания предполагает работу с его реальными воплощениями, т. е. молчанием, понятным «буквально» [8]. Молчание здесь предстает не во всей бесконечной совокупности своих значений, в которых оно используется людьми в языке, но как то, что видно и слышно здесь и сейчас. Поиски такого молчания связаны не с тонким улавливанием следов тех институтов и процессов, о которых можно

только абдуктивно догадаться, а с непосредственным чувственным восприятием ситуации, в которой присутствует молчание. Только если изучается молчание, которое исследователь не может воспринимать самостоятельно и/или непосредственно, нам приходится ограничиться описаниями, полученными от других «очевидцев» (в виде различных текстовых данных)¹.

Мы используем понимание молчания в буквальном смысле, как наблюдаемое «неговoreние» человека или людей. Но, кроме того, интересующим нас в настоящей работе объектом исследования является молчание как отсутствие воспроизводимой человеком звучащей речи и (одновременно) определенной участниками ситуации, где оно имеет место, как «молчание» (отсутствие речи, иногда – речевая пауза). То есть, для нас представляет интерес не просто то молчание, которое выглядит как отсутствие речи, но именно то из этой совокупности, которое обычно называется людьми молчанием. Так, определение нами молчания включает как объективный, так и интерсубъективный элементы.

Наше понимание молчания ограничено феноменами микроуровня социальной жизни, на котором непосредственно проявляются формы социально-упорядоченного человеческого поведения. Кроме того, бытование молчания как элемента бесконечного потока повседневной жизни в высокой мере определяется той (чаще всего типичной) ситуацией (фреймированным отрезком реальности), в которую оно включается.

Таким образом, в силу специфики исследуемого объекта эмпирическое исследование молчания могло бы сочетать в себе несколько методов, принятых и развитых в традиции качественной методологии. Оно предполагает изучение конкретных форм молчания внутри конкретной ситуации социального взаимодействия. Подобное исследование, таким образом, предполагало бы описание структур ситуаций взаимодействия и роли молчания в них и было основано на методах:

1. Включенного и невключенного наблюдения молчания в контексте взаимодействия.
2. Полуформализованного интервью, предоставляющего данные о роли и смысле молчания в различных ситуациях.
3. Анализа документов, фиксирующего молчание (недоступное непосредственно) в различных ситуациях, а также анализа устных и письменных контекстов употребления слова «молчание».
4. Детального анализа «речи-во-взаимодействии», или конверсационного анализа, предназначенного для реконструирования локального социального порядка в практике разговора, изучения молчания в структуре повседневного естественного диалога и анализа невербальных компонентов коммуникации.

¹ «Опосредованные» методы исследования молчания в рамках данной работы (различные виды интервью, анализ документов и т. д., которые в том числе рассматривались в настоящей статье), разумеется, не работают со «здесь-и-сейчас» наблюдаемым молчанием, однако, подразумевают именно его в качестве исследовательского объекта, то есть, пытаются по следам и «признакам» получить социологически значимую информацию о молчании, которое *можно было бы слышать* и наблюдать («буквальное молчание»), но по некоторым причинам недоступного исследователю.

Результаты исследования таким образом понятого молчания, с использованием выше указанных методов, позволили бы сделать выводы о роли молчания в социальном взаимодействии, его месте в структуре конкретных типов социальных ситуаций, и тем самым получить ясное, эмпирически верифицируемое знание о феномене молчания, характеризующимся столь высокой мерой неопределенности.

Основной задачей подобного исследования является наблюдение ситуации с позиции участника или стороннего наблюдателя и выявление ее (ситуации) логической структуры, в сущности, «лежащей на поверхности» и существующей для самих акторов способом ориентации во взаимодействии. Однако, простого наблюдения или даже опыта участия почти никогда не бывает достаточно, так как надежное знание о микросоциальных структурах сами участники социальной жизни получают через многократный опыт и некоторые фоновые знания (проговариваемые или нет), обычно тратя на это гораздо больше времени, чем есть у любого современного исследователя. Таким образом, целью данной статьи является прояснение исследовательских возможностей социологических методов, которые могут быть использованы для изучения феномена молчания в его буквальном значении, как наблюдаемого феномена.

Наблюдение

Методическим ядром исследования наблюдаемого молчания, как ясно из его названия, является непосредственное наблюдение. Причина этого также кроется и в общем теоретико-методологическом подходе. Например, для этнометодологии, чью оптику мы в том числе заимствуем для исследования молчания, мир состоит не из видимого и скрытого, кажущегося-поверхностного и истинно-глубинного, а из потока практик, находящихся «на поверхности», принципиально открытых взору. Разумеется, чтобы реально исследовать такое эксплицитное знание, нужно не «просто посмотреть». Необходима особая техника отстранения, описания и интерпретации этих практик [2].

Хотя наблюдение – общенаучный метод, его применение в социально-гуманитарных дисциплинах имеет свою специфику. Дело в том, что наблюдение человека за другими людьми предполагает прохождение через процесс понимания – о том, что действия и слова наблюдаемых могли бы означать, какой в них заложен смысл (в том числе, смысл микроструктурный). Понять молчание сложно, так как оно «ничего не говорит», но участвуя в социальных взаимодействиях и наблюдая за ними, люди активно используют молчание и более или менее успешно интерпретируют молчание партнеров по взаимодействию. Поэтому во многом именно в силу обладания социальными компетенциями социолог может реконструировать смысловую структуру актуального взаимодействия и значение молчания, которое в нем содержится.

Преимущество наблюдения заключается в том, что данный метод почти никак не воздействует на естественное протекание социальной жизни. Качественный подход предполагает неструктурированное наблюдение, ограниченное только определенным фокусом внимания. Тем не менее, принцип методологической строгости требует от наблюдения систематичности и упорядоченности, поэтому целенаправленное социологическое наблюдение ситуации часто сопровождается написанием дневника наблюдения. Однако, там, где социологически значимое наблюдение произошло случайно или очень давно (например, знание о том, как протекает детская игра «молчанка»), или там, где дневник вести невозможно (к примеру, как на 10-дневном курсе випассаны¹, который запрещает ведение любых записей), за описанием социальных ситуаций остается обращаться только к памяти самого исследователя или участника конкретного взаимодействия.

Еще больше естественность ситуации оберегает включенное наблюдение. Последнее позволяет лучше наблюдать не только социальную структуру ситуации, но и уровень индивидуальной вовлеченности, которую производит определенная роль во взаимодействии и ее эмоциональное восприятие. Включенное наблюдение предполагается и тогда, когда изучаемое сообщество достаточно закрыто и структурировано, чтобы создать внутри себя еще одну «ролевую вакансию» в качестве наблюдающего социолога. Например, в исследовании практики 10-дневного медитативного молчания – випассаны – израильская исследовательница М. Пагис обсуждала с организаторами медитативных курсов свои профессиональные цели посещения ретритов, но в итоге принимала в них участие в качестве «студента» или «служащего» (две основные роли на курсе випассаны) [см.: 19; 20]. Отчасти она поступала именно так, потому что принятие определенной роли в изучаемой группе приводит к тому, что исследование начинает носить более «погруженный» характер. В любом случае, структура випассаны, выстроенная с особой заботой о том, чтобы студент не ощущал присутствие людей в его повседневной жизни на курсе, не предполагает наличие социолога-наблюдателя².

Собственно, и социальная организация христианской монастырской жизни, основанная на тишине (что особенно значимо для такого направления православной мысли и практики, как исихазм), также исследуется методом включенного наблюдения [см. напр.: 6]. Особенно важным здесь оказывается сам опыт исследователя, который, попадая в молчаливую монастырскую среду, наблюдает процесс адаптации собственного тела к соблюдению особых норм тишины, принятых в монашеском сообществе.

¹ Здесь имеются в виду групповые 10-дневные медитативные ретриты по С. Н. Гоенке, которые проводятся регулярно в специальных закрытых медитативных центрах по всему миру, в том числе, в России. Одной из характерных особенностей коллективной медитации в данной традиции является молчание «на всех уровнях», поэтому правилами курса регламентируется, помимо прочего, и отказ от ведения записей.

² Наш собственный опыт микросоциологического исследования «молчаливых» пространств медитационного центра (в том числе и в особенности, методом включенного наблюдения), включая как коллективную медитацию в общем зале, так и молчаливую организацию совместного быта в других пространствах центра, описан в [11].

Интервью

Интервью можно использовать как для получения субъективных данных (о личных воспоминаниях, чувствах, ощущениях и эмоциях), так и для получения объективных данных о социальном порядке ситуации. И та и другая цель для проведения интервью служит в исследовании молчания дополнением к наблюдению или необходима тогда, когда непосредственное наблюдение невозможно. Полуструктурированное интервью подходит для этих целей лучше всего, так как представляет собой свободный, но сфокусированный на теме и интересующих социолога аспектах, диалог.

Так как структуры ситуации – это всегда структуры индивидуального сознания, интервью с участниками ситуации о том, как они ее воспринимают, могут быть полезны с точки зрения смягчения исследовательского субъективизма. Если за предпосылку исследования ситуаций брать тезис о том, что ситуативные структуры в более или менее обобщенном, общезначимом виде существуют (следствием чего является социальный порядок или хотя бы определенная упорядоченность повседневной жизни), то, тем не менее, нельзя предполагать, будто исследователь схватил ту самую структуру, как ее понимают все остальные. Хотя структура ситуации хорошо отражается и в самих действиях, и даже в движениях человеческих тел и обстановке вокруг, объяснения и собственные описания событий, в которых люди участвуют, могут помочь уточнить данные, полученные в непосредственном наблюдении. При этом в принятой нами методологии данные интервью становятся «вторым слоем» социальной жизни, который исследователь, применяя все свое мастерство, «накладывает» на непосредственную реальность и проводит их тонкое сопоставление.

Например, в одном из исследований автора, посвященного изучению внутренней социальной организации ситуации гражданской панихиды (значимым элементом которой является т. н. «минута молчания»), использовались, помимо прочего, материалы нескольких собранных нами полуструктурированных интервью с представителями похоронных агентств [12], которые в отличие от рядовых участников гражданской панихиды, во-первых, достаточно отстранены от «драматичности» всего действия, во-вторых, имеют опыт такого эмоционально-нейтрального участия в значительно большем объеме, чем обычный человек и, в третьих, сфокусированы (в силу профессиональной деятельности) как раз на организации, то есть, на внутренней структуре взаимодействия, и потому, больше других похожи в своем естественном взгляде на данную практику с тем взглядом, который пытается уточнить социолог. Метод интервью (применительно к медитаторам – участникам курса випассаны) был также крайне полезен в исследованиях уже упомянутых нами медитативных пространств – после окончания курса и снятия запрета на речь [11; 18–20; 23].

В исследовательской практике само интервью нередко становится предметом рефлексии относительно возникающего в нем молчания. Молчание в ситуации интервью может предоставлять данные не только

о микросоциальной структуре самого события (интервью), но и отражать некоторые значимые особенности той исследовательской ситуации, в которой социолог пытается разобраться при помощи данного метода [4; 9].

Например, в ходе интервью, посвященного травматичным или психологически некомфортным, сенситивным темам (нарративное, глубинное, биографическое интервью), молчание и паузы могут возникать именно вследствие такой специфической тематизации и даже полноценно включаться в структуру интервью как коммуникативно значимый элемент. Таким образом, интервью как метод сбора социологической информации само может становиться объектом рассмотрения в качестве особой ситуации на микроуровне, в которой присутствует молчание. Следовательно, вопросы о роли, длительности, уровне напряженности, эмоциональном фоне и т.п. молчания могут быть рассмотрены, с одной стороны, как отражение особенностей бытования поднимаемых тем в культуре, с другой стороны, – как контекстное, ситуативно обусловленное и ситуативно уместное действие (или с обеих сторон сразу). Определение соотношения «культурного» и «микроструктурного» (также и психологического, социально-психологического и других) вкладов в характеристику молчания конкретного типа, разумеется, требует отдельного обстоятельного исследования.

Кроме того, метод интервью может оказаться весьма ценным и применяться в комплексном исследовании феномена молчания – не только на микроуровне, как элемента конкретных ситуациях социального взаимодействия, но и на уровне более высоких обобщений о социальных представлениях людей о молчании.

Анализ документов

Уловить молчание само по себе трудно. Нужно по крайней мере знать, где искать. Обыденный язык, с первого взгляда, только мешает этой задаче, потому что внутри него «молчанием» могут называться самые разные феномены. Однако, типичные контексты употребления этого слова и значения, которые имплицитно ему приписываются, могут помочь в определении места молчания в культуре. Для этих целей будет релевантен метод качественного контент-анализа. Анализ контекстов употребления слова «молчание» – это скорее задача предварительного исследования, связанная с приобретением общего представления об исследовательском объекте и его месте в языке и, возможно, повседневности. Разумеется, разговоры о молчании и само молчание – разные, чуть ли ни диаметрально противоположные, вещи. Но разговоры определенным образом осмысляют феномен молчания в обществе естественными путями, еще до целенаправленного социологического изучения, то есть представляют собой попытку «справиться» с молчанием, найти ему применение, понять его и научиться играть с молчанием в языковые игры. Неконструктивно игнорировать этот ценный исследовательский материал.

Хотя анализ документов нельзя назвать методом, с помощью которого молчание предстает перед социологом непосредственно, он может быть полезно в случаях, когда «послушать» молчание в определенных ситуациях оказывается невозможно, то есть, когда доступ к «полю» затруднен. Степень «закрытости» поля при этом может быть разная, как, к примеру, у практик обета молчания в закрытых монашеских общинах или минуты молчания на обычной гражданской панихиде. Реконструкция структуры и смыслов повседневной ситуации, в которой существует молчание, возможна при анализе источников, описывающих как именно реализуется определенная практика, какие в ней действуют формальные (анализ кодексов, уставов, сводов правил) и неформальные (анализ личных документов) правила. «Документ» (обычно текст), подлежащий анализу, может быть собран как самим социологом специально для его исследования (через интервью, дневники наблюдения), так и представлять собой артефакты самой социальной жизни. Разумеется, невозможно достоверно описать повседневность принявших обет молчания монахов, основываясь только на монастырском уставе. Однако, из него можно получить представление о том, как по мнению участников должен был бы выглядеть данный набор взаимодействий.

При анализе документов необходимо внимательно относиться к поиску релевантных источников, особенно в случае с изучением молчания. Мы указывали об этой проблеме выше: молчание часто используется в текстах в метафорическом, а не прямом смысле. Поэтому поиск документов, в которых молчание зафиксировано в буквальном смысле, будет связан с отбраковыванием множества нерелевантных значений слова «молчание» и вообще основываться на уже заранее известных исследователю ситуациях, где молчание имеет устойчивое и упорядоченное социальное существование.

Таким образом, анализ документов, так же как и метод интервью, может использоваться в исследовании молчания (в отличие от других упоминаемых нами методов) двумя разными способами. Во-первых, – как анализ некоторой эмпирически реальной, письменно зафиксированной в документе, ситуации, в которую включено молчание. Во-вторых, анализ документов может отмечать контексты употребления слова «молчания», тем самым представляя более широкий контекст его бытования в культуре.

Конверсационный анализ

Молчание, в сущности, – это не текст. С другой стороны, текст окружает молчание (или наоборот – молчание окружает текст), и от того, каким именно будет это молчание, зависит восприятие речи. Например, в молчанке, где ключевым элементом взаимодействия является именно молчание само по себе, текст, который произносится перед молчанием, имеет принципиально важное значение. Он «запускает» определенный тип взаимодействия и придает молчанию смысл игровой задачи, в отношении которого надо постараться «сбить оппонента с ног» – заставить рассмеяться или

заговорить [10; 13]. В рамках конверсационного анализа «нужно отображать слышимые участниками детали разговоров, составляющие естественную структуру взаимодействия. Это не детали речи, это детали действий, предпринимаемых собеседниками, т. е. практики разговора» [5, с. 126]. Одним из преимуществ данного метода является его направленность на наблюдение, запись и анализ того, что действительно имело место (было сделано и сказано) в конкретном взаимодействии, то есть, в этом смысле, на объективные («интерсубъективные») феномены, а не на субъективные представления участников разговора, притом озвученные уже после того, как взаимодействие состоялось. Молчание и речь, воспринимаемые как действия, из философско-поэтического противопоставления становятся в конверсационном анализе однопорядковыми эмпирическими феноменами, посылающими индексные сообщения партнеру по коммуникации. Любая речь (вместе с ее паузами) происходит во взаимодействии при определенных обстоятельствах.

Конверсационный анализ – своего рода продолжение этнометодологии Г. Гарфинкеля, только формализованное и сфокусированное на речевых актах. У этнометодологии конверсационный анализ заимствует важную идею: исследователь описывает социальные ситуации и обыденные действия не в терминах социологии, «с высоты» своей учености, но пытается понять, как их анализируют сами участники коммуникации. Социальные акторы с удивительной точностью способны придавать значения паузам разной длительности в разных социальных контекстах. Конверсационный анализ представляет собой социологическую попытку схватить логику этого особого социального «чутья».

Инструментом и материалом для конверсационного анализа является аудио- или видеозапись разговора, которая преобразуется в детальный транскрипт, включающий все особенности речи. Интонации, паузы (в том числе, их количество, местоположение в структуре диалога, длительность и т. д.), вздохи, выражения лица, жесты и даже значимые действия во время реплики учитываются и имеют свое условное обозначение, а затем переносятся на бумагу для детального анализа.

Запись имеет принципиальное значение для накопления знаний о молчании в разных типах взаимодействий и формировании о них каких-либо значимых обобщений. Хотя этнометодологи часто указывают на неполноценность транскрипта перед видеозаписью, его использование имеет важную техническую функцию: запись разговора (и его пауз), характеризующаяся точностью и стабильностью, становится общедоступной, так как именно транскрипт включают в научную статью.

Большую роль в развитии такого типа анализа сыграло появление диктофонов и видеокамер, а после – и смартфонов, сделавших запись еще более удобной. В конверсационном анализе используются и аудио- и видеозаписи, однако и то и другое, если для исследования важно сохранить протекающее взаимодействие в его естественном виде, должно проводиться более или менее незаметно.

Разумеется, при формализации и квантификации пауз утрачивается что-то от их специфики. Цифры в скобках, которыми обычно обозначаются все паузы в транскрипте, иногда могут навеять уныние от того, что ничего, кроме наличия самой паузы они не значат. Однако, знание о наличии паузы определенной длительности в конкретном месте разговора говорит не так уж мало. Соотнося паузы со структурой всего взаимодействия, мы видим, что они возникают в типичных местах разговора и имеют определенную (в некотором «нормальном» для данного места диалога диапазоне) длительность. Так или иначе, в какой-то мере проблема такой «пустоты» пауз может быть решена одновременным анализом и транскрипта, и видео- (или аудио-) записи.

Конверсационный анализ и этнометодология дают понять, к примеру, что увеличение длительности паузы в разговоре на пару секунд может поменять не просто настроение и мысли его участников, но и саму тему разговора, и заставить партнера по коммуникации обсуждать, что значила эта пауза, по какой причине собеседник молчал дольше обычного и т. п. В логике конверсационного анализа причиной того, что высказывание есть именно такое, какое есть, кроется во всех предыдущих высказываниях или действиях. Поэтому в известном смысле молчание в разговоре обуславливается речью и вытекает из нее, а речь обуславливается молчанием. От одного взаимодействия к другому (имеющих разные структуры и рамки) будет меняться и положение паузы, и возможность использовать паузы для решения внутри взаимодействия своих собственных (участника) задач¹.

Конверсационный анализ полезен в исследовании молчания, так как с равным вниманием относится как к вербальным, так и к невербальным компонентам разговора. Не только молчание, но и другие отдельные невербальные проявления речи исследуются с помощью конверсационного анализа, например, смех [14, с. 178].

Разумеется, у конверсационного анализа есть и ограничения, особенно в поле невербалики. Во-первых, простое указание на наличие или отсутствие определенного невербального проявления или же величины паузы не отражает в полной мере специфику и характер данного эпизода взаимодействия; вопрос, как именно мы молчим, находит при помощи конверсационного анализа свой ответ, однако, последний иногда оказывается недостаточно развернутым. Во-вторых, молчание (и другие невербальные проявления), как неоднократно уже подчеркивалось, и само по себе трудно для интерпретации, однако, в случае конверсационного анализа исследователю приходится работать не просто с молчанием как оно есть, но с уже переработанным эмпирическим материалом, – транскрибированным текстом и условными обозначениями, что еще сильнее может притуплять улавливание специфики, свойственной структуре конкретной социальной, и эмоциональности, вложенной в нее участниками [14, с. 183]. Несмотря на это, конверсационный анализ – это, если не идеальный, то один из наиболее продуктивных способов эмпирического исследования молчания в повседневном разговоре.

¹ Об использовании и методах избегания пауз в ситуации реп-баттла см.: [1].

Эксперимент

О методе эксперимента в социологическом исследовании наблюдаемого молчания в настоящей работе не следует говорить много, так как он не слишком распространен в социологии, и еще менее, в том виде, в котором позволяет работать с естественным течением социальной жизни. Тем не менее этнометодологический эксперимент представляется нам одним из самых продуктивных способов «почувствовать» структуризацию и реструктуризацию локального социального порядка, а также увидеть процесс рационализации (объяснения), к которому неизменно прибегают участники ситуаций, чтобы справиться с «надломами» в привычной их упорядоченности. От настоящего научного эксперимента в точном смысле в такой работе остается довольно мало – разве что фундаментальная интуиция «а что, если?», применяемая к ситуациям, в которых сам экспериментатор оказывается естественным участником (речь об экспериментах в духе Г. Гарфинкеля [3]). Обычные люди (поскольку мы соотносим социологические методы «узнавания» о социальном мире с методами самих участников социальных взаимодействий) нередко испытывают ситуации «на прочность», то есть узнают об их границах с помощью молчания той или иной длительности, с теми или иными сопровождающими практиками, в том или ином контексте. Именно в этнометодологических экспериментах заложен огромный потенциал работы с социальным. Оказывая хотя бы минимальное вмешательство в кажущуюся непроницаемой ткань социальной жизни, мы можем изменять условия эксперимента в зависимости от предполагаемых гипотез и факторов, которые влияют на производство социального порядка.

В изучении социального опыта человека относительно молчания экспериментирование создает особые условия, где молчание может входить в жизнь испытуемого необычно сильно через серьезные самоограничения в речи (либо, наоборот, быть максимально исключенным из жизни, замененным речевым потоком). В эксперименте могут участвовать как люди, осознанно и добровольно принимающие для себя подобные ограничения, так и окружающие, которые могут знать или не знать о нем.

Последняя версия экспериментального молчания акцентирует внимание уже не столько на проблеме производства социального порядка в конкретных ситуациях (как у Г. Гарфинкеля и его учеников), а на более длительных психологических и социально-психологических эффектах для самого человека (испытуемого) как члена социума¹. Подобные эксперименты основаны на некоторого рода автоэтнографическом письме, исследовании самого себя в ситуации отказа от речи и других аудиальных стимулов (например, Интернета, музыки, мессенджеров). Личные переживания (и, что важно, – сила этих переживаний), чувства легкости или напряженности, умиротворения или тревоги, отрыва от общества или, наоборот, поиска новой социальности в тишине, могут быть показательны для исследователя молчаливых взаимодействий и эффектов молчания.

¹ Отдельными энтузиастами такой эксперимент проводится и в России. См., напр.: <http://silence.tilda.ws/#4> (дата обращения: 01.08.2024).

Заключение

Молчание было рассмотрено нами как реальный, обособленный в пространстве и времени феномен. С точки зрения наших теоретических позиций, как и с позиции рядового члена общества, молчание включено в контекст и зависит от него. Наиболее существенное влияние на смысл молчания оказывает локальный социальный контекст, или структура конкретной ситуации, в которой присутствует молчание в конкретном обществе. Следовательно, методы понимания этого «ситуативного» молчания и его роли в структуре взаимодействия (хоть и с точки зрения социологии как науки) в какой-то мере похожи на «методы», которые используют для его понимания рядовые члены общества. Само собой разумеющееся понимание молчания основано на знании устройства конкретных локальных социальных структур, в которые включено молчание, наблюдении некоторых признаков таких структур, их узнавании и воспроизводстве или возможности использования их гибкости для собственных (и не всегда практических) целей.

Такое базовое допущение о смысле и «природе» молчания, а также о сознании людей, живущих в обществе и осуществляющих это молчание на практике, и обосновывает вывод о том, что основой эмпирического анализа такого рода молчания должна стать качественная стратегия социологического исследования, как та, ключевой характеристикой которой является понимание смыслового мира, накладывающегося на мир просто наблюдаемых и непосредственно фиксируемых феноменов¹.

Таким образом, методологической основой исследования такого рода молчания является наблюдение. Однако, для целей выявления смысловой структуры ситуации его часто бывает недостаточно, поэтому наблюдение уместно сочетать с интервью и анализом документов. Кроме того, непосредственное наблюдение «ситуаций молчания» не всегда возможно, например, если доступ к «полю» затруднен. В ситуациях со строгой ролевой структурой (не допускающей наблюдающего социолога), – например, на «минуте молчания» или в коллективной медитации Випассана, – может использоваться включенное наблюдение. Конверсационный анализ, который также представляет собой работу с непосредственно слышимым и наблюдаемым молчанием (используются аудио- и видеозаписи), больше подходит для анализа достаточно коротких пауз в повседневных ситуациях социального взаимодействия. Использование конверсационного анализа в сочетании с указанными выше методами также может иметь высокую познавательную ценность. Экспериментальное же молчание, хоть и искажает нормальные ситуации взаимодействия, способно выявлять воздействие молчания на человека, окружающих людей и структуру ситуации, которые, в свою очередь, могут служить ценными гипотезами в последующих его исследованиях.

¹ Мы отсылаем в этом понимании к феноменологической традиции в социологии, основателем которой считается А. Шюц [16].

Библиографический список

1. Августис Ю. И. Производство порядка в рэп-баттлах: управление паузами и их отсутствием // Социологическое обозрение. 2017. № 3(16). С. 280–302. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-280-302; EDN: YTHMIZ.
2. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: ЕУ в СПб., 2008. 298 с.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
4. Гилевская А. Ю. Проявление и типология феномена молчания в ходе интервью // Идеи и новации. 2018. № 1(6). С. 84–88. EDN: QYOFCL.
5. Корбут А. М. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. № 1(14). С. 120–141. EDN: TRRQZZ.
6. Медведева К. С. Полевая работа в монастыре: особенности включенного наблюдения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 1(19). С. 59–72. EDN: VVCCAN.
7. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания / Пер. с нем. М.: Прогресс-Академия, Весь мир, 1996. 352 с.
8. Подвойский Д. Г., Спиркина А. К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7; EDN: GRVUVS.
9. Рогозин Д. М. Протокол завершения интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. № 4(15). С. 115–124. DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.6; EDN: AQONVJ.
10. Спиркина А. К. Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9; EDN: GJWUVH.
11. Спиркина А. К. Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны) // Вестник РУДН. Социология. 2023. № 2(23). С. 389–403. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403; EDN: XSDHTJ.
12. Спиркина А. К. Конструирование социальности в практике «молчания у гроба» // Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / Сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. С. 244–257. EDN: EUOHOU.
13. Старченко М. С. Молчанка – жанр детского потешного фольклора // Вестник Челябинского госуниверситета. 2011. № 3(218). С. 131–133. EDN: NUFLTV.
14. Троцук И. В. Почему смеются люди – вот в чем вопрос. Glenn Ph. laughter in interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 175–184. EDN: PFOS CZ.

15. Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023 / Сост. и общ. ред. В. Ю. Михайлина. Саратов: ИЦ «Наука», 2023. 288 с. EDN: EHJELA.
16. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев, С. В. Ромашко, Н. М. Смирнова. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
17. Christensen H. R., Høeg I. M. et al. Rooms of silence at three universities in Scandinavia // *Sociology of Religion*. 2019. No. 3(80). P. 299–322. DOI: 10.1093/socrel/sry040.
18. Eddy G. An ethnography of the vipassana meditation retreat: a reflexive evaluation of the participant-observer's meditation experience as an interpretive tool // *Fieldwork in religion*. 2014. No. 1(9). P. 68–86. DOI: 10.1558/fiel.v9i1.68.
19. Pagis M. Evoking equanimity: silent interaction rituals in vipassana meditation retreats // *Qualitative sociology*. 2015. No. 1(38). P. 39–56. DOI: 10.1007/s11133-014-9295-7.
20. Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice // *Ethnography*. 2010. No. 2(11). P. 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.
21. Presser L. *Unsaid: Analyzing Harmful Silences*. Oakland, CA: University of California, 2022. 212 p.
22. *Qualitative Studies of Silence: The Unsaid as Social Action* / Ed. by Murray A. J., Durrheim K. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 310 p.
23. Rahmani M. S. Goenka's vipassana movement: from conversion to disaffiliation // *The Oxford handbook of meditation* / Ed. by M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee. N. Y.: Oxford University Press, 2019. P. 629–650. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198808640.013.31.
24. Scheff T. Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern // *Irish Journal of Sociology*. 2006. No. 1(15). P. 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.
25. Simmel G. The Sociology of Secrecy and of Secret Societies // *American Journal of Sociology*. 1906. No. 4(11). P. 441–498.
26. Vu M. C., Fan Z. Sounds of Silence: The Reflexivity, Self-decentralization, and Transformation Dimensions of Silence at Work // *Journal of Management Inquiry*. 2022. No. 3(31). P. 307–325. DOI: 10.1177/10564926211007942.
27. Zerubavel E. *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. N. Y.: Oxford University Press, 2006. 176 p.

Получено редакцией: 15.08.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Спиркина Анастасия Константиновна, младший научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7

Sociological Methods of Studying Silence

Anastasiya K. Spirkina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

spirkina.ak@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2849-6792

For citation: Spirkina A. K. Sociological Methods of Studying Silence. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 135–150. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.7; EDN: UPWPMR.

Abstract. This paper is devoted to the methods of studying silence as a social phenomenon. As a research object, it is characterised by a high degree of uncertainty, multiple interpretations and even mystifications. Therefore, in order to transfer the issue of silence from abstract discussions to scientific empirical study, it is necessary to determine the relevant methods for its study. This, in turn, is fundamental for overcoming the “uncertainty” that culture imposes on the practices of silence. One of the ways to overcome this is the micro-structural sociological approach to understanding silence as an element of the situation, that is studied in this article. The paper substantiates the relevance of the qualitative strategy for studying silence, analyses the cognitive potential of participant and non-participant observation, interviews, document analysis and conversational analysis in the study of silence. Silence is understood by the author as a fundamentally audible and observable phenomenon. Thus, the methodological analysis conducted in the work, in a broad sense, applies not only to silence, but also to all cultural phenomena that can be “translated” into the language of spatio-temporal certainty and studied as such.

From this understanding of the research object, a set of basic methods for studying silence as a micro-structural phenomenon is constructed. Observation based on understanding the meaning is a key research method. It works with the structure of the situation directly, without influencing it. The methods of interviews and document analysis are additional, but often necessary, due to insufficient access to direct observation by the researcher, as well as due to limit research subjectivity and supplement of information obtained only through personal participation. The methods of conversation analysis and ethnomethodological experiment also prove to be very valuable in solving the above research problems, however, they have more specific functions. Conversation analysis is focused on working with audible and observed silence, on creating an audio (video) recording and a transcript showing the structural arrangement of silence and pauses. The convenience of using this method is limited to the analysis of relatively short-term interaction, such as everyday conversation. Whilst the experiment influences the situation, transforms it, but allows us to find objective and subjective zones of the situation, where silence or its absence are significant elements of the situation.

Keywords: sociology, silence, interaction situation structure, qualitative strategy, sociology of everyday life, observation, convergent analysis

References

1. Avgustis I. The Production of Order during Rap Battles: Managing Pauses and Their Absences. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2017: 16(3): 280–302 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-280-302; EDN: YTHMIZ.
2. Volkov V. V., Harhordin O. V. *Teoriya praktik* [Theory of practices]. St. Petersburg, EU v SPb., 2008: 298 (in Russ.).
3. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Transl. from Eng. by Z. Zamchuk, N. Makarova, E. Trifonova. St. Petersburg, Piter, 2007: 335 (in Russ.).
4. Gilevskaya A. Yu. The manifestation and typology of the silence phenomenon in an interview. *Idei i novacii*, 2018: 6(1): 84–88 (in Russ.). EDN: QYOFCI.
5. Korbut A. M. Turn-Talking: Non-technical Introduction to Conversation Analysis. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2015: 14(1): 120–141 (in Russ.). EDN: TRRQZZ.
6. Medvedeva K. S. Field work in a monastery: features of participant observation. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*, 2016: 19(1): 59–72 (in Russ.). EDN: VVCCAN.
7. Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion*. Transl. from German. Moscow, Progress-Akademiya, Ves mir, 1996: 352 (in Russ.).
8. Podvoyskiy D. G., Spirkina A. K. In the quiet..., between people...: Silence as a subject of sociological study. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 6: 125–135 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019659-7; EDN: GRVUVS.

9. Rogozin D. M. Interview Completion Protocol. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*, 2023: 15(4): 115–124 (in Russ.). DOI: 10.19181/inter.2023.15.4.6; EDN: AQONVJ.
10. Spirkina A. K. “Silence game” as a form of social interaction. *Sotsiologicheskiiye issledovaniya*, 2023: 7: 84–92 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250026588-9; EDN: GJWUVH.
11. Spirkina A. K. The role of silence in the production of social order in meditation (on the example of vipassana). *Vestnik RUDN. Sociologiya*, 2023: 23(2): 389–403 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-389-403; EDN: XSDHTJ.
12. Spirkina A. K. Construction of sociality in the practice of «silence at the coffin». In: *Silence. Interpretation of cultural codes: 2023*. Ed. by V. Y. Mikhailov. Saratov: IC «Nauka», 2023: 244–257 (in Russ.). EDN: EUOHOU.
13. Starchenko M. S. Molchanka – zhanr detskogo poteshnogo folklora [Silence game – a genre of children’s amusing folklore]. *Vestnik Chelyabinskogo gosun-ta*, 2011: 218(3): 131–133 (in Russ.). EDN: NUFLTV.
14. Trocuk I. V. Pochemu smeyutsya lyudi – vot v chem vopros. Glenn Ph. laughter in interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 [Why do people laugh – that is the question. Glenn Ph. laughter in interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2003]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2008: 3: 175–184 (in Russ.). EDN: PFOSCH.
15. *Silence. Interpretation of cultural codes: 2023*. Ed. by V. Y. Mikhailov. Saratov, IC «Nauka», 2023: 288 (in Russ.). EDN: EHJELA.
16. Schutz A. Selected works. Transl. from Eng. and Ger. by V. G. Nikolaev, S. V. Romashko, N. M. Smirnova. Moscow, ROSSPEN, 2004: 1056 (in Russ.).
17. Christensen H. R., Høeg I. M. et al. Rooms of silence at three universities in Scandinavia. *Sociology of Religion*, 2019: 80(3): 299–322. DOI: 10.1093/socrel/sry040.
18. Eddy G. An ethnography of the vipassana meditation retreat: a reflexive evaluation of the participant-observer’s meditation experience as an interpretive tool. *Fieldwork in religion*, 2014: 9(1): 68–86. DOI: 10.1558/fiel.v9i1.68.
19. Pagis M. Evoking equanimity: silent interaction rituals in vipassana meditation retreats. *Qualitative sociology*, 2015: 38(1): 39–56. DOI: 10.1007/s11133-014-9295-7.
20. Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice. *Ethnography*, 2010: 11(2): 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.
21. Presser L. *Unsaid: Analyzing Harmful Silences*. Oakland, CA, University of California, 2022: 212.
22. *Qualitative Studies of Silence: The Unsaid as Social Action*. Ed. by Murray A. J., Durrheim K. Cambridge, Cambridge University Press, 2019: 310.
23. Rahmani M. S. Goenka’s vipassana movement: from conversion to disaffiliation. In: *The Oxford handbook of meditation*. Ed. by M. Farias, D. Brazier, M. Lalljee. New York, Oxford University Press, 2019: 629–650. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198808640.013.31.
24. Scheff T. Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern. *Irish Journal of Sociology*, 2006: 15: 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.
25. Simmel G. The Sociology of Secrecy and of Secret Societies. *American Journal of Sociology*, 1906: 11(4): 441–498.
26. Vu M. C., Fan Z. Sounds of Silence: The Reflexivity, Self-decentralization, and Transformation Dimensions of Silence at Work. *Journal of Management Inquiry*, 2022: 31(3): 307–325. DOI: 10.1177/10564926211007942.
27. Zerubavel E. *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. New York, Oxford University Press, 2006: 176.

The article was submitted on: August 15, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya K. Spirkina, Junior Researcher of the Center for Theoretical, Historical and Sociological Research

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В СОЗНАНИИ РОССИЯН

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8

EDN: VZKYIM

Образ желаемого личного будущего жителей Красноярского края

Ссылка для цитирования: *Немировский В. Г., Новиков А. С. Образ желаемого личного будущего жителей Красноярского края // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 151–167. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8; EDN: VZKYIM.*

For citation: Nemirovsky V. G., Novikov A. S. The image of the desired personal future of Krasnoyarsk Krai residents. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 151–167. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8; EDN: VZKYIM.

SPIN-код: 1831-1806

Немировский Валентин Геннадьевич¹

¹Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия

valnemirov@mail.ru

SPIN-код: 8720-1837

Новиков Алексей Сергеевич¹

¹ООО «Технологии социальных исследований»,
Красноярск, Россия

asnovikov@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается слабо изученная проблема трансформации образа желаемого личного будущего населения одного из крупнейших регионов России. Авторы, опираясь на результаты собственных полевых исследований, анализируют структуру и динамику этого образа у жителей Красноярского края в 2015–2023 гг. В статье дается дефиниция образа желаемого личного будущего, которое рассматривается через призму смысловых ориентаций респондентов. Актуальное состояние российского общества обусловило применение, наряду с социологией жизни, методологических подходов, направленных на изучение «общества травмы». Ценностное содержание образа желаемого личного будущего интерпретировалось с позиции концепции Э. Фромма о двух модусах существования человека – Бытии и Обладании. Эмпирической базой исследования являются опросы жителей Красноярского края в 2015 г. (n = 1500) и в 2023 г. (n = 700). Для обработки данных использовался факторный анализ (метод главных компонент, вращение Варимакс). В статье охарактеризован личностный смысл элементов образа желаемого будущего: «духовное развитие, нравственное самосовершенствование» и «хорошая семья»,

которые не всегда совпадают с общепринятой трактовкой этих ценностей. Установлено, что, на вербальном уровне у жителей региона за 8 лет заметно усилилась ориентация на ценностные конструкты модуса Бытия. При этом сформировался новый латентный ценностный комплекс, сочетающий ценности Бытия и Обладания. Показано наличие ряда общих тенденций в динамике ценностных структур жителей региона и ценностного сознания населения страны в целом, полученных в исследованиях ФНИСЦ РАН. Высказывается предположение, что некоторые изменения в образе желаемого будущего населения Красноярского края могут быть связаны с процессами интенсивной социокультурной турбулентности, а также укоренением потребительской идеологии в современном российском обществе.

Ключевые слова: социология, образ желаемого личного будущего, социология жизни, ориентация на Бытие, ориентация на Обладание, общество травмы

Введение

В условиях общества потребления у населения закономерно формируются смысложизненные ориентации на личное обогащение, гедонизм, высокий социальный статус. В современной России, надо полагать, уже с 1970-х сформировалось такое общество. Однако потребность в эффективном развитии страны, особенно в современных условиях ожесточенной геополитической конкуренции, включающей не только острые экономические, но и военные формы противостояния, требует от граждан ориентаций на самовыражение, сознательное самоограничение, социальный альтруизм, патриотизм и другие социально-конструктивные и традиционные ценности.

Российскими социологами активно изучаются представления населения (как правило, речь идет о различных категориях молодежи) о желаемом будущем нашей страны, в отдельных исследованиях прослеживается их взаимосвязь с жизненными целями респондентов. Однако образ желаемого личного будущего жителей отдельных регионов страны, его структура и динамика исследованы слабо. Между тем массовое сознание жителей регионов России в силу действия различных факторов часто имеет специфичный характер, не всегда совпадающий с общероссийскими тенденциями.

Представленное в статье исследование направлено на выявление изменений ценностных установок жителей Красноярского края в 2015–2023 гг. посредством анализа структуры и динамики желаемого личного образа будущего.

Методологические основания исследования

Настоящее исследование опирается на следующие теоретико-методологические основания: «социологию жизни» Ж. Т. Тощенко, концепции «культурной травмы» (П. Штомпка, Дж. Александер) и «травмы общества» (Ж. Т. Тощенко), «антропосоциокультурной травмы» Н. И. Лапина, лежащую в области фрейд-марксизма и неофрейдизма, концепцию Э. Фромма о двух модусах существования человека – Бытии и Обладании.

Концепция Э. Фромма Модус Бытия versus Модус Обладания

Для итоговой интерпретации полученных данных мы опирались на концепцию Э. Фромма. Согласно этому подходу, существуют два модуса человеческого существования, иными словами, два глубинных принципа: «Эмпирические антропологические и психоаналитические данные свидетельствуют о том, что обладание и бытие — это два основных способа существования человека и преобладание одного из них определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера» [21, с. 203]. Согласно разъяснению ученого: «Под бытием я понимаю такой способ жизни, при котором человек и не имеет ничего, и не желает иметь что либо, но счастлив тем, что продуктивно использует свои способности и чувствует себя в единении со всем миром» [21, с. 202] Ориентацию человека на обладание автор емко и образно выразил следующими словами: «Я есть то, чем я обладаю и что я потребляю» [21, с. 214].

Пик популярности его идей в отечественной социогуманитарной науке пришелся на период «излета социализма», в контексте критики «загнивающего» капиталистического общества. Однако в последние десятилетия, когда капиталистические отношения утвердились в нашей стране и весьма ярко проявляются их отрицательные стороны, анализу и критике которых посвящены произведения Э. Фромма, интерес среди российских исследователей к его произведениям заметно упал. Между тем в современной социологии наблюдается всплеск внимания к произведениям ученого. «Интерес к Фромму растет: как выдающемуся марксисту, социологу, теоретику психоанализа и общественному интеллектуалу, он уникален в своем нормативном гуманистическом подходе к написанным им работам, которые служат важнейшей критической точкой отсчета для тех, кто стремится понять и преодолеть социальные патологии нашего времени» [25, р. 1.]. «К его трудам возвращаются с новым энтузиазмом из-за событий в мире, развития социологии и нового интереса к психосоциальному анализу эмоций», считают Л. Чансер и Н. Маклафлин, указывая при этом на «ценность инструментов, которые он предлагает благодаря уникальному сочетанию идей Фрейда, Маркса и социологии в современную эпоху» [24, р. 401]. Отмечая значимость произведений Э. Фромма для современной социологии, Дж. Александер пишет, что «в 1950-х годах именно Э. Фромм утверждал, что общества, а не только отдельные люди, могут быть больны» [23, р. 3]. Следует отметить, что в XXI столетии эмпирические исследования в свете концепции Модус Бытия versus Модус Обладания не получили широкого распространения в социологии, а осуществляются, главным образом, в рамках психологических наук с применением специально разработанных методик. См., напр.: [28; 27; 10; 3] и др.

Между тем его концептуальные подходы остаются актуальными и для современной России. Учитывая многообразие исследований ценностных ориентаций личности, проведенных на основе различных, зачастую несопоставимых методик, представляется целесообразным использовать генерализованный подход, позволяющий выявить наиболее обобщен-

ные тенденции. Этому требованию, на наш взгляд, отвечает концепция Э. Фромма. Отмеченные выше исследования, проведенные на психологических выборках во многих странах мира, в целом свидетельствуют о преобладании среди респондентов ориентации на Обладание.

Изучение смысла жизни

К анализу различных сторон жизненного мира людей, причем, не всегда употребляя само это понятие, обращались такие классики мировой социологии как Э. Гуссерль, А. Шюц, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др. В современной отечественной социологии значительное внимание разработке этого научного направления уделяет Ж. Т. Тощенко [18; 19; 20]. С позиций нашего исследования важно, что Ж. Т. Тощенко формулирует в контексте социологии жизни определение категории «смысл жизни», который, согласно его трактовке, представляет собой «...существенные, наиболее важные ценностные ориентации по достижению целей, определяющих главное содержание их жизни. В известной мере это основная, конечная цель, которая может выступать как обобщенная ценность, так и в качестве ведущей в основных видах деятельности людей» [20, с. 9].

В русле данной традиции мы рассматриваем смысл жизни как «устойчивую, доминирующую направленность группового или индивидуального сознания, которая непосредственно проявляется в социальной деятельности личности и имеет социальную ценность». Он выступает как иерархическая система диспозиций, охватывающих различные «этажи» индивидуального и массового сознания, а также бессознательного, рациональных и аффективных элементов. Еще в 1990 г. в качестве его индикаторов нами были эмпирически выделены и апробированы 11 ценностных концепций смысла жизни, которые использовались в различных компаративных исследованиях [12, с. 269–276].

Образ желаемого личного будущего

Образ желаемого личного будущего относится к значимым социокультурным феноменам и является одним из ключевых компонентов мотивационной сферы человека, в котором можно выделить два аспекта. С одной стороны, он воплощает собой набор смысложизненных ценностных ориентаций, отражающих главные цели индивида, которые он стремится достичь в течение определенного промежутка времени. С другой – выступает как совокупность индивидуальных социальных ожиданий человека, в которых реализуются данные ценности. В целом он представляет собой иерархический комплекс смысложизненных ценностных ориентаций с учетом вероятности их реализации в определенный промежуток времени.

Образ желаемого личного будущего граждан представлен на двух уровнях в соответствии со степенью его осознанности: в массовом сознании и в массовом бессознательном ([11] и др.). Формирование этого образа есть

социально обусловленный процесс. Поэтому трудно не согласиться с утверждением Б. Булановой и соавт., «...что образ будущего в массовом сознании граждан детерминирован доминирующим в обществе социальным самочувствием и настроением, а также действиями органов власти, проводимой ими политикой в различных сферах жизнедеятельности социума» [14, с. 8–9].

Во многих исследованиях, посвященных представлениям респондентов об образе будущего, последний рассматривается как образ будущего нашей страны в целом. Так, авторы процитированной выше монографии, опираясь на результаты эмпирических исследований, рассматривали именно образ будущего Российской Федерации в массовом сознании респондентов. В результате, как справедливо отмечают Ю. А. Зубок и соавт., «попытки описать его сводятся так или иначе к пониманию образа будущего как мнений и представлений о целях общественного развития, сложившихся у различных социальных и политических субъектов (социальных групп, общностей, населения в целом, элиты, идеологических группировок и т. д.)» [16, с. 57–58]. Аналогичное направление исследований развивается и в ряде других публикаций [7; 22].

Выявленные в процессе эмпирического исследования, проведенного Ю. А. Зубок и Н. А. Селиверстовой, «смысловые основания, на которых выстраиваются представления о целях, значимых для будущего страны» [8, с. 57] показали, что эти «цели отражают контур желаемого будущего, суть которого – мир, обустроенный для моей жизни и моих близких: семья и понимание ее значимости, среда как совокупность внешних (объективных) факторов развития, включая институциональный механизм сохранения самой жизни и поддержания ее качества, эффективная система организации и управления. В таком наборе взаимосвязанных целей просматривается не только эгоцентрическая направленность сознания молодых людей. В нем отражены социальные проблемы, решение которых способно стать предпосылкой развития общества» [8, с. 70].

Подобный подход реализован и в ряде научных публикаций, например В. С. Комаровский использует понятие «желаемый образ страны», трактуя его как «... видение будущего молодежью через призму своего «Я» – своих потребностей, интересов, ожиданий, идеалов, системы ценностей» [9, с. 46]. В статье Ю. Р. Вишневого анализируется образ желаемого будущего страны в сознании российской молодежи в его совпадении/расхождении с образом будущего, предлагаемого элитами [2]¹.

В указанных публикациях рассматривается образ «социального» будущего одной из социально-демографических групп – молодежи, т. е. какой предстает жизнь общества в ее социальных ожиданиях. Мы же рассматриваем образ желаемого личного будущего всего населения региона через призму индивидуальных социальных ожиданий респондентов, выражающих их личностные смысложизненные ориентации.

Некоторое недоумение у нас вызывает вариант социально-психологического подхода к пониманию образа будущего, предложенный Т. А. Нестиком. Согласно его определению «В широком смысле коллек-

¹ См. также работы [1; 4] и др.

тивный образ будущего можно рассматривать как совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе... В более узком смысле коллективный образ будущего – это представления о будущем социальной группы, разделяемые ее членами» [13, с. 10]. В данном случае возникают резонные вопросы: во-первых, чтобы сформировался образ желаемого будущего, члены социальной группы, вначале должны согласовать свои представления между собой? А если у них принципиально несовпадающие ориентации в отношении своего будущего? И как быть, если не все члены группы разделяют доминирующее представление о будущем, так как это часто бывает в жизни и отражается в результатах эмпирических исследований? На наш взгляд, подобное определение может быть применимо только к достаточно узким гомогенным специализированным группам, например, военнослужащим одного призыва, проходящим службу в одном подразделении, или к студентам какой-либо конкретной специальности, обучающихся на одном и том же курсе.

Методика исследования

Настоящая статья опирается на материалы двух эмпирических исследований. Одно из них проведено социологами Сибирского федерального университета во втором по величине регионе России – Красноярском крае в 2015 г. ($n = 1568$)¹. Опрос осуществлялся методом полуструктурированного интервью на основе стратифицированной многоступенчатой, районированной, квотной выборки, репрезентированной в соответствии с половозрастной, образовательной и поселенческой структурой региона в 28 городах, поселках и сельских поселениях Красноярского края. В исследовании 2023 г. использовался метод онлайн-опроса на платформе Simpleforms с таргетингом в социальных сетях (ВКонтакте и Одноклассники) и последующим перевзвешиванием. Также была проведена чистка массива от не полностью заполненных анкет. Структура выборки по основным параметрам: пол, возраст, уровень образования, место жительства респондентов взаимно соответствует. Ошибка выборки составляет 3,2%.

В опросе респондентам предлагалось ответить на прожективный вопрос²: «Представьте себя через 10 лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни? (Выберите один вариант ответа в каждой строке)» и с помощью трехбалльной шкалы «обязательно», «возможно», «маловероятно» оценить следующие элементы образа желаемого будущего: 1. Активные занятия спортом. 2. Материальный достаток. 3. Вера в Бога. 4. Престиж, восхищение окружающих. 5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений. 6. Хорошая семья. 7. Руководящая должность. 8. Интересная, творческая работа. 9. Регулярное чтение книг, посещение

¹ Исследование выполнялось при поддержке РГНФ, проект № 13–03–00379а «Динамика социокультурных процессов в Восточно-Сибирском регионе в контексте современной модернизации России (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)».

² Прожективный (проективный) вопрос – тип вопроса, который заставляет человека проецировать свои собственные эмоции, установки, или поведение на других людей или ситуации.

театров, концертов «серьезной» музыки. 10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам. 11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование» [12, с. 277]. С помощью данной методики нами измерены смысловые ценностные ориентации респондентов и степень уверенности в их реализации в течение конкретного промежутка времени – 10 лет.

Образ желаемого личного будущего в нашем исследовании анализировался на двух уровнях: массового сознания и массового бессознательного. В первом случае определялось мнение респондентов о вероятности наличия в будущем у них того или иного ценностного элемента данного образа. По сути, это характеризует значимость для них конкретных смысловых ориентаций. Во втором – с помощью факторного анализа выделялись латентные переменные, выражающие обобщенные характеристики ценностных ориентаций в массовом бессознательном респондентов.

Безусловно, на сокращение горизонта личной временной перспективы могли повлиять резкая социальная турбулентность, эпидемия COVID-19, СВО и другие социально травмирующие события. Поэтому надо учитывать, что в ряде случаев данная методика может отражать временную перспективу менее 10 лет.

Результаты полевых исследований

Полученные с помощью описанного инструментария данные представлены далее в таблице 1.

Используя вариант ответа «обязательно», мы фиксируем те ценности, в реализации которых респонденты уверены в течение ближайших десяти лет. Как показано на таблице 1, в массовом сознании населения Красноярского края в 2015 г. с существенным отрывом от других элементов личного желаемого образа будущего располагались ценности:

- «хорошая семья» (69%);
- «материальный достаток» (59%);
- «хорошие возможности для отдыха, развлечений» (48%).

Иными словами, на вербальном уровне господствовала ориентация на модус Обладания.

Согласно результатам опроса, проведенного в 2023 г., наиболее значимыми в массовом сознании респондентов были две конкурирующие по своему значению смысловые ценности (см. табл. 1):

- материальный достаток (59%);
- духовное развитие, нравственное самосовершенствование (59%).

Несколько менее значимыми выступают ориентация на ценности:

- хорошая семья (48%);
- интересная, творческая работа (45%).

Таблица 1 (Table 1)

**Структура и динамика образа желаемого личного будущего
жителей Красноярского края: 2015–2023 гг., %**
*Structure and dynamics of the image of the desired personal future
of Krasnoyarsk Krai residents: 2015-2023, %*

Варианты ответа	Обязательно		Возможно		Маловероятно	
	2015	2023	2015	2023	2015	2023
1. Активные занятия спортом	28	25	37	44	35	31
2. Материальный достаток	51	59	34	41	15	-
3. Вера в Бога	28	35	40	24	32	41
4. Престиж, восхищение окружающих	24	31	42	38	34	31
5. Хорошие возможности для отдыха, развлечений	42	42	39	55	19	3
6. Хорошая семья	69	48	22	48	9	4
7. Руководящая должность	31	38	34	38	35	24
8. Интересная, творческая работа	28	45	39	58	33	7
9. Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки	25	35	47	55	28	10
10. Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам	15	14	37	31	48	55
11. Духовное развитие, нравственное самосовершенствование	30	59	46	37	24	4

Примечание. В табл. 1 результаты опроса за 2015 г. приведены по: Немировский В. Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ, 2016. С. 112.

Факторный анализ данных, полученных в 2015–2023 гг., осуществленный с помощью программы SPSS методом главных компонент, вращение «Варимакс», позволил выявить три латентных переменных в массовом бессознательном жителей региона. Для каждого фактора приведены признаки, которые имеют с ним наиболее высокие коэффициенты корреляции¹.

2015 г. Ф-1: «Властно-престижно-гедонистический» – ориентация на **Обладание:** материальный достаток 0,778; руководящая должность 0,761; хорошие возможности для отдыха, развлечений 0,752; активные занятия спортом 0,729; престиж, восхищение окружающих 0,679. Описательная сила фактора – 30,83%.

2023 г. Ф-1: «Властно-престижно-гедонистический» – ориентация на **Обладание:** руководящая должность 0,722; престиж, восхищение окружающих 0,706; хорошие возможности для отдыха, развлечений 0,575; активные занятия спортом 0,561; интересная, творческая работа 0,560. Описательная сила фактора – 34,64%.

¹ Данные факторного анализа за 2015 г. опубликованы: Немировский В. Г. Представления населения Красноярского края о смысле жизни: структура и динамика (1991–2016 гг.) // Siberian Socium. 2018. Т. 2. № 1. С. 29–30. DOI: 10.21684/2587–8484-2018-2-1-20–4.

2015 г. Ф-2: «Духовно-религиозно-альтруистический» – ориентация на **Бытие**: духовное развитие, нравственное самосовершенствование 0,702; жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам 0,660; регулярное чтение книг, посещение кинотеатров, концертов «серьезной» музыки 0,658; вера в Бога 0,563. Описательная сила фактора – 12,19%.

2023 г. Ф-2: «Семейно-гедонистический» – **смешанные ориентации**: хорошая семья 0,61; хорошие возможности для отдыха, развлечений 0,57; духовное развитие, нравственное совершенствование 0,40; регулярное чтение книг, посещение кинотеатров, концертов «серьезной» музыки 0,38; материальный достаток 0,32. Описательная сила фактора – 16,9%

2015 г. Ф-3: «Семейно-трудовой» – ориентация на **Бытие**: хорошая семья 0,792; интересная, творческая работа 0,718. Описательная сила фактора – 10,67%.

2023 г. Ф-3: «Альтруистическо-религиозный» – ориентация на **Бытие**: Жизнь ради людей... 0,53; Вера в Бога 0,46 (отметим, что данный фактор имеет высокую отрицательную связь с ценностью материальный достаток – 0,63). Описательная сила фактора – 6,45%.

Анализ результатов

Сразу подчеркнем, что не все результаты в исследовании могут быть истолкованы однозначно как ориентация на Бытие или на Обладание, поскольку некоторые ценностные конструкты образа желаемого будущего имеют противоречивый личностный смысл. Поэтому при интерпретации полученных результатов мы будем использовать их общепринятое социальное значение.

За исследуемый период структура образа желаемого личного будущего на *вербальном уровне массового сознания* жителей Красноярского края заметно изменилась. В целом отмечались противоречивые процессы.

За этот период прежде всего усилились вербальные ориентации (вариант ответа «обязательно») на отдельные ценности **Бытия**:

- духовное развитие, нравственное самосовершенствование (+29%);
- интересная, творческая работа (неоднозначный личностный смысл) (+17%);
- вера в Бога (+12%);
- регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки (+12%).

При этом снизилась ориентация жителей региона на такой ценностный элемент **модуса Бытия**, как хорошая семья (-21%).

Кроме того, несколько увеличилась артикулируемая значимость ценностных элементов образа будущего, которые описывает модус **Обладания**:

- материальный достаток (+8%);

- престиж, восхищение окружающих (+7%);
- руководящая должность (+7%).

Как видим, если в 2015 году на *вербальном* уровне явно преобладали ценностные элементы образа желаемого личного будущего, отражающие ориентацию на **Обладание**, то к 2023 г. усилились тенденции, отражающие стремление к **Бытию** (за исключением ориентации на хорошую семью).

На уровне *латентных* ценностных конструкторов, характеризующих факторным анализом, в целом структура ориентаций изменилась мало. Произошло некоторое усиление стремления к **Обладанию**. Это произошло за счет «замены» Ф-2: «Духовно-религиозно-альтруистический» (ориентация на **Бытие**) в 2015 г. на «Семейно-гедонистический» (**смешанные ориентации**) в 2023 г., который имеет несколько более высокую описательную силу.

Несовпадение между ориентациями на вербальном уровне и на уровне латентных переменных широко известно в поведенческих науках. Оно определяется различием между, с одной стороны, целями декларируемыми, испытывающими социально-нормативное давление, и находящимися под влиянием ситуативного социального самочувствия человека, с другой – ценностными феноменами, более тесно связанными с мотивационной сферой личности, которые выявляются с помощью факторного анализа.

Некоторый рост отдельных вербальных ориентаций на ценности Модуса **Обладания** не вызывает удивления; дальнейшее укоренение идеологии потребительского общества в нашей стране отразилось и на ценностных элементах личного образа желаемого будущего населения региона.

Важно подчеркнуть, что специфика полученных нами данных во многом определяется прожективным характером используемой методики, суть которой заключается в конструировании респондентом целостного образа из представленных ему отдельных «элементов-кирпичиков». На ответы влияют не только ориентации на фундаментальные базовые ценности, но и актуальное социальное самочувствие респондентов. В апреле 2023 года на результатах нашего опроса не могли не сказаться повышенная тревожность в обществе и высокая неопределенность будущего, связанная с усилением его социокультурной травматизации на фоне СВО и общей геополитической напряженности. Можно предположить, что респонденты, отвечая на предложенный им вопрос, зачастую имеют в виду не десятилетнюю перспективу, а ориентируются на более короткий промежуток времени. Как показывают исследования, в настоящее время резко сократилась перспектива планирования личной жизни.¹ Например, Е. В. Реутов на основе результатов социологических исследований показывает «прибли-

¹ Например, как показывает исследование, проведенное ВЦИОМ «В целом планируют жизнь сегодня чуть больше половины россиян (56%). В том числе каждый пятый строит планы на несколько лет вперед (20%, –5 п. п. к 2020 г.), а каждый третий — на несколько месяцев (36%, +8 п. п. к 2020 г.). Четверо из десяти наших соотечественников не строят планов вовсе (40%, –8 п. п. к 2021 г.): 21% не делают этого пока, переживая нестабильную ситуацию в стране, а 19% в принципе никогда ничего не планируют, предпочитая жить одним днем». Горизонт планирования: мониторинг ВЦИОМ. 13 ноября 2023 г. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorizont-planirovaniya-monitoring> (дата обращения: 11.06.2025).

жение» горизонта планирования личного будущего, связанное с наличием неопределенности в отношении будущего, которая становится нормой в нестабильной социальной среде [15]. Обосновывая подобную точку зрения, Т. А. Нестик выделяет главные факторы, снижающие долгосрочную ориентацию и социальный оптимизм в современном мире [13, с. 7].

По нашему мнению, на сокращение горизонта временной перспективы могла повлиять резкая социокультурная турбулентность, усиление социокультурной травмированности нашего общества: эпидемия COVID-19, СВО и другие социально травмирующие события. Поэтому в ряде случаев данная методика может отражать временную перспективу менее 10 лет. Думается, что с этой ситуацией связано снижение значимости такого ценностного элемента образа желаемого личного будущего, как хорошая семья; для ее создания необходима высокая уверенность человека в своем завтрашнем дне, в наличии возможностей материально обеспечить своих близких, иметь средства на приобретение жилья, воспитание детей и т. п. Некоторые расхождения наших данных с результатами общероссийских исследований в данном аспекте обусловлены именно различием в предмете исследования. Как правило, социологами изучаются ориентации на ценность «семья», мы же рассматриваем сложный ценностно-темпоральный комплекс, выражающий как ориентацию на данную ценность, так и осознание респондентом наличия условий и возможностей для ее реализации.

Кроме того, важно учитывать влияние на значимость элемента образа желаемого личного будущего «хорошая семья» трансформации представлений населения страны о желаемой модели семьи. По данным опросов ВЦИОМ за 2012 и 2024 гг., с 18 до 24% выросла доля респондентов, имеющих взгляды, несовместимые с реальной семейной жизнью; по их мнению, «каждый член идеальной семьи имеет право делать все, что хочет, даже если это противоречит интересам других ее членов». Причем наиболее выросла доля сторонников подобных взглядов на семью среди людей в возрасте от 30 до 36 лет (большая часть которых имели свои семьи); данное суждение стала разделять уже четверть представителей этой возрастной когорты, а среди более молодых респондентов 2000–2006 годов рождения, которым в 2024 г. исполнилось от 18 до 24 лет, – около 50% [17, с. 18].

Повышение значимости элемента образа желаемого личного будущего «духовное развитие, нравственное самосовершенствование» за 8 лет, вероятно, отражает широкое увлечение населения разного рода эзотерикой, йогой, курсами личностного роста и т. п., как и в любые кризисные периоды, также порожденное неуверенностью части респондентов в своем будущем¹.

¹ Продажи эзотерических книг в России выросли. МК: мистическая литература стала трендом 2023–2024 гг. 13 апреля 2024 г. По словам представителя издательства, эзотерика – один из главных трендов 2023–2024 годов. При этом, добавил он, книжная продукция соответствующего характера включает в себя и карты Таро, составляющие огромный процент продаж. Наибольшей популярностью, рассказали в компании, в 2023 году по сравнению с 2022-м в этой категории пользовались ритуальные свечи (количество продаж выросло до 283%), спиритические доски (185%), карты Таро (147%). Менее востребованными оказались книги раскладов (100%), а также обереги, спиритические блокноты и другие позиции (52%). URL: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2024/04/13/22781696.shtml> (дата обращения: 11.06.2025).

Так, ряд социологических исследований свидетельствует об интересе россиян к эзотерике¹. Высоко репрезентативное исследование, в котором приняли участие 140 тыс. чел. из 95 стран мира, показало, что в России в колдовство и ведьм верят 57% опрошенных (в среднем по миру 40%). Как полагает В. Гершман, вера в колдовство во многом связана со «слабыми институтами» в странах с «низкокачественным управлением», которые могли бы защищать население от неблагоприятных потрясений [26].

Данные, в целом близкие к результатам наших исследований, получены на материалах всероссийской выборки, что говорит об общих тенденциях социокультурной трансформации массового сознания как населения всей страны, так и жителей отдельных регионов: «На протяжении многих лет базовыми ценностями россиян остаются «семья», «здоровье», «материальный достаток», «работа». ... Ценность работы в 2022 г., по сравнению с 2014 г., увеличилась на 16%; ценность отдыха – на 34%; уважение в обществе – более чем наполовину» [6, с. 179–180].

Заключение

Из представленных в статье результатов очевидно, что на *вербальном уровне* у жителей региона за 8 лет значительно усилилась ориентация на ценностные конструкты модуса **Бытия**. В процессе интерпретации полученных нами данных важно учитывать, что социальное значение тех или иных ценностей способно меняться. И, конечно же, может быть двойным — например, стремление к «духовному развитию...», которое на деле часто является Пелевинским «потреблением в области духа». Которое как бы и про **Бытие**, и про **Обладание** одновременно.

Полученные данные показывают, что на *уровне массового бессознательного* ориентация на модус **Бытия** во многом осталась прежней, при этом несколько возросло стремление к **Обладанию**. Выявленная тенденция может быть связана со способностью используемого нами метода фиксировать (хотя и опосредованно, с помощью факторного анализа) структуры когнитивного бессознательного, более устойчивые и инвариантные, нежели сознательные.

К тому же в целом ряде работ по массовой психологии сознательный слой интерпретируется как вторичный относительно бессознательного. Декларируемые ценности **Бытия** в строгом смысле слова даже не противоречат ценностям обладания, а образуют с ними достаточно сложные комплексные структуры, где ценность **Бытия** декларируется вербально

¹ Институт общественного мнения. 28 июня 2024 г. Большинство (77%) россиян верят или скорее верят в предначертанную судьбу, 75% – в наличие души. Также 71% не отрицают, что сны могут быть вещими, 61% считают, что предсказать будущее возможно, и 60% верят или скорее верят в магические способности. Кроме того, 43% полагают, что после смерти возможна реинкарнация, а 42% верят в гороскоп. В целом половина (49%) опрошенных россиян положительно относятся к эзотерике. Обращение к эзотерике имеет следующую мотивацию: облегчение психологического состояния (56%), это придает уверенности (51%), помогает ответить на важные вопросы (45%), узнать будущее (33%) и др. URL: <https://iom.anketolog.ru/2024/06/27/ezoterika-issledovanie> (дата обращения: 11.06.2025).

и обнаруживается в форме согласия с утверждениями опросника, но на бессознательном и поведенческом уровне она реализуется, скорее, как ценность Обладания.

На установленные в результате исследования изменения образа желаемого личного будущего повлияли аналогичные социокультурные факторы, что и на сокращение временной перспективы планирования людьми собственной жизни. В целом, можно предположить, что существенную роль здесь сыграла социокультурная (антропосоциокультурная) травматизация населения современной России, резко усилившаяся в последние годы. Очевидно, сказалось и распространение потребительской психологии.

В процессе наших исследований выявлено совпадение основных тенденций трансформации ценностных элементов, лежащих в основе образа желаемого личного будущего жителей Красноярского региона и смысло-жизненных ориентаций населения всей России. Это говорит об отсутствии ярко выраженных специфических социокультурных и иных факторов, которые влияют на массовое сознание населения края.

Следует отметить, что выявление особенностей самого образа желаемого личного будущего населения региона затруднено из-за отсутствия аналогичных сопоставимых исследований как в других регионах России, так и в стране в целом.

Учитывая сложную ценностную структуру образа желаемого личного будущего, изменение личностного смысла некоторых его элементов с течением времени, в качестве одного из перспективных направлений подобных исследований, представляется целесообразным сочетать социологический инструментарий с применением соответствующих психологических методик.

Библиографический список

1. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2022. Т. 22. №. 1. С. 101–107. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107; EDN: OJUWVV.
2. Вишневский Ю. Р., Тарасова А. Н., Телепаева Д. Ф. Образ будущего глазами уральских студентов // Siberian Socium. 2021. Т. 5. № 3(17). С. 84–98. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98; EDN: EPYNGF.
3. Голубева Е. В. Жизненные стратегии людей с разным уровнем дохода // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 3(36). С. 330–332. DOI: 10.26140/anip-2021-1003-0083; EDN: MCWWKU.
4. Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Попов Е. С. Будущее для молодежи и молодежь о будущем: опыт социологического исследования студентов Екатеринбурга // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 142–155. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.019; EDN: NSBGKI.

5. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М., 2016. 367 с.
6. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024. 462 с.
7. Задорин И. В., Мальцева Д. В., Петухов В. В. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 3(137). С. 32–55. EDN: VZCZAV.
8. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 4. С. 56–74. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5; EDN: QATYVU.
9. Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. № 1. С. 45–50. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7041; EDN: JLPADV.
10. Кулешова Е. Н. Смысл жизни в понимании современной молодежи // Вестник ВГУ им. Столетовых. Педагогические и психологические науки. 2022. № 48. С. 106–118. EDN: SZYDSY.
11. Немировский В. Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13–19. EDN: OPCEEP.
12. Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека. От классических к постнеклассическим подходам. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛКИ, 2008. 304 с.
13. Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Октябрь–ноябрь. Т. 2. № 9(14). С. 48–56. EDN: SIJIJS.
14. Образ будущего в призме социологических измерений / Отв. ред. Н. М. Великая. М.: Мир Науки, 2023. 320 с. DOI: 10.15862/978-5-907731-42-4; EDN: EMSTCE.
15. Реутов Е. В. Планирование личного будущего в нестабильной социальной среде и его взаимосвязь со статусом и социальной активностью // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 3. С. 49–62. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-4; EDN: ESIEGY.
16. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики. Белгород: Эпицентр, 2021. 500 с. EDN: SUHSWJ.
17. Синельников А. Б. Общественное мнение об идеальной семье: число детей и тип отношений между ее членами // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 18–34. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.2; EDN: IVTGPA.
18. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 10–22. DOI: 10.31857/S0132162524070035; EDN: SMABSO.
19. Тощенко Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116. EDN: TLPTHD.

20. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17. EDN: VSLWTD.
21. Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть. Киев: Ника Центр, 1998. 400 с.
22. Шестопал Е. Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник ТГУ. 2021. № 464. С. 99–112. DOI: 10.17223/15617793/464/12; EDN: GVSOHV.
23. Alexander J. C. The prescience and paradox of Erich Fromm: A note on the performative contradictions of critical theory // Thesis Eleven. 2021. Vol. 165. No 1. P. 3–9. DOI: 10.1177/07255136211032830; EDN: DXEHGI.
24. Chancer L., McLaughlin N. Why Fromm now? Envisioning a saner society // Sociological Forum – Wiley Online Library. Vol. 2024. P. 1–12. DOI: 10.1111/socf.13035; EDN: HUKOVZ.
25. Erich Fromm's Critical Theory / Braune Joan; Durkin, Kieran – London: Bloomsbury Publishing, 2020. 248 p. Permalink: <http://digital.casalini.it/9781350087002-Casalini> id: 5204071.
26. Gershman B. Witchcraft beliefs around the world: An exploratory analysis // PLoS ONE. 2022. Vol. 17(11). P. e0276872. DOI: 10.1371/journal.pone.0276872.
27. Kruczek A., Janicka M. Being or having? – young adults life orientations and their satisfaction with life // Journal of Psychiatry and Clinical Psychology. 2019. T. 19. No. 2. P. 158–164. DOI: 10.15557/PiPK.2019.0016.
28. Pluhowsky M., Sękowski A. Psychological predictors of quality of life in individuals with to be and to have attitudes // The Humanistic Psychologist. 2022. Vol. 50(1). P. 93–106. DOI: 10.1037/hum0000197; EDN: XKNSUN.

Получено редакцией: 13.02.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Немировский Валентин Геннадьевич, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии

Новиков Алексей Сергеевич, кандидат философских наук, магистр психологии, директор

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8

The image of the Desired Personal Future of Krasnoyarsk Krai Residents

Valentin G. Nemirovsky

Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russia

valnemirov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4076-465X

Alexey S. Novikov

LLC «Tekhnologii sotsialnykh issledovaniy», Krasnoyarsk, Russia

asnovikov@gmail.com

ORCID: 0009-0006-3352-8946

For citation: Nemirovsky V. G., Novikov A. S. The image of the desired personal future of Krasnoyarsk Krai residents. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 151–167. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8; EDN: VZKYIM.

Abstract. This article examines the poorly studied problem of transformation of the image of the desired personal future of the population of one of the largest regions of Russia. The authors, using the results of their own field research, analyse the structure and dynamics of this image among residents of Krasnoyarsk Krai in 2015–2023. The article provides a definition of the image of the desired personal future, that is considered through the prism of the respondents' life-meaning orientations. The current state of Russian society has determined the use, along with the sociology of life, of methodological approaches aimed at studying the "trauma society". The value content of the image of the desired personal future was interpreted from the standpoint of E. Fromm's concept of two modes of human existence – Being and Possession. The empirical basis of the study is a survey of residents of the Krasnoyarsk Krai in 2015 (n = 1500) and in 2023 (n = 700). Factor analysis (principal component analysis, Varimax rotation) was used to process the data. The article characterises the personal meaning of the elements of the image of the desired future: "spiritual development, moral self-improvement" and "good family", that do not always coincide with the generally accepted interpretation of these values. It was found that, at the verbal level, the orientation towards the value constructs of the mode of Being has noticeably increased among residents of the region over 8 years. At the same time, a new latent value complex has been formed, combining the values of Being and Possession. The presence of a number of general trends in the dynamics of the value structures of regional residents and the value consciousness of the population of the country in general, obtained in the studies of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences is shown. It is suggested that some changes in the image of the desired future among the population of Krasnoyarsk Krai may be associated with processes of intense socio-cultural turbulence, as well as the rooting of consumer ideology in modern Russian society.

Keywords: sociology, image of desired personal future, sociology of life, Being orientation, Possession orientation, trauma society

References

1. Vilkov A. A. The value-ideological factor in the formation of the image of the future of Russia among modern youth (a regional case). *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. Sociologiya. Politologiya*, 2022: 22(1): 101–107 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107; EDN: OJUWVV.
2. Vishnevsky Yu. R., Tarasova A. N., Telepaeva D. F. The image of the future through the eyes of Ural students. *Siberian Socium*, 2021: 5: 3(17): 84–98 (in Russ.). DOI: 10.21684/2587-84-2021-5-3-84-98; EDN: EPYHGF.
3. Golubeva E. V. Life strategies of people with different income levels. *Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya*, 2021: 10: 3(36): 330–332 (in Russ.). DOI: 10.26140/anip-2021-1003-0083; EDN: MCWWKU.
4. Didkovskaya Ya. V., Vishnevsky Yu. R., Popov E. S. The future for youth and youth about the future: the experience of sociological research of Yekaterinburg student. *Koinon*, 2021: 2(2): 142–155 (in Russ.). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.019; EDN: NSBGKI.
5. The life world of Russians: 25 years later (end of the 1980s-Mid – 2010s). Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow, CSP iM, 2016: 367 (in Russ.).
6. The life world of workers: sustainability versus precarity. Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow, Ves Mir, 2024: 462 (in Russ.).
7. Zadorin I. V., Maltseva D. V., Petukhov V. V. Russian Society 2020: an expert image of the future. *Ekonomicheskie strategii*. 2016: 18: 3(137): 32–55. EDN: VZCZAV.
8. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Semantic components of the image of the future of the country in the representations of youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2022: 28(4): 56–74 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5; EDN: QATYVU.
9. Komarovskiy V. S. Image of the Desired Future of Russia: Problems of Formation. *Vlast'*, 2020: 1: 45–50 (in Russ.). DOI 10.31171/vlast.v28i1.7041; EDN: JLPADV.
10. Kuleshova E. N. The meaning of life in the understanding of modern youth. *Vestnik VGU im. Stoletovyyh. Pedagogicheskie i psihologicheskie nauki*, 2022: 48: 106–118 (in Russ.). EDN: SZYDSY.
11. Nemirovskiy V. G. Massovoe soznanie i bessoznatel'noe kak ob'ekt postneklassicheskoy sociologii [Mass consciousness and the unconscious as an object of post-non-classical sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2006: (2): 13–19 (in Russ.). EDN: OPCEEP.
12. Nemirovskiy V. G., Nevirko D. D. Sociologiya cheloveka. Ot klassicheskikh k postneklassicheskim podkhodam. Izd. 2-e, pererab. i dop. [Human sociology. From classical to post-non-classical approaches. 2nd ed., rev. and addit.]. Moscow, LKI, 2008: 304 (in Russ.).
13. Nestik T. A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis. *Sociodigger*, 2021: 2: 9(14): 48–56 (in Russ.).

14. The image of the future is measured by the prism of socioloshi. Ed. by N. M. Velikaya. Moscow, Mir Nauki, 2023: 320 (in Russ.). DOI: 10.15862 / 978-5-907731-42-4; EDN: EMSTCE.
15. Reutov E. V. Planning a personal future in an unstable social environment and its relationship with status and social activity. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, 2019: 5(3): 49–62. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-4; EDN: ESIEGY.
16. Self-regulation of youth's vital activity: methodology and social practices. Belgorod, Epicenter, 2021: 500 (in Russ.). EDN: SUHSWJ.
17. Sinelnikov A. B. Public opinion about the ideal family: the number of children and the type of relationship between its members. *Zhenshchina v rossi'skom obshchestve*, 2024: 4: 18–34 (in Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.2; EDN: IVTGPA.
18. Toshchenko Zh. T. Life World as a Basic Concept of the Sociology of Life. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024:7: 10–22 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524070035; EDN: SMABSO.
19. Toshchenko Zh. T. Sociology of life as a theoretical conception. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015 :1: 106–116 (in Russ.). EDN: TLPTHD.
20. Toshchenko Zh. T. Living World and Its Meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 1: 6–17 (in Russ.). EDN: VSLWTD.
21. Fromm E. Psikhooanaliz i religiya. *Iskusstvo lyubit'. Imet' ili byt' [Psychoanalysis and religion. The art of loving. To have or to be]*. Kiev, NikaCentr, 1998: 400 (in Russ.).
22. Shestopal E. B. The image of an ideal future: normative ideas of Russian citizens about power. *Vestnik TGU*, 2021: 464: 99–112 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/464/12; EDN: GVSOHV.
23. Alexander J. C. The prescience and paradox of Erich Fromm: A note on the performative contradictions of critical theory. *Thesis Eleven*, 2021: 165(1): 3–9. DOI: 10.1177/07255136211032830; EDN: DXEHGI.
24. Chancer L., McLaughlin N. Why Fromm now? Envisioning a saner society. *Sociological Forum – Wiley Online Library*, 2024: 1–12. DOI: 10.1111/socf.13035; EDN: HUKOZV.
25. Erich Fromm's Critical Theory / Braune Joan; Durkin, Kieran – London: Bloomsbury Publishing, 2020: 248. Permalink: <http://digital.casalini.it/9781350087002-Casalini> id: 5204071.
26. Gershman B. Witchcraft beliefs around the world: An exploratory analysis. *PLoS ONE*, 2022: 17(11): e0276872. DOI: 10.1371/journal.pone.0276872; EDN: CIMUTY.
27. Kruczek A., Janicka M. Being or having? – young adults' life orientations and their satisfaction with life. *Journal of Psychiatry and Clinical Psychology*. 2019: 19(2): 158–164. DOI: 10.15557/PiPK.2019.0016.
28. Pluhowsky M., Sękowski A. Psychological predictors of quality of life in individuals with to be and to have attitudes. *The Humanistic Psychologist*, 2022: 50(1): 93–106. DOI: 10.1037/hum0000197; EDN: XKNSUN.

The article was submitted on: February 13, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentin G. Nemirovsky, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology

Alexey S. Novikov, Candidate of Philosophical Sciences, Master's Degree in Psychology, Director

Трибуна молодого ученого

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.9

EDN: WMAQZC

Развитие теории карьеры: интегративная перспектива на основе идей П. Бурдьё

Ссылка для цитирования: Дианов Р. К. Развитие теории карьеры: интегративная перспектива на основе идей П. Бурдьё // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 168–188. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.9; EDN: WMAQZC.

For citation: Dianov R. K. Development of Career Theory: An Integrative Perspective Based on the Ideas of P. Bourdieu. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 168–188. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.9; EDN: WMAQZC.

**Дианов
Роман Константинович¹**

¹МГИМО МИД России,
Москва, Россия

r.dianov@inno.mgimo.ru

SPIN-код: 4379-8130

Аннотация. В статье представлен обзор развития теории карьеры в современной социологии труда, показана потенциальная эвристическая ценность интегративной концепции. Эволюция теоретических воззрений на карьеру связана с движением от традиционных субъективистского (Э. Хьюз и др.) и объективистского (Г. Виленски, У. Слокам и др.) подходов к более современным теоретическим моделям. Среди последних особую популярность и научно-исследовательскую значимость обрели концепции «протейной» (Д. Холл) и «безграничной» (М. Артур, Р. Дефиллиппи, Д. Руссо) карьеры. В сравнении с устоявшимся к 1950–1960-м гг. взглядом на карьеру как последовательное восхождение по корпоративной лестнице, имеющее преимущественно внешние атрибуты успеха (например, прибавление заработной платы, переход на более высокую должность), новые модели отражают социально-профессиональные, организационные и технологические трансформации рынка труда постиндустриального общества, подчеркивая множественность, гибкость и неоднозначность возможных направлений профессионального развития, доступных современному работнику. В социологии понятие карьеры, таким образом, в настоящий момент не ограничено внутриорганизационной вертикальной мобильностью, а подразумевает рассмотрение различных горизонтальных и межорганизационных перемещений, а также изучение субъективного взгляда работника на свой профессиональный рост. Акцент на агентности работника, свойственный новым концепциям, обуславливает необходимость разработки интегративного подхода к феномену карьеры. Такой подход дает возможность принять во внимание как индивидуально-личностные, так и контекстуальные (структурные) факторы, влияющие на профессиональное поведение. Интегративная перспектива позволяет отчасти сочетать в себе наработки в области исследований карьеры с принци-

пами выбранной социальной гранд-теории с целью предоставления ученому общей и комплексной концептуальной рамки. Разработка интегративного подхода, который учитывает социетальные факторы, влияющие на субъекта карьерного процесса, представляется перспективной. Автор предлагает использовать как ее основу систему понятий П. Бурдье (габитус, поле, капитал), которые находятся в динамическом взаимодействии и способны тем самым внести вклад в преодоление дихотомии структуры / агентства, присущей современным теориям карьеры.

Ключевые слова: карьера, исследования карьеры, карьерный габитус, теория карьеры, протейная карьера, безграничная карьера

Введение

В постиндустриальном обществе нестабильность и крайний динамизм рынка труда размывают четкие профессиональные траектории, предполагавшие последовательное и продолжительное карьерное продвижение в рамках одной организации [13; 43; 50]. Теперь многие работники активно перемещаются между компаниями, сферами деятельности и формами занятости, а также берут на себя инициативу и ответственность за собственный профессиональный успех, зачастую воспринимаемый по-своему [11; 30]. Подобные изменения, свидетельствующие о переориентации мотивационных установок и смене моделей занятости, актуализируют необходимость анализа теории карьеры, отражающей объективные и субъективные аспекты трансформации трудового поведения.

Карьера современного работника – крайне сложный, изменчивый и многогранный феномен, являющийся предметом изучения различных научных дисциплин: социологии, менеджмента человеческих ресурсов, психологии и др. В западной научной традиции существует отдельное направление – исследования карьеры (career studies), в основе которого лежит транс-, мульти- и междисциплинарность [2, с. 18–19; 7, р. 631–632]. В научной литературе отсутствует единое, конвенционально принятое определение или подход к карьере [3, с. 5–6]: можно даже сказать, что наличие множества терминов и концепций, часто не связанных друг с другом, представляет собой актуальную проблему для исследователей [15, р. 3–6].

Отметим, что в России не сформировалось особого исследовательского направления в области феномена карьеры, подобного западному, а осознание современных концепций карьерного развития среди научного сообщества находится на достаточно низком уровне [2, с. 19]. Вместе с тем в последнее время отечественные исследователи начинают проявлять все больше внимания к использованию иностранных наработок [см. напр., 1; 4]. Востребованность адаптации иностранных концепций для нашей страны обуславливается постепенным ослаблением негативного восприятия «карьеризма», связанным с развитием капиталистических отношений [42, р. 57–58].

Условно можно выделить два основных подхода к изучению феномена карьеры: объективистский и субъективистский [10; 12; 53]. Первый подход изначально акцентировал свое внимание на вертикальной социально-трудовой мобильности, главным образом – восходящих перемещениях внутри организации. Позже исследователей стали также интересовать различные горизонтальные переходы работников – между организациями, формами, типами занятости и т. п. Субъективистское понимание карьеры, в свою очередь, делает акцент на личных выборах и стратегиях индивидов. Карьерный успех и содержание профессионального пути рассматриваются с точки зрения личностного благополучия, внутренней гармонии и удовлетворенности.

Фундаментальный вопрос заключается в том, является ли карьера в основном результатом деятельности социальных институтов или действий личности [39, р. 327; 46, р. 216]. Поведение агента – социального субъекта, обладающего способностью к принятию самостоятельных решений, но находящегося под влиянием общественных структур, – может анализироваться не только через призму внутри- и межорганизационных ограничений, но и посредством изучения более широкого общественного контекста, в который он погружен [26]. Отмечается, что современная теория карьеры уделяет чрезмерное внимание агентности работника, т. е. его способности активно реализовывать свою профессионально-личностную траекторию, фактически игнорируя существующие структурные ограничения, а контекстуальные факторы зачастую сводятся к организациям [47, р. 330]. И индивиды, и макросоциальные условия, в которых они находятся, должны получать адекватное внимание со стороны научного сообщества [26; 46]. Чтобы преодолеть дихотомию структуры/агентства, присущую исследованиям карьеры, можно воспользоваться «большими» социологическими теориями, как например, концепцией П. Бурдье [19; 46].

Принимая во внимание множество альтернативных взглядов на феномен карьеры и упор современных концепций на активную самостоятельность работника, можно сформулировать проблему нашего исследования. Последняя заключается в необходимости разработки и совершенствования концептуальной рамки, которая учитывает как индивидуально-личностные, так и структурные факторы, влияющие на профессиональное поведение индивида. Цель статьи состоит, таким образом, в анализе эвристического потенциала интегративного подхода на основе концепции габитуса П. Бурдье как определенного шага к развитию и совершенствованию общей теории карьеры. Для достижения поставленной цели нами будут критически рассмотрены традиционные субъективистская и объективистская перспективы, а также две особо значимые современные модели – «безграничной» и «протейной» карьеры.

Субъективистский подход к карьере

Развитие субъективистского подхода к карьере обычно связывают с деятельностью Чикагской социологической школы (Э. Хьюз и др.) – научного сообщества, чьи труды 1920–1930-х гг. дали начало исследованиям

карьеры в их современном понимании [29, р. 131; 47, р. 328]. Чикагские социологи рассматривали карьеру как понятие, которое может быть использовано для описания и объяснения гораздо большего числа явлений, чем это принято сейчас [12, р. 45]. Так, представители данного подхода, помимо карьеры руководителей и врачей, изучали также карьеру потребителей марихуаны, бездомных, преступников и т. п. [12, р. 45; 47, р. 328].

С субъективистской точки зрения карьера выступает «движущейся перспективой», через которую индивид видит свою жизнь как единое целое и интерпретирует значение собственных качеств, действий, а также событий, которые с ним происходят [34, р. 409–410]. Карьера не ассоциирована исключительно с работой, она не является лишь серией деловых и профессиональных достижений, поскольку существуют иные возможности получения общественного признания [34, р. 410]. Труд, безусловно, связан с субъективным восприятием карьеры, но последняя им не исчерпывается [12, р. 47]. Понятие карьеры также не ограничивается описанием процесса смены ролей, выполняемых в рамках формальной организации [12, р. 47].

Карьера женщины, например, может заключаться в том, чтобы сохранять и заботиться о своей семье, а индивиды со скромными профессиональными достижениями могут добиться успехов в религиозных или общественных организациях [34, р. 411]. Карьеру, по мнению Э. Хьюза, можно построить не только в профессиональной сфере (vocation), но и в области собственных интересов (avocation) [34, р. 411]. Значит, в отличие от последователей линейной модели карьеры, о которой будет рассказано далее, представители субъективистского подхода считают вертикальную мобильность лишь только одним из возможных типов карьерного развития [12, р. 48].

Итак, понятие субъективной карьеры отражает социальную адаптацию индивидов к различным устоявшимся, институционализированным способам организации мира, а также взаимодействие между различными ролями, рисками и выборами индивида в течение его жизни [35, р. 129]. Понятие карьеры не сводится лишь к профессиональной деятельности и работе, по сути карьера – это то, что индивиды ею считают, определенные аспекты их жизненного пути. Субъективистский подход не получил широкой популярности среди исследователей, вероятно, в силу размытого понимания понятия карьеры и трудностей его операционализации.

Тем не менее, субъективное восприятие карьеры необходимо принимать во внимание при исследовании профессионального становления. Перемещение индивида на более высокую должность представляется не просто изменением положения в организационной иерархии, но событием, которое имеет некоторое символическое значение и собственные смыслы, обусловленные жизненной историей работника [53, р. 39]. Вследствие этого субъективистский подход может рассматриваться как исследовательская рамка для изучения личностных оценок (интерпретации) объективных продвижений индивида в иерархических структурах или между ними [53, р. 41]. Субъективные аспекты карьеры также станут достаточно важными в рамках новых концепций.

Объективистский подход: модель линейной карьеры

Классический социологический взгляд на карьеру, получивший свое развитие в 1950–1960-е гг. на фоне роста крупных иерархизированных организаций и кристаллизовавшийся, например, в работах Г. Виленски [58] и У. Слокама [52], связан с рассмотрением данного феномена с точки зрения линейной динамики [24; 29; 50]. Карьера предстает последовательной (и отчасти предсказуемой) сменой должностей, которые в свою очередь ранжированы по престижу [58, р. 523]. При рассмотрении карьеры в данном русле ключевое понятие – продвижение [24, р. 4]. Постулируется наличие однонаправленного вертикального движения работника в рамках организации, в которой он трудится [14, р. 60; 56].

Служебная иерархия представляет собой в целом понятную каждому члену общества «лестницу» должностей, по которой с течением времени работник «поднимается» [14, р. 60]. Поскольку должности отличаются друг от друга по своему престижу, карьера связана с восходящей трудовой мобильностью и получением внешних признаков успеха (например, ростом заработной платы) [14, р. 60]. «Идеальный» карьерный путь, в свою очередь, выглядит следующим образом: работник попадает в организацию и занимает низшую ступеньку служебной лестницы, затем последовательно продвигается на позиции, обладающие более высоким статусом (могут быть периоды стабилизации и спада [48]), а в конце концов покидает компанию и уходит на пенсию – окончание карьерного пути [52, р. 858]. Рост и прогресс в рамках иерархических уровней компании – основной аспект исследования в рамках данного подхода.

Карьера вместе с тем является одновременно и процессом (продвижение), и состоянием (зафиксированный во времени профессиональный статус со своими маркерами) [18, р. 470–471]. Карьерный статус является во многом ограниченным профессиональными должностями в рамках организационных систем, а карьерный процесс наблюдается только там, где существует иерархически упорядоченная структура, предполагающая достижение и продвижение на более ответственные и высокооплачиваемые должности [24, р. 4].

Карьерный процесс при этом понимается как источник общественной стабильности и социальной солидарности [58, р. 522–524], поскольку в основе данного подхода лежат принципы структурного функционализма, согласно которым индивиды воспитываются и социализируются для исполнения определенных ролей (включая профессиональные роли) в рамках общественной структуры. Линейные карьерные траектории – четкие профессиональные пути в рамках иерархичных бюрократических систем организаций – способствуют нормальному функционированию общества, обеспечивая распределение индивидов по статусам и ролям, соответствующим их способностям и особенностям социального происхождения.

Подобный взгляд на карьеру как на линейный процесс подвергается критике вследствие реификации (овеществления) и чрезмерной объективизации иерархических организационных структур, что приводит к убеж-

денности в существовании некоей «нормальной» карьеры, предполагающей непрерывную работу и регулярное продвижение по службе вплоть до самой высокой должности, которую работник может занять в течение своей жизни [24, р. 6–7]. Те карьерные пути, которые не сводятся к желанию индивида регулярно расти в должности, рассматриваются как «аномальные» и не достойные исследовательского внимания [24, р. 6–7].

Модель линейной карьеры с этой точки зрения можно представить как восхождение на гору: все хотят попасть на вершину и прикладывают для этого максимальные усилия [14, р. 61]. Таким образом, в основе указанного подхода лежит предпосылка о наличии у работников фактически одной цели – продвижения в должности¹ [24, р. 7], что, конечно, представляет собой некоторое упрощение социальной действительности, поскольку иные мотивы, устремления и ценности, которые индивиды привносят в свою карьеру, фактически игнорируются. Традиционная модель также опирается на предположения о стабильности среды и существовании иерархии, имеет фактически исключительно внутриорганизационный фокус [11, р. 8; 13, р. 125].

Кроме того, линейная модель не берет в расчет все более динамичную и непредсказуемую природу современных социально-трудовых отношений [13, р. 125–126]. Такие факторы, как экономические кризисы, реструктуризация организации, технологические изменения, колебания спроса на рынке труда, прекаризация рабочей силы и глобализационные вызовы разрушают модель линейной карьеры: теперь работник может (а в некоторой степени и вынужден) более активно перемещаться между организациями, сферами деятельности, формами и статусами занятости [43; 50].

В настоящий момент исследователи выступают за более целостный и индивидуализированный подход к рассмотрению феномена карьеры, учитывающий многомерность и разнообразие профессиональных устремлений и путей, выходящих за рамки линейных, внутриорганизационных траекторий.

Новые модели карьеры

Ответом на риски и вызовы усложненного социума, показавшими снизившуюся эвристическую ценность традиционного объективистского взгляда на карьеру, стало развитие новых концепций / моделей карьеры (*new career theories / new career models*) – группы подходов, постулирующих не однонаправленность движения работника, а наоборот, поливариативность – возможность индивида самостоятельно управлять собственной карьерой, выбирать различные (а не только организационные) треки карьерного развития [13; 14; 20; 22; 41; 56]. Современные модели карьеры стремятся отразить время, в котором мы живем, путем реакции на трансформацию организационных, профессиональных, национальных и глобальных границ; возросший уровень неопределенности вследствие быстрой генерации знаний; усиления агентности индивидов [6, р. 168; 50].

¹ А следовательно, в своем социально-экономическом статусе.

Среди новых моделей признание в исследовательских кругах получили концепции «безграничной» [8; 11; 23] и «протейной» [30; 31; 32; 33] карьеры [17, р. 30; 28, р. 23]. Вместе с ними к современным моделям могут быть, в частности, также отнесены концепции «пост-корпоративной» [50] и «калейдоскопической» [44] карьеры [6, р. 168; 20, р. 684; 22, р. 1032].

Концепция «протейной» карьеры (protean career) была разработана Д. Холлом, позитивно оценивающим субъективистский подход Э. Хьюза [33, р. 155–156], в 1970-е гг. [см. 31] свою популярность она, впрочем, начнет обретать лишь только во второй половине 1990-х гг. [56, р. 1544; 15, р. 11]. Прилагательное «протейный» связано с древнегреческой мифологией – с морским богом Протеем, который мог менять собственный облик по своему желанию [30, р. 4], – и означает гибкость, универсальность, изменчивость, поливариативность, агентность. Д. Холл опирается на предпосылку, согласно которой карьера представляет собой *определенную репрезентацию жизни индивида (выраженную в установках и моделях поведения) с точки зрения трудовой деятельности и условий труда* (в широком смысле) [30, р. 12]. В самом определении ключевого понятия прослеживается субъективно-психологическая ориентация исследователя.

Модель «протейной» карьеры строится вокруг базовых принципов: 1) самонаправленность (self-direction) индивида – его высокая роль и самодостаточность в процессе профессионального поведения, способность к обучению и адаптации; 2) внутриличностная (а не внешняя, в т. ч. организационная) ценностная обусловленность карьерного пути, устанавливающая субъективные параметры успеха [16; 17; 32; 33].

Таким образом, концепция Д. Холла подразумевает, что индивиды активно контролируют свой карьерный путь, поскольку именно они ответственны за него (постулируется противопоставление работника как активного субъекта и организации как элемента внешней среды). Трудящиеся проявляют адаптивность к изменениям, а также ищут возможности для развития и самосовершенствования [30]. Карьерные выборы и решения при этом должны определяться внутренними устремлениями индивида (связанными с психологическим успехом – удовлетворенностью работой, самореализацией и т. п.), а не внешними факторами (такими как размер оплаты труда, возможности для роста в должности и т. д.) [30, р. 4–7; 32, р. 8]. То есть «протейная» карьера – карьера, *движимая скорее индивидом, а не организацией* [30, р. 4–7], в ее основе лежат ценности свободы и развития, а также личностно-ориентированные критерии успеха [30; 32].

Итак, рассматриваемая модель предстает развитием скорее субъективистского подхода, поскольку делает акцент на внутриличностном содержании карьерного развития, независимости, проактивности и ценностных ориентациях работников, а не на перемещениях последних внутри и между организациями, отраслями и т. п. [17, р. 30–31; 28, р. 23], хотя Д. Холл и признает возросшие возможности трудящихся с точки зрения мобильности [30; 32, р. 4].

Если концепция «протейной» карьеры демонстрирует трансформацию ценностей, установок и образа мышления современного работника, то концепция «безграничной» карьеры, как будет показано далее, в большей степени отражает объективные изменения профессионального поведения (активные перемещения индивида в социально-трудовом пространстве) [16, р. 6; 41]. Обе эти концепции активно используются современными исследователями для анализа профессионального поведения и ориентаций индивидов и рассматриваются как две «жизнеспособные» теоретические модели [28, р. 23; 41].

М. Артур, Д. Холл и Б. Лоуренс предложили собственное определение карьеры как последовательности трудовых опытов индивида в течение некоторого времени [9, р. 8], ставшее достаточно популярным в исследовательских кругах. В соответствии с данной дефиницией, любой работающий индивид имеет карьеру [9, р. 9]. Подобное определение не содержит в себе каких-либо внутренних ограничений относительно потенциального места работы индивида и не сводит карьеру к восходящей трудовой мобильности [10, р. 179]. Карьера может быть связана как с вертикальной (восходящей и, в некоторых случаях, нисходящей), так и с горизонтальной мобильностью в организационных, профессиональных, отраслевых, национальных контекстах [10, р. 179]. Взяв за основу данное определение, М. Артур (с соавторами) разработал концепцию «*карьеры без границ*» [8; 11; 23].

«Организационная» карьера, понимаемая как восхождение по «четкому» профессиональному пути со своими статусными маркерами в рамках компании [20, р. 685], доминировала на Западе до середины 1980-х гг. и была связана с институтом стабильной занятости и порядками индустриального общества [11, р. 4–6]. Ей на смену пришла «безграничная карьера» / «карьера без границ» (*boundaryless career*), которая признает процесс постепенного размывания предсказуемых профессиональных траекторий XX в. [8; 11; 23; 27]. Понятие “*boundaryless career*” было впервые использовано М. Артуром и Р. Дефиллиппи на конференции Академии менеджмента в Атланте в 1993 г., посвященной устранению препятствий для работы и развития сотрудников внутри организаций [7, р. 627], затем данное понятие было концептуализировано и введено в научный оборот в 1994 г. [8; 23].

Цель разработки новой концепции состояла не в том, чтобы «свести на нет» линейную модель карьеры, а в том, чтобы продемонстрировать альтернативную точку зрения, которая способна более адекватно отражать динамичность рынка труда и позволяет изучать карьеру как межорганизационный (а не лишь внутриорганизационный) феномен [8, р. 297]. Вместе с тем в исследовательском фокусе концепции остаются организации, при этом, однако, подчеркивается, что карьера индивида часто выходит за рамки одной компании [6, р. 167–168].

«Карьера без границ» развивается на фоне изменения организационного ландшафта. В условиях неожиданных сокращений штата и реструктуризаций, развития новых форм занятости и технологических трансформаций карьерные компетенции сотрудников переосмысляются: теперь важно уметь эффективно работать и налаживать связи не только в одной органи-

зации [23]. Необходимо обладать компетенциями, которые могут пригодиться различным компаниям, множеством полезных контактов, а также поддерживать свою мотивацию и ставить цели [23, р. 308–311].

В общем приближении «карьера без границ» означает *совокупность возможностей для трудоустройства за пределами одного работодателя* [23, р. 307]. Понятие «безграничной» карьеры намеренно противопоставляется «ограниченной»¹ (т. е. внутриорганизационной, линейной) карьере и имеет, по мысли авторов, несколько значений, *объединенных принципом независимости от традиционных корпоративных ограничений* [8, р. 296; 11, р. 6; 7, р. 628]:

1. Перемещения между различными работодателями.
2. Получение рыночных возможностей вне текущего работодателя.
3. Обеспечение карьеры за счет внеорганизационных социальных и информационных сетей.
4. Нарушение традиционных (устоявшихся) принципов продвижения в организациях.
5. Отказ от карьерных возможностей из-за личных или семейных обстоятельств.
6. Возможное субъективное восприятие собственной карьеры, свободное от структурных ограничений.

Карьерный успех в рамках данной концепции может быть определен как достижение желаемых результатов, связанных с работой [10, р. 179]. Вместе с тем изучение карьерного успеха только через объективную или субъективную «призму» приводит к ограниченному видению социальной реальности, понять карьерный успех в действительности возможно только через сочетание двух обозначенных перспектив [10, р. 180]. «Двусторонность» карьеры предполагает необходимость рассмотрения как «физической» мобильности – вертикальных и горизонтальных переходов из одних организаций, должностей, профессиональных групп, отраслей и т. п. в другие, так и «психологической» – личного восприятия, оценки и стремления к подобным переходам, перемещениям [27, р. 391; 55, р. 21]. При этом исследователи, изучающие карьеру, склонны делать акцент преимущественно на «физической», а не «психологической» мобильности, вероятно, в силу удобства измерения и операционализации [55, р. 21].

Итак, «безграничная» карьера преодолевает ограничения компаний, связанные с иерархическими структурами, должностями и последовательным продвижением по службе. Современные работники строят свою карьеру в различных организациях, отраслях и географических точках, по-разному воспринимая свои трудовые достижения и изменения профессионального статуса.

¹ “bounded career”.

Интегративный подход

Несмотря на то, что рассмотренные ранее модели способны более адекватно отражать усложненные профессиональные пути современных трудящихся, они во многом фактически игнорируют известные, эмпирически обоснованные социологические теории и исследования, показывающие важность изучения классовой принадлежности индивида и объема имеющегося у него капитала (по сути, социетального контекста), как факторов, влияющих на построение карьеры [22, р. 1032–1033]. Использование устоявшихся социологических категорий (как, например, понятия *габитуса*) способно открыть новые горизонты при изучении феномена карьеры [22, р. 1033], поскольку и объективный (заработки, позиция в компании и т. п.), и субъективный (удовлетворенность) карьерный успех могут зависеть от особенностей социального происхождения индивида и других контекстуальных факторов [5].

Таким образом, остается актуальным вопрос дальнейшей разработки «общей» / «большой» теории карьеры (*grand career theory*) [15, р. 4; 26; 2, с. 26–27] – исследовательской рамки, которая может интегрировать в себе текущее знание в области исследований карьеры, а также связать его с социальными гранд-теориями¹ (П. Бурдье, Э. Гидденса, Н. Лумана, Дж. Коулмэна), открывающими более широкую перспективу на индивида, процесс принятия им решений и достижений результатов в карьерной сфере, т. е. обеспечить более полное понимание ориентаций индивидов на изменения и мобильность с точки зрения профессиональной деятельности [15; 19; 25]. Развитие подобной теории обусловлено в т. ч. необходимостью преодоления разобщенности существующих карьерных концепций и «волютаризма», приписываемого современному работнику [26, р. 2468–2472]. Определенную популярность среди исследователей карьеры, занимающихся данным вопросом, приобрел *габитуальный* подход, основанный на идеях Н. Элиаса и П. Бурдье.

Так, взяв за основу систему понятий теории практики П. Бурдье, группа исследователей – В. Майрхофер, А. Иелатчич, М. Мейер и др. – разработала в 2000–х гг. концепцию карьерного *габитуса*, поля и капитала, направленную на концептуализацию структурного контекста карьеры, а также карьерных ролей и стратегий агентов [36; 37; 48]. Безусловно, указанные авторы не были первыми, кто предложил изучать различные аспекты феномена карьеры с опорой на теорию П. Бурдье, вместе с тем их концепция является одним из наиболее системных, методологически проработанных и апробированных *габитуальных* подходов.

Карьерный путь не может быть полностью зависим лишь от социальных норм и структур или от свободного выбора индивида [45, р. 92]. Теория практики позволяет избежать необходимости выбирать между объ-

¹ Под гранд-теориями («большими» социальными / социологическими теориями) подразумеваются сформулированные на высоком уровне абстракции концептуальные системы, которые призваны объяснить различные аспекты функционирования общества и социального поведения на основе ряда фундаментальных принципов, постулирующих авторы.

ективистским и субъективистским подходами к карьере, а предполагает некоторого рода объединение этих перспектив [45, р. 92]. За счет гибкости теоретических конструкций П. Бурдье можно также рассматривать новые карьерные феномены, выходящие за рамки традиционной дихотомии «организация – индивид» [45, р. 92]. Габитуальный подход позволяет обеспечить концептуальную связь между индивидуально-личностной и контекстуальной перспективами, а также интегрировать существующие подходы из области исследований карьеры [46, р. 229–230].

Основные понятия габитуального подхода можно охарактеризовать следующим образом. Карьерный габитус – социально и исторически обусловленная система устойчивых диспозиций, которые влияют на жизненные выборы индивида относительно работы, профессионального развития [36, р. 738; 37; 45, р. 94–95] и т.п. Карьерный габитус находится в тесном взаимодействии с карьерным капиталом агента – экономическими, культурными и социальными ресурсами работника – и карьерным полем, представляющим собой общественно-трудовую сферу с собственными «правилами», в рамках которой актуализируется габитус индивида и свое признание получает тот или иной его капитал [36; 37; 38; 45; 48]. Если работа интерпретируется как преобразование культурного и социального капитала в экономический, то карьера – это смена позиций в ходе получения экономического капитала [38], т. е. процесс изменения положений агента в карьерном поле [48]. Используя вышеуказанные понятия, можно изучать, как общественные структуры, а также особенности социального происхождения и положения формируют стратегии карьерного поведения и на основе каких принципов индивиды взаимодействуют в конкурентной профессиональной среде, где распределяются специфические ключевые ресурсы.

Габитуальный подход (в своих различных проявлениях) к изучению карьеры остается востребованным среди научного сообщества вплоть до сегодняшнего дня. Например, К. Коуплэнд, например, использовала теоретическую схему П. Бурдье для исследования карьерных выборов профессиональных спортсменов в Великобритании [21]. Л. Макканн и Г. Монтит воспользовались понятиями карьерного габитуса, поля и капитала для изучения профессионального опыта японских менеджеров-репатриантов; была продемонстрирована важность роли габитуса в воспроизводстве практик [49]. Применение подхода П. Бурдье также нашло свое отражение в исследованиях профессиональной жизни мигрантов [40], отдельных профессиональных групп [54], студентов и выпускников [57; 37]. Нами показано, что специфический габитус определяет представления индивида о желаемых карьерных путях, а также влияет на выбор стратегий поиска работы и адаптации к изменениям рынка труда, готовность к профессиональной мобильности, склонность к риску и неопределенности. Кроме того, данный концепт помогает объяснить, почему представители различных социально-экономических групп и слоев по-своему воспринимают карьерные возможности – эти различия связаны с их социальным происхождением, объемом и структурой накопленного капитала, активностью в конкретном поле.

Итак, в сравнении с современными концепциями, фокусирующимися преимущественно на агентности работника, подход на основе концептуальной системы П. Бурдые предлагает более комплексную рамку для анализа карьерного поведения. Он позволяет учитывать как объективные ограничения и ресурсы, так и восприятие карьерных возможностей, формируемое габитусом, что, в свою очередь, дает возможность аналитически связать индивидуально-личностные установки, социально-экономические характеристики индивида, структуру рынка труда и специфику функционирования социальных институтов. Следовательно, габитуальный подход может оказаться полезным инструментом изучения карьерных установок и траекторий в условиях динамичных изменений института занятости и социально-профессиональной структуры.

Заключение

Теория карьеры прошла эволюцию от традиционных субъективистского (Э. Хьюз и др.) и объективистского (Г. Виленски, У. Слокам и др.) подходов к новым моделям, среди которых особую исследовательскую значимость обрели концепции «протейной» (Д. Холл) и «безграничной» (М. Артур, Р. Дефиллиппи, Д. Руссо) карьеры. В отличие от устоявшегося к 1950–1960-м гг. объективистского подхода, современные модели признают агентность работников, изменение их ценностных ориентаций и множественность возможных карьерных путей, поскольку принимают во внимание крайнюю подвижность и гибкость рынка труда, развитие нетипичных (в т. ч. внеорганизационных) форм занятости.

На текущий момент представления о карьере среди исследователей выходят за рамки традиционной организационной иерархии и вертикальной мобильности. Однако не следует гиперболизировать значимость нетрадиционных карьерных траекторий, возникших вследствие социально-экономических изменений: в массовом сознании по-прежнему продолжает существовать представление о «нормальной» карьере, связанной с последовательным ростом в должности, зарплате [51; 41] и т. п. Более того, карьерные пути даже в условиях неопределенности современного мира во многом остаются стабильны и линейны, поскольку организации в том или ином виде обычно сохраняют иерархическую структуру [13, р. 127–128].

Несмотря на появление новых концепций, дихотомия субъективистского (карьера как осознанный профессиональный путь, который находится в зависимости от персонального восприятия) и объективистского (карьера как структурно обусловленное движение индивидов в социально-трудовом пространстве) взглядов остается имманентной [22; 39]. Однако данная дихотомия может быть смягчена за счет использования и адаптации исследователями одной из «больших» социологических теорий, например теории практики П. Бурдые.

Использование гранд-теории, безусловно, не позволяет решить задачу объединения всех концептуальных подходов к карьере. Однако такая теория предоставляет ученым общую и достаточно хорошо разработанную исследовательскую рамку, которая позволяет изучать такой сложный и многоуровневый феномен, как карьера, под различными ракурсами, но при этом обеспечивает единство объяснительных принципов [36]. Не отрицая достижений современных концепций, свидетельствующих о появлении гибких, нелинейных и самонаправленных траекторий трудового развития, габитуальный подход дает возможность принять во внимание различные социетальные факторы, которые оказывают влияние на профессиональное поведение, но часто недооцениваются исследователями, и предстает шагом в направлении совершенствования общей теории карьеры. Дальнейшее развитие и апробация интегративного подхода, позволяющего сочетать различные теоретические наработки с конкретным социальным контекстом, представляются актуальной задачей для российского научного сообщества, особенно в условиях распространения нестандартной занятости и обостряющегося дефицита кадров в реальных и высокотехнологичных секторах экономики.

Библиографический список

1. Поварницына Ю. П. Межфирменная мобильность и успешность профессиональной карьеры работников интеллектуального труда // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. Т. 13. № 2. С. 161–173. DOI: 10.21638/spbu12.2020.204; EDN: HVOGKO.
2. Попова И. П. Исследования карьеры: ресурсы междисциплинарности в социологической перспективе // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 18–30. DOI: 10.31857/S013216250013019-3; EDN: BGXZHK.
3. Сорокин П. С. Теоретические и эмпирические исследования профессиональной карьеры: перспективы интеграции на основе теории П. Бурдье // Вестник РУДН. Социология. 2012. № 1. С. 5–15. EDN: OOBTJR.
4. Хасиева Д. Д. Карьерные ориентации женщин в России: калейдоскопная модель карьеры // Вестник СПбГУ. Менеджмент. 2021. Т. 20. № 3. С. 343–370. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2021.303; EDN: LJDEDW.
5. Andresen M., Stapf J. Is career what you make it? A critical review of research on social origin and career success // European Management Journal. 2023. Vol. 41. No. 6. P. 1056–1071. DOI: 10.1016/j.emj.2022.12.008.
6. Arthur M. B. Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry // Human Relations. 2008. Vol. 61. No. 2. P. 163–186. DOI: 10.1177/0018726707087783.
7. Arthur M. B. The boundaryless career at 20: Where do we stand, and where can we go? // Career Development International. 2014. Vol. 19. No. 6. P. 627–640. DOI: 10.1108/CDI-05-2014-0068.

8. Arthur M. B. The boundaryless career: A new perspective for organizational inquiry // *Journal of Organizational Behavior*. 1994. Vol. 15. No. 4. P. 295–306. DOI: 10.1002/job.4030150402.
9. Arthur M. B., Hall D. T., Lawrence B. S. Generating new directions in career theory: The case for a transdisciplinary approach // *Handbook of career theory* / Ed. by M. B. Arthur, D. T. Hall, B. S. Lawrence. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1989. P. 7–25. DOI: 10.1017/CBO9780511625459.003.
10. Arthur M. B., Khapova S. N., Wilderom C. P. M. Career success in a boundaryless career world // *Journal of Vocational Behavior*. 2005. Vol. 26. No. 2. P. 177–202. DOI: 10.1002/job.290.
11. Arthur M. B., Rousseau D. M. Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle // *The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era* / Ed. by M. B. Arthur, D. M. Rousseau. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 3–20.
12. Barley S. R. Careers, identities, and institutions: the legacy of the Chicago School of Sociology // *Handbook of career theory* / Ed. by M. B. Arthur, D. T. Hall, B. S. Lawrence. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1989. P. 41–65. DOI: 10.1017/CBO9780511625459.005.
13. Baruch Y. Career development in organizations and beyond: Balancing traditional and contemporary viewpoints // *Human Resource Management Review*. 2006. Vol. 16. No. 2. P. 125–138. DOI: 10.1016/j.hrmr.2006.03.002.
14. Baruch Y. Transforming careers: from linear to multidirectional career paths: Organizational and individual perspectives // *Career Development International*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 58–73. DOI: 10.1108/13620430410518147.
15. Baruch Y., Szűcs N., Gunz H. Career studies in search of theory: the rise and rise of concepts // *Career Development International*. 2015. Vol. 20. No. 1. P. 3–20. DOI: 10.1108/CDI-11-2013-0137.
16. Briscoe J. P., Hall D. T. The interplay of boundaryless and protean careers: Combinations and implications // *Journal of Vocational Behavior*. 2006. Vol. 69. No. 1. P. 4–18. DOI: 10.1016/j.jvb.2005.09.002.
17. Briscoe J. P., Hall D. T., Frautschy DeMuth R. L. F. Protean and boundaryless careers: An empirical exploration // *Journal of Organizational Behavior*. 2006. Vol. 69. No. 1. P. 30–47. DOI: 10.1016/j.jvb.2005.09.003.
18. Buzzanell P. M., Goldzwig S. R. Linear and Nonlinear Career Models: Metaphors, Paradigms, and Ideologies // *Management Communication Quarterly*. 1991. Vol. 4. No. 4. P. 466–505. DOI: 10.1177/0893318991004004004.
19. Chudzikowski K., Mayrhofer W. In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice // *Human Relations*. 2011. Vol. 64. No. 1. P. 19–36. DOI: 10.1177/0018726710384291.
20. Clarke M. The organizational career: not dead but in need of redefinition // *The International Journal of Human Resource Management*. 2013. Vol. 24. No. 4. P. 684–703. DOI: 10.1080/09585192.2012.697475.

21. Coupland C. Entry and exit as embodied career choice in professional sport // *Journal of Vocational Behavior*. 2015. Vol. 90. P. 111–121. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.08.003.
22. Cuzzocrea V., Lyon D. Sociological Conceptualisations of “Career”: A Review and Reorientation // *Sociology Compass*. 2011. Vol. 5. No. 12. P. 1029–1043. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2011.00429.x.
23. Defillippi R. J., Arthur M. B. The boundaryless career: A competency-based perspective // *Journal of Organizational Behavior*. 1994. Vol. 15. No. 4. P. 307–324. DOI: 10.1002/job.4030150403.
24. Evetts J. Dimensions of Career: Avoiding Reification in the Analysis of Change // *Sociology*. 1992. Vol. 26. No. 1. P. 1–21. DOI: 10.1177/0038038592026001002.
25. Gander M. A Holistic Career Framework: Integrating Bourdieu and career theory // *Australian Journal of Career Development*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 14–25. DOI: 10.1177/10384162211070081.
26. Garbe E., Duberley J. How careers change: understanding the role of structure and agency in career change. The case of the humanitarian sector // *The International Journal of Human Resource Management*. 2021. Vol. 32. No. 11. P. 2468–2492. DOI: 10.1080/09585192.2019.1588345.
27. Guan Y., Arthur M. B. et. al. Career boundarylessness and career success: A review, integration and guide to future research // *Journal of Vocational Behavior*. 2019. Vol. 110. Part B. P. 390–402. DOI: 10.1016/j.jvb.2018.05.013.
28. Gubler M., Arnold J., Coombs C. Reassessing the protean career concept: Empirical findings, conceptual components, and measurement // *Journal of Organizational Behavior*. 2014. Vol. 35. No. 1. P. 23–40. DOI: 10.1002/job.1908.
29. Gunz H., Mayrhofer W. Rethinking Career Studies: Facilitating Conversation across Boundaries with the Social Chronology Framework. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 318 p.
30. Hall D. T. Careers in and out of organizations. Thousand Oaks: Sage, 2002. 345 p. DOI: 10.4135/9781452231174.
31. Hall D. T. Careers in organizations. Glenview: Scott Foresman, 1976. 236 p.
32. Hall D. T. The protean career: a quarter-century journey // *Journal of Vocational Behavior*. 2004. Vol. 65. No. 1. P. 1–13. DOI: 10.1016/j.jvb.2003.10.006.
33. Hall D. T., Chandler D. E. Psychological success: When the career is a calling // *Journal of Organizational Behavior*. 2005. Vol. 26. No. 2. P. 155–176. DOI: 10.1002/job.301.
34. Hughes E. C. Institutional Office and the Person // *American Journal of Sociology*. 1937. Vol. 43. No. 3. P. 404–413. DOI: 10.1086/217711.
35. Hughes E. C. Men and Their Work. Glencoe: Free Press, 1958. 184 p.

36. Iellatchitch A., Mayrhofer W., Meyer M. Career fields: a small step towards a grand career theory? // International Journal of Human Resource Management. 2003. Vol. 14. No. 5. P. 728–750. DOI: 10.1080/095851903200080776.

37. Iellatchitch A., Mayrhofer W., Meyer M. Career Habitus Revisited. Complicated and Incomprehensible Answers to Questions Nobody Asked? // 21st colloquium of the European Group for Organizational Studies (EGOS). Berlin, 2005. URL: https://www.wu.ac.at/fileadmin/wu/o/vicapp/egos_2005_habitus_revisited.pdf (дата обращения: 06.07.2024).

38. Iellatchitch A., Mayrhofer W., Meyer M. The Fields of Career: Towards a new Theoretical Perspective // 17th colloquium of the European Group for Organizational Studies (EGOS). Lyon, 2001. URL: https://www.wu.ac.at/fileadmin/wu/o/vicapp/Iellatchitch_et_al_Fields_EGOS_28_Mai_01.pdf (дата обращения: 06.07.2024).

39. Inkson K., Gunz H., Ganesh S., Roper J. Boundaryless Careers: Bringing Back Boundaries // Organization Studies. 2012. Vol. 33. No. 3. P. 323–340. DOI: 10.1177/0170840611435600.

40. Joy S., Game A. M., Toshniwal I. G. Applying Bourdieu's capital-field-habitus framework to migrant careers: taking stock and adding a transnational perspective // The International Journal of Human Resource Management. 2020. Vol. 31. No. 20. P. 2541–2564. DOI: 10.1080/09585192.2018.1454490.

41. Kim S., Hood M., Creed P. A., Bath D. The underlying career values of young adults' protean and traditional career orientations // International Journal for Educational and Vocational Guidance. 2023. Vol. 25(1). P. 207–229. DOI: 10.1007/s10775-023-09593-z.

42. Korotov K., Khapova S., Lysova E. Career reinvention in Russia // Understanding Careers Around the Globe / Ed. by J. Briscoe, M. Dickmann et al. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023. P. 56–63. DOI: 10.4337/9781035308415.00014.

43. Lakshminarayanan S., Best S. Career Forms: Organizational, Gig, and In-Between // The Business and Management Review. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 215–221. DOI: 10.24052/BMR/V11NU01/ART-23.

44. Mainiero L. A., Sullivan S. E. Kaleidoscope careers: An alternate explanation for the “opt-out” revolution // Academy of Management Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 106–123. DOI: 10.5465/ame.2005.15841962.

45. Mayrhofer M., Meyer M. et al. Can Expatriation Research Learn from Other Disciplines? The Case of International Career Habitus // International Studies of Management & Organization. 2007. Vol. 37. No. 3. P. 89–107. DOI: 10.2753/IMO0020-8825370304.

46. Mayrhofer W., Meyer M., Steyrer J. Contextual issues in the study of careers // Handbook of Career Studies / Ed. by H. P. Gunz, M. Peiperl. Thousand Oaks: Sage, 2007. P. 215–240. DOI: 10.4135/9781412976107.

47. Mayrhofer W., Smale A. et al. Laying the foundations of international careers research // Human Resource Management Journal. 2020. Vol. 30. No. 3. P. 327–342. DOI: 10.1111/1748-8583.12295.

48. Mayrhofer W., Steyrer J. et al. Towards a habitus based concept of managerial careers // Annual Meeting of the Academy of Management. Toronto, 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/261724086_Towards_a_Habitus_Based_Concept_of_Manual_Careers (дата обращения: 06.07.2024).
49. McCann L., Monteath G. Restoring the missing context in HRM: Habitus, capital and field in the reproduction of Japanese repatriate careers // Human Resource Management Journal. 2020. Vol. 30. No. 4. P. 478–493. DOI: 10.1111/1748-8583.12279.
50. Peiperl M., Baruch Y. Back to square zero: The post-corporate career // Organizational Dynamics. 1997. Vol. 25. No. 4. P. 7–22. DOI: 10.1016/S0090-2616(97)90033-4.
51. Potter J. The Ghost of the Stable Path: Stories of Work-life Change at the “End of Career” // Work, Employment & Society. 2020. Vol. 34. No. 4. P. 571–586. DOI: 10.1177/0950017019870751.
52. Slocum W. L. Occupational Careers in Organizations: A Sociological Perspective // The Personnel and Guidance Journal. 1965. Vol. 43. No. 9. P. 858–866. DOI: 10.1002/j.2164-4918.1965.tb02835.x.
53. Stebbins R. A. Career: The Subjective Approach // The Sociological Quarterly. 1970. Vol. 11. No. 1. P. 32–49.
54. Stewart C., Fielding A. Exploring the Embodied Habitus of Early Career Social Workers // Australian Social Work. 2022. Vol. 75. No. 4. P. 495–507. DOI: 10.1080/0312407X.2021.1980070.
55. Sullivan S. E., Arthur M. B. The evolution of the boundaryless career concept: Examining physical and psychological mobility // Journal of Vocational Behavior. 2006. Vol. 69. No. 1. P. 19–29. DOI: 10.1016/j.jvb.2005.09.001.
56. Sullivan S. E., Baruch Y. Advances in Career Theory and Research: A Critical Review and Agenda for Future Exploration // Journal of Management. 2009. Vol. 35. No. 6. P. 1542–1571. DOI: 10.1177/0149206309350082.
57. Thi Tran L., Thi Quy Do T., Bui H. “Employability in context”: The importance of considering contextual factors in reimagining employability through Australian student mobility to the Indo-Pacific region // Higher Education Quarterly. 2021. Vol. 75. No. 4. P. 591–607. DOI: 10.1111/hequ.12303.
58. Wilensky H. L. Orderly Careers and Social Participation: The Impact of Work History on Social Integration in the Middle Mass // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. No. 4. P. 521–539. DOI: 10.2307/2090251.

Получено редакцией: 30.07.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дианов Роман Константинович, аналитик 2 категории Отдела качества образования
Управления учебно-организационной работы, аспирант кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.9

Development of Career Theory: An Integrative Perspective Based on the Ideas of P. Bourdieu

Roman K. Dianov

MGIMO University, Moscow, Russia

r.dianov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0009-0003-6382-383X

For citation: Dianov R. K. Development of Career Theory: An Integrative Perspective Based on the Ideas of P. Bourdieu. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 168–188. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.9; EDN: WMAQZC.

Abstract. The paper presents an overview of the development of career theory in modern sociology of labour and shows the potential heuristic value of the integrative concept. The evolution of theoretical views on career is associated with the movement from traditional subjectivist (E. Hughes et al.) and objectivist (G. Wilensky, W. Slocum et al.) approaches to more modern theoretical models. Among the latter, the concepts of “proteic” (D. Hall) and “boundless” (M. Arthur, R. DeFillippi, D. Russo) career have gained particular popularity and scientific research significance. In comparison with the established by the 1950-1960s view of a career as a consistent ascent up the corporate ladder, with predominantly external attributes of success (e.g., a salary increase, a move to a higher position), new models reflect the socio-professional, organisational and technological transformations of the labour market of a post-industrial society, emphasising the multiplicity, flexibility and ambiguity of possible directions of professional development available to a modern employee. In sociology, the concept of a career is thus currently not limited to intra-organisational vertical mobility, but implies consideration of various horizontal and inter-organisational movements, as well as the study of the employees subjective views of their professional growth. The emphasis on the employee’s agency, inherent in new concepts, necessitates the development of an integrative approach to the phenomenon of career. Such an approach opens the possibility to take into account both individual-personal and contextual (structural) factors influencing professional behaviour. An integrative perspective allows partly to combine developments in the field of career research with the principles of the chosen social grand-theory in order to provide the scientist with a general and comprehensive conceptual framework. The development of an integrative approach that takes into account the societal factors influencing the subject of the career process has a promising perspective. The author suggests using as its basis the system of concepts by P. Bourdieu (habitus, field, capital), that are in dynamic interaction and are thus capable of contributing to overcoming the structure/agency dichotomy inherent in modern career theories.

Keywords: career, career research, career habitus, career theory, protean career, boundaryless career

References

1. Povarnitsyna Yu. P. Interfirm mobility and career success of knowledge workers. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, 2020: 13(2): 161–173 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2020.204; EDN: HVOGKO.
2. Popova I. P. Career Studies: Resources of Interdisciplinarity in a Sociological Perspective. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 12: 18–30 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250013019-3; EDN: BGXZHK.
3. Sorokin P. S. Theoretical and Empirical Studies of the Professional Career: Integration Prospects on the Basis of P. Bourdieu’s Theory. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2012: 1: 5–15 (in Russ.). EDN: OOBTJR.
4. Khasieva D. D. Career orientations of women in Russia: The kaleidoscope career model. *Vestnik SPbGU. Menedzhment*, 2021: 20(3): 343–370 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu08.2021.303; EDN: LJDEDW.
5. Andresen M., Stapf J. Is career what you make it? A critical review of research on social origin and career success. *European Management Journal*, 2023: 41(6): 1056–1071. DOI: 10.1016/j.emj.2022.12.008.
6. Arthur M. B. Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry. *Human Relations*, 2008: 61(2): 163–186. DOI: 10.1177/0018726707087783.
7. Arthur M. B. The boundaryless career at 20: Where do we stand, and where can we go? *Career Development International*, 2014: 19(6): 627–640. DOI: 10.1108/CDI-05-2014-0068.

8. Arthur M. B. The boundaryless career: A new perspective for organizational inquiry. *Journal of Organizational Behavior*, 1994: 15(4): 295–306. DOI: 10.1002/job.4030150402.
9. Arthur M. B., Hall D. T., Lawrence B. S. Generating new directions in career theory: The case for a transdisciplinary approach. In *Handbook of career theory*. Ed. by M. B. Arthur, D. T. Hall, B. S. Lawrence. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1989: 7–25. DOI: 10.1017/CBO9780511625459.003.
10. Arthur M. B., Khapova S. N., Wilderom C. P. M. Career success in a boundaryless career world. *Journal of Vocational Behavior*, 2005: 26(2): 177–202. DOI: 10.1002/job.290.
11. Arthur M. B., Rousseau D. M. Introduction: The Boundaryless Career as a New Employment Principle. In *The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era*. Ed. by M. B. Arthur, D. M. Rousseau. New York, Oxford University Press, 2001: 3–20.
12. Barley S. R. Careers, identities, and institutions: the legacy of the Chicago School of Sociology. In *Handbook of career theory*. Ed. by M. B. Arthur, D. T. Hall, B. S. Lawrence. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1989: 41–65. DOI: 10.1017/CBO9780511625459.005.
13. Baruch Y. Career development in organizations and beyond: Balancing traditional and contemporary viewpoints. *Human Resource Management Review*, 2006: 16(2): 125–138. DOI: 10.1016/j.hrmr.2006.03.002.
14. Baruch Y. Transforming careers: from linear to multidirectional career paths: Organizational and individual perspectives. *Career Development International*, 2004: 9(1): 58–73. DOI: 10.1108/13620430410518147.
15. Baruch Y., Szűcs N., Gunz H. Career studies in search of theory: the rise and rise of concepts. *Career Development International*, 2015: 20(1): 3–20. DOI: 10.1108/CDI-11-2013-0137.
16. Briscoe J. P., Hall D. T. The interplay of boundaryless and protean careers: Combinations and implications. *Journal of Vocational Behavior*, 2006: 69(1): 4–18. DOI: 10.1016/j.jvb.2005.09.002.
17. Briscoe J. P., Hall D. T., Frautschy DeMuth R. L. F. Protean and boundaryless careers: An empirical exploration. *Journal of Organizational Behavior*, 2006: 69(1): 30–47. DOI: 10.1016/j.jvb.2005.09.003.
18. Buzzanell P. M., Goldzwig S. R. Linear and Nonlinear Career Models: Metaphors, Paradigms, and Ideologies. *Management Communication Quarterly*, 1991: 4(4): 466–505. DOI: 10.1177/0893318991004004004.
19. Chudzikowski K., Mayrhofer W. In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice. *Human Relations*, 2011: 64(1): 19–36. DOI: 10.1177/0018726710384291.
20. Clarke M. The organizational career: not dead but in need of redefinition. *The International Journal of Human Resource Management*, 2013: 24(4): 684–703. DOI: 10.1080/09585192.2012.697475.
21. Coupland C. Entry and exit as embodied career choice in professional sport. *Journal of Vocational Behavior*, 2015: 90: 111–121. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.08.003.
22. Cuzzocrea V., Lyon D. Sociological Conceptualisations of “Career”: A Review and Reorientation. *Sociology Compass*, 2011: 5(12): 1029–1043. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2011.00429.x.
23. Defillippi R. J., Arthur M. B. The boundaryless career: A competency-based perspective. *Journal of Organizational Behavior*, 1994: 15(4): 307–324. DOI: 10.1002/job.4030150403.
24. Evetts J. Dimensions of Career: Avoiding Reification in the Analysis of Change. *Sociology*, 1992: 26(1): 1–21. DOI: 10.1177/0038038592026001002.
25. Gander M. A Holistic Career Framework: Integrating Bourdieu and career theory. *Australian Journal of Career Development*, 2022: 31(1): 14–25. DOI: 10.1177/10384162211070081.
26. Garbe E., Duberley J. How careers change: understanding the role of structure and agency in career change. The case of the humanitarian sector. *The International Journal of Human Resource Management*, 2021: 32(11): 2468–2492. DOI: 10.1080/09585192.2019.1588345.
27. Guan Y., Arthur M. B. et. al. Career boundarylessness and career success: A review, integration and guide to future research. *Journal of Vocational Behavior*, 2019: 110 (Part B): 390–402. DOI: 10.1016/j.jvb.2018.05.013.
28. Gubler M., Arnold J., Coombs C. Reassessing the protean career concept: Empirical findings, conceptual components, and measurement. *Journal of Organizational Behavior*, 2014: 35(1): 23–40. DOI: 10.1002/job.1908.

29. Gunz H., Mayrhofer W. *Rethinking Career Studies: Facilitating Conversation across Boundaries with the Social Chronology Framework*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017: 318. DOI: 10.1017/9781107414952.
30. Hall D. T. *Careers in and out of organizations*. Thousand Oaks, Sage, 2002: 345. DOI: 10.4135/9781452231174.
31. Hall D. T. *Careers in organizations*. Glenview, Scott Foresman, 1976: 236.
32. Hall D. T. The protean career: a quarter-century journey. *Journal of Vocational Behavior*, 2004: 65(1): 1–13. DOI: 10.1016/j.jvb.2003.10.006.
33. Hall D. T., Chandler D. E. Psychological success: When the career is a calling. *Journal of Organizational Behavior*, 2005: 26(2): 155–176. DOI: 10.1002/job.301.
34. Hughes E. C. Institutional Office and the Person. *American Journal of Sociology*, 1937: 43(3): 404–413. DOI: 10.1086/217711.
35. Hughes E. C. *Men and Their Work*. Glencoe, Free Press, 1958: 184.
36. Iellatchitch A., Mayrhofer W., Meyer M. Career fields: a small step towards a grand career theory? *International Journal of Human Resource Management*, 2003: 14(5): 728–750. DOI: 10.1080/0958519032000080776.
37. Iellatchitch A., Mayrhofer W., Meyer M. Career Habitus Revisited. Complicated and Incomprehensible Answers to Questions Nobody Asked? 21st colloquium of the European Group for Organizational Studies (EGOS). Berlin, 2005. Accessed 06.07.2024. URL: https://www.wu.ac.at/fileadmin/wu/o/vicapp/egos_2005_habitus_revisited.pdf
38. Iellatchitch A., Mayrhofer W., Meyer M. The Fields of Career: Towards a new Theoretical Perspective. 17th colloquium of the European Group for Organizational Studies (EGOS). Lyon, 2001. Accessed 06.07.2024. URL: https://www.wu.ac.at/fileadmin/wu/o/vicapp/Iellatchitch_et_al_Fields_EGOS_28_Mai_01.pdf
39. Inkson K., Gunz H. et al. Roper J. Boundaryless Careers: Bringing Back Boundaries. *Organization Studies*, 2012: 33(3): 323–340. DOI: 10.1177/0170840611435600.
40. Joy S., Game A. M., Toshniwal I. G. Applying Bourdieu's capital-field-habitus framework to migrant careers: taking stock and adding a transnational perspective. *The International Journal of Human Resource Management*, 2020: 31(20): 2541–2564. DOI: 10.1080/09585192.2018.1454490.
41. Kim S., Hood M., Creed P. A., Bath D. The underlying career values of young adults' protean and traditional career orientations. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, 2023: 25(1): 207–229. DOI: 10.1007/s10775-023-09593-z.
42. Korotov K., Khapova S., Lysova E. Career reinvention in Russia. In *Understanding Careers Around the Globe*. Ed. by J. Briscoe, M. Dickmann et al. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited, 2023: 56–63. DOI: 10.4337/9781035308415.00014.
43. Lakshminarayanan S., Best S. Career Forms: Organizational, Gig, and In-Between. *The Business and Management Review*, 2020: 11(1): 215–221. DOI: 10.24052/BMR/V11NU01/ART-23.
44. Mainiero L. A., Sullivan S. E. Kaleidoscope careers: An alternate explanation for the "opt-out" revolution. *Academy of Management Perspectives*, 2005: 19(1): 106–123. DOI: 10.5465/ame.2005.15841962.
45. Mayrhofer M., Meyer M. et al. Can Expatriation Research Learn from Other Disciplines? The Case of International Career Habitus. *International Studies of Management & Organization*, 2007: 37(3): 89–107. DOI: 10.2753/IMO0020-8825370304.
46. Mayrhofer W., Meyer M., Steyrer J. Contextual issues in the study of careers. In *Handbook of Career Studies*. Ed. by H. P. Gunz, M. Peiperl. Thousand Oaks, Sage, 2007: 215–240. DOI: 10.4135/9781412976107.
47. Mayrhofer W., Smale A., Briscoe J. et al. Laying the foundations of international careers research. *Human Resource Management Journal*, 2020: 30(3): 327–342. DOI: 10.1111/1748-8583.12295.
48. Mayrhofer W., Steyrer J., Meyer M. et al. Towards a habitus based concept of managerial careers. Annual Meeting of the Academy of Management. Toronto, 2000. Accessed 06.07.2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/261724086_Towards_a_Habitus_Based_Concept_of_Manageerial_Careers

49. McCann L., Monteath G. Restoring the missing context in HRM: Habitus, capital and field in the reproduction of Japanese repatriate careers. *Human Resource Management Journal*, 2020: 30(4): 478–493. DOI: 10.1111/1748-8583.12279.
50. Peiperl M., Baruch Y. Back to square zero: The post-corporate career. *Organizational Dynamics*, 1997: 25(4): 7–22. DOI: 10.1016/S0090-2616(97)90033-4.
51. Potter J. The Ghost of the Stable Path: Stories of Work-life Change at the “End of Career”. *Work, Employment & Society*, 2020: 34(4): 571–586. DOI: 10.1177/0950017019870751.
52. Slocum W. L. Occupational Careers in Organizations: A Sociological Perspective. *The Personnel and Guidance Journal*, 1965: 43(9): 858–866. DOI: 10.1002/j.2164-4918.1965.tb02835.x.
53. Stebbins R. A. Career: The Subjective Approach. *The Sociological Quarterly*, 1970: 11(1): 32–49.
54. Stewart C., Fielding A. Exploring the Embodied Habitus of Early Career Social Workers. *Australian Social Work*, 2022: 75(4): 495–507. DOI: 10.1080/0312407X.2021.1980070.
55. Sullivan S. E., Arthur M. B. The evolution of the boundaryless career concept: Examining physical and psychological mobility. *Journal of Vocational Behavior*, 2006: 69(1): 19–29. DOI: 10.1016/j.jvb.2005.09.001.
56. Sullivan S. E., Baruch Y. Advances in Career Theory and Research: A Critical Review and Agenda for Future Exploration. *Journal of Management*, 2009: 35(6): 1542–1571. DOI: 10.1177/0149206309350082.
57. Thi Tran L., Thi Quy Do T., Bui H. “Employability in context”: The importance of considering contextual factors in reimagining employability through Australian student mobility to the Indo-Pacific region. *Higher Education Quarterly*, 2021: 75(4): 591–607. DOI: 10.1111/hequ.12303.
58. Wilensky H. L. Orderly Careers and Social Participation: The Impact of Work History on Social Integration in the Middle Mass. *American Sociological Review*, 1961: 26(4): 521–539. DOI: 10.2307/2090251.

The article was submitted on: July 30, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman K. Dianov, Analyst at the Education Quality Department of the Educational and Organizational Work Directorate, Postgraduate Student at the Sociology Department

Трибуна молодого ученого

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.10

EDN: RVYGNF

Национальные виды спорта в жизни региональной молодежи (пример Республики Бурятия)

Ссылка для цитирования: Брыкова С. С. Национальные виды спорта в жизни региональной молодежи (пример Республики Бурятия) // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 2. С. 189–207. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.10; EDN: RVYGNF.

For citation: Brykova S. S. National sports in the life of regional youth (the case of the Republic of Buryatia). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 189–207. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.10; EDN: RVYGNF.

Брыкова Светлана Сергеевна¹

¹Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

s8yckova@yandex.ru

SPIN-код: 4428-1162

Аннотация. Статья посвящена анализу значения национальных видов спорта для молодежи Бурятии. Согласно гипотезе исследования это значение шире, чем только физическое развитие. В числе прочего через национальные виды спорта можно реализовывать государственную политику по сохранению и развитию традиционных ценностей, а также уменьшать риск девиаций среди молодежи.

На сегодняшний день среди региональной молодежи набирают популярность эгоистические мотивы занятий физической культурой и спортом. В тоже время, молодежь не ограничивается фитнесом и несколькими популярными видами спорта, национальные виды спорта также активно развиваются в регионах, в том числе и в молодежной среде. Цель данной статьи – определить, как влияет на молодых людей занятие данными видами спорта, в чем их отличие от широко распространенных направлений физической культуры и спорта. Теоретической основой данной работы послужили труды бурятских и якутских исследователей, эмпирической – данные ВЦИОМ и Министерств спорта России и Бурятии, а также результаты самостоятельного исследования автора.

Опрос был проведен среди профессиональных спортсменов, спортсменов-любителей, тренеров, представителей органов управления физической культурой и спортом, а также спортивных болельщиков со стажем, вовлеченных в национальный спорт. Возраст опрошенных – от 14 до 78 лет. Таким образом, опрашивалась и непосредственно современная молодежь, и учитывалось мнение о ней со стороны вовлеченных в работу с ней лиц. Опрос проводился на юбилейном культурно-спортивном празднике национальных видов спорта «Надаан Сурхарбаан»-2024, поэтому выборка представлена всеми муниципальными районами Республики Бурятия и региональным центром, за исключением двух, не участвовавших в соревнованиях, районов.

В заключение автор приходит к выводу о том, что сегодня, когда из-за антиросийских политически мотивированных рестрикций спорт высших достижений находится в сложном положении, необходимо уделить особое внимание развитию массового спорта, и его неотъемлемой части – национальным видам. Они могут стать одной из значимых составляющих гармоничного социального развития регионов с учетом особенностей традиций и уникальной культуры народов РФ.

Ключевые слова: социология спорта, национальные виды спорта, молодежь, Республика Бурятия, физическая культура и спорт, традиционные ценности

Введение

Молодежь сегодня является одной из самых динамично развивающихся и одновременно уязвимых социальных групп. На молодых людей возрастной группы от 14 до 35 лет обращено пристальное внимание государства, поскольку они являются будущим страны и ее регионов. Республика Бурятия характеризуется высоким уровнем оттока молодежи [6, с. 76] и девиаций в молодежной среде [3, с. 54]. Мы полагаем, что в решении этих проблем может помочь вовлечение молодежи региона в физическую культуру и спорт, и, в частности, национальные виды спорта, как способ укрепления культурных связей с малой родиной, поддержания локальной самобытности. Можно предположить, что это позволит снизить миграционные настроения и предотвратить девиантное поведение.

В Бурятии признаны национальными шесть видов спорта и их перечень определен региональным законом о физической культуре и спорте¹. На начало 2025 г. к ним относятся: борьба «Бухэ Барилдаан»², стрельба из национального лука «Сурхарбан»³, конные скачки «Мори Урилдаан»⁴, шахматы «Шатар»⁵, разбивание хребтовой кости «hээр шаалган» (Сээр хухалха)⁶. Национальная игра в кости «Шагай наадан»⁷ получила закрепление в вышеуказанном законе только сентябре 2024 г.

¹ Закон Республики Бурятия от 1 февраля 1996 г. №250-I «О физической культуре и спорте», ст. 17.1.

² Традиционная бурятская борьба, где проигравшим считается тот, кто первым коснулся земли.

³ Отличается от обычной стрельбы из лука особой конструкцией лука, стрел и мишеней – сур (по одной из версий сур – это солнце, поэтому Сурхарбан – это «стрельба по солнцу» в начале лета, прогоняющая засуху).

⁴ От обычных конных скачек отличаются способом управления лошастью, породой и требованиями к лошади.

⁵ От обычных шахмат отличаются формой доски, фигур и правилами. Например, в «Шатар» конь не может поставить мат и нет рокировки.

⁶ Разбивание хребтовой кости крупного рогатого скота.

⁷ Традиционная игра в кости (используется баранья лодыжка), символ скотоводства. Положение костей имеет название по пяти основным сельскохозяйственным животным: коза, овца, верблюд, корова и лошадь.

Особенность национальных видов спорта заключается в том, что участие в них не имеет целью становление профессионального спортсмена. Для этого нет финансовых и правовых условий, несмотря на наличие соревнований с международным участием. При этом в национальных видах спорта могут участвовать профессиональные спортсмены (например, участвовать в бурятской борьбе могут борцы вольного стиля или участвовать в «Шатар» могут шахматисты ФИДЕ), что способствует их популяризации. Чаще всего соревнования по национальным видам спорта проводятся в рамках фестивалей и иных событий, в т. ч. религиозных (например, XVII международный турнир по «Бухэ Барилдаан», посвященный богине Белая Тара – Хандома Цагаан Дарьхи). Одним из крупнейших событий является республиканский ежегодный Сурхарбан (также называется Надаан Сурхарбаан¹). Это традиционный летний праздник у народов, имеющих монгольские корни², также известный как «Эрын гурбан наадан», или «Три игрища мужей» (стрельба из лука, конные скачки и борьба).

В настоящее время программа Сурхарбана расширена включением других национальных видов спорта, а также в нем теперь принимают участие женщины (кроме борьбы «Бухэ барилдаан»), что ранее было недопустимо согласно традициям. Сурхарбан является неотъемлемой частью традиционной культуры Бурятии, поэтому его проводят и в других регионах России, где есть бурятские землячества³. Не менее важным является то, что праздник сначала проходит в районах, а затем уже на республиканском уровне, что позволяет активнее привлекать к участию сельскую молодежь.

Кроме Сурхарбана, в Бурятии проводятся и другие соревнования, посвященные национальным видам спорта. Одним из наиболее крупных является международный ежегодный бурятский фестиваль Алтаргана, который по очереди проходит в Бурятии, соседних Иркутской области и Забайкальском крае, а также Монголии⁴. Не менее популярны ежегодные турниры по борьбе «Бухэ барилдаан», кроме того развиваются и формируют свои фестивали также и другие виды национального спорта. Например, фестиваль «Бархан Уула»⁵ в Баргузинском районе Бурятии, в рамках которого были проведены соревнования по «hээр шаалган»; международный этнофестиваль «Алтан Мундарга», где также проводили такие соревнова-

¹ Надаан Сурхарбаан // Байкалтревел. URL: <https://baikaltravel.ru/journal/381-journal/517-kalendar-sobytij-2> (дата обращения: 21.04.2025).

² Проводится с 1924 г. и гораздо раньше в селах и районах. В Монголии и Туве его называют Наадам, в Иркутской области – Сур-Харбан, в Бурятии и бурятских районах Забайкальского края – Сурхарбан.

³ Культурно-спортивный праздник Сурхарбан-2023 состоялся 11 июня 2023 г. в физкультурно-спортивном комплексе «Заречье» г. Подольска // Представительство Забайкальского края при Правительстве РФ. URL: <https://predpravkr.75.ru/novosti/324729> (дата обращения: 21.04.2025).

⁴ Официальный сайт фестиваля Алтаргана URL: <https://www.altargana.info/> (дата обращения: 21.04.2025).

⁵ В Баргузинском районе прошел этнокультурный фестиваль «Бархан Уула» // БГТРК URL: <https://bgtrk.ru/news/society/253804/> (дата обращения: 21.04.2025).

ния. Фестиваль проводился в седьмой раз, в нем приняли участие 676 мужчин и 25 женщин (от 6 до 69 лет) из регионов России и Монголии¹, что имеет консолидирующее значение для регионов и поколений.

Вовлеченная в состязания молодежь получает возможность погрузиться в этно-культурно-творческую среду своего народа. Это может иметь важное значение с точки зрения преемственности поколений и сохранения культурной традиции региона, так как достигается через погружение в них посредством занятий национальными видами.

Физическая культура и спорт (ФКС) особенно распространены среди молодежи (самые спортивные среди них – зумеры и младшие миллениалы), что подтверждается данными опросов ВЦИОМ². Через них можно популяризировать и традиционные ценности, сохранение которых входит в стратегические цели развития региона.

Теоретико-методологические основания исследования

Представленное исследование выполнено на стыке нескольких важных научных направлений: социологии спорта, социологии молодежи и этносоциологии (исследование природы национальных видов спорта).

Молодежь – это динамичная социальная группа, проходящая трансформацию, в т. ч. через ФКС как социальный институт. Так, Л. И. Лубышева отмечает: «Степень эффективности социализации посредством спортивной деятельности во многом зависит от того, насколько ценность спорта как социального института совпадает с общественно значимыми ценностями, разделяемыми индивидами, представляющими, в том числе молодежь как особую социально-демографическую группу» [8, с. 142]. ФКС в ее физкультурно-оздоровительной части отводится роль второго по важности после медико-гигиенических факторов поддержания здоровья студенческой молодежи, наиболее склонной к несоблюдению режима сна, труда и отдыха [2, с. 104]. Место ФКС в структуре деятельности молодежи определяется ее жизненными стратегиями в определенный исторический период.

Например, в 1930-е гг. в СССР был популярен лозунг «Атлетом можешь и не быть, но физкультурником обязан!»³. Советская молодежь стремилась пройти спортивную подготовку в рамках программ «Готов к труду и обороне» (ГТО), чтобы эффективнее работать на благо Родины. В настоящее время популярность приобретают мотивы для занятий спортом, которые можно определить как эгоистические. М. Д. Красноперов,

¹ В Бурятии завершился масштабный фестиваль «Алтан Мундарга – 2025» // Официальный сайт Правительства Республики Бурятия URL: https://egov-buryatia.ru/minsport/press_center/news/detail.php?ID=190160 (дата обращения: 21.04.2025).

² Круглый стол ВЦИОМ и S+Консалтинг: «Спорт как индустрия развлечений» // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/kruglyi-stol-na-temu-sport-kak-industrija-razvlechenii-2> (дата обращения: 21.04.2025).

³ Хохлова Г. Спортсменом можешь ты не быть, а физкультурником обязан! // Сетевое издание «Наш Красноярский край». URL: <https://gnkk.ru/newspapers/sportsmenom-mozhesh-ty-ne-byt-a-fizkulturnikom-obyazan/> (дата обращения: 24.09.2024).

В. Ю. Барябина и Г. З. Самигуллина в 2024 г. выяснили, что у студентов гуманитарных вузов преобладали следующие мотивы: рекреационный, физического самоутверждения и достижения успеха в спорте. Мотив подготовки к профессиональной деятельности отсутствовал. У студентов технических вузов был отмечен преобладающий рекреационный мотив и физического самоусовершенствования, но отсутствовали мотивы социального самоутверждения, социально-эмоциональный, социально-моральный и подготовки к профессиональной деятельности [7, с. 177].

Исследовательский вопрос в этой связи можно сформулировать следующим образом: а как с вышеперечисленным соотносится увлечение молодежи национальными видами спорта? Каково их значение для молодежи? Как указано выше, для того, чтобы сохранить национальные виды спорта и обеспечить преемственность поколений, необходима поддержка их развития среди молодежи на различных уровнях управления. Однако, что конкретно дают молодежи занятия этими видами спорта? Можно ли экстраполировать концепции относящиеся к ФКС на национальные виды спорта?

Согласно нашей гипотезе, национальные виды спорта могут оказывать такое же влияние на молодежь, что и остальные виды спорта, а, кроме того, они придают ей дополнительные культурно-социальные характеристики. Например, способствуют формированию национального самосознания, чувству принадлежности своему народу и патриотизму. Научная проблема состоит в том, что эгоистические мотивы занятий ФКС, объединяющие в себе рекреацию и сбережение здоровья, должны были ограничить увлечение основной массы молодежи преимущественно фитнесом и несколькими популярными видами спорта, однако молодежь Бурятии вовлекается и в национальные виды тоже. Но степень их вовлечения неясна, непонятно также какой эффект это приносит обществу и молодежи. Отсутствие актуальных исследований о роли национальных видов спорта в жизни молодежи Бурятии видам спорта побудило нас к изучению данного вопроса.

По аналогичной проблематике имеются исследования у якутских коллег П. П. Андросова и В. К. Пельменева, которые, изучив роль национальных видов спорта для развития студенческого спорта в Республике Саха (Якутия), отметили высокую доступность занятий якутскими традиционными видами спорта, поскольку для них не требуются специальный спортивный инвентарь и сооружения. Кроме того, среди опрошенных П. П. Андросовой и В. К. Пельменевой якутских студентов национальные виды спорта оказались самыми популярными (20% – в случае, когда можно было выбрать только один вид спорта) [1, с. 80].

Таким образом, национальные виды спорта могут служить драйверами роста вовлеченности молодежи в ФКС в целом. Мы предполагаем, что с помощью ФКС и развития национальных видов формируется интерес к сохранению и развитию этнической, в нашем случае, бурятской культуры.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической основой исследования, направленного на определение значения национальных видов спорта для молодежи Республики Бурятия, послужил формализованный анкетный опрос, проведенный во время культурно-спортивного праздника «Республиканский Сурхарбан» (29–30 июня 2024 г.). Цель, задачи и гипотеза исследования коррелируют с изложенными в предыдущих разделах: выяснить, каково современное значение национальных видов спорта для молодежи республики по мнению самой молодежи и представителей старшего поколения, имеющих отношение к национальным видам спорта. Всего было опрошено 79 человек, вопросы анкеты корректировались с учетом возраста опрашиваемых. Респонденты представляли все присутствовавшие на спортивном празднике муниципальные образования республики. Шире всего представлены победители Сурхарбана – команда Закаменского района, г. Улан-Удэ как самое многочисленное муниципальное образование Республики (по 9 чел.). По категориям причастности к сфере ФКС опрошенные распределились следующим образом: спортсмены-любители (35 чел.), спортивные болельщики (12 чел.), тренеры, инструкторы, учителя физкультуры (10 чел.), спортсмены-профессионалы (9 чел.), административные работники ФКС (9 чел.), спортсмены-любители, выступившие в роли болельщиков на данном Сурхарбана (4 чел., далее – спортсмены-любители и болельщики).

Больше всего в выборке представлено спортсменов-любителей (35 чел.), поскольку опрос проводился на массовом мероприятии, и в задачи в т. ч. входило получение экспертных оценок о массовом спорте.

Спортсмены-профессионалы способны дать оценку перспективам молодежи к переходу из массового в профессиональный спорт. Участие в Сурхарбанах спортсменов-профессионалов (в смежных национальных видах) популяризирует национальные виды спорта и выводит соревнования на высокий спортивный уровень. Респондентам, назвавшим себя профессионалами, были заданы уточняющие вопросы. Так, ими оказались мастера спорта международного класса, члены сборных Республики Бурятия по самбо, вольной борьбе, тхэквондо, шахматам, стрельбе.

Административные работники сферы ФКС и тренерско-педагогический состав высказывали свои мнения с точки зрения воспитания молодежи и развития национальных видов спорта. Спортивные болельщики также обеспечивают освещение вопроса со стороны, но уже не в таком включенном, как предыдущие две категории, формате. По возрасту респонденты были распределены на следующие группы: младшая молодежь до 20 лет – 14 чел., молодежь 20–35 лет – 26 чел. Младшая молодежь представала равно в роли болельщиков и спортсменов-любителей. Категория молодежи в целом является наиболее многочисленной из опрошенных, ее большая часть – спортсмены-любители. Кроме того, обширно представлена и категория «35–50 лет» (19 чел.), которые также в основном оказывались спортсменами-любителями, потому что это активный, трудовой (он же спортивный) возраст. К категориям «50–65 лет» и «65+» относились по 10 чел. Представители старших групп в основном являются тренерами, служащими администрации сферы ФКС и болельщиками.

Также необходимо отметить, что половой состав опрошенных коррелирует с отчетами Минспорта Бурятии¹, где количество занимающихся спортом женщин составляет 33,3% от общего числа спортсменов: мужчин среди респондентов – 44, женщин – 35. Это соотношение оказалось близким к общероссийскому, где 38% доля женщин в общей численности, занимающихся каким-либо видом спорта².

Статистика РФ 2024 г. по национальным видам спорта показала такую картину – 52960 чел. (0,12% от общего числа занимающихся), из них женщин – 6471 (12,2%). Получается, что в национальных видах спорта России в основном участвуют мужчины (87,8%). Однако в бурятских национальных видах спорта у женщин есть возможность проявить себя в шахматах «шатар», игре в кости «шагай наадан», а также стрельбе из национального лука Сурхарбан и разбивании хребтовой кости «һээр шаалга», хотя их представительство в последнем виде значительно ниже, как показывают заявки на соревнованиях. Бурятские виды спорта в указанной статистике не учтены, так как не аккредитованы на федеральном уровне, в ней представлены в самых многочисленных категориях якутские и в меньшей степени – тувинские (например, мас-рестлинг, хуреш), а так как это силовые виды состязаний, то и женщин там мало. Отметим, что форма отчета 1-ФК Минспорта Республики Бурятия также унифицирована в соответствии с требованиями федеральной отчетности и там нет бурятских национальных видов спорта, чтобы оценить гендерный состав занимающихся ими. Поэтому в категории «национальные виды» отчета Минспорта РБ за 2024 г. наиболее многочисленным является якутский мас-рестлинг (92 чел.), включение бурятских видов спорта является важным административным вопросом. Придание национальным видам спорта статуса федерального может стать стимулом их дополнительного развития.

Репрезентативность исследования обеспечивается комплексным подходом к выборке: сочетанием необходимости получения экспертного мнения из разных категорий отношения к ФКС, от всех административно-территориальных единиц Бурятии, с учетом превалирования в числе опрошенных молодежи как основного объекта изучения.

Результаты исследования

Исследовать интерес к национальным видам спорта среди имеющих к ним отношение респондентов нельзя без опоры на ФКС, так как национальные являются его частью. Потому сначала мы выяснили, когда и где опрошенные начали увлекаться ФКС. Наиболее популярный

¹ Минспорта Республики Бурятия. Отчеты // Официальный портал Правительства Республики Бурятия. URL: https://egovburiatia.ru/minsport/activities/operations_results/ (дата обращения: 21.04.2025).

² Минспорта Российской Федерации // Официальный сайт Министерства спорта Российской Федерации. URL: <https://minsport.gov.ru/documents/1536/> (дата обращения: 21.04.2025).

ответ – в начальной школе (34 чел.), менее популярный ответ – в старшей школе (21 чел.), потом следуют детский сад (16 чел.) и работа (6 чел.), наименьшая доля пришлась на вузы и ссузы (2 чел.). Таким образом, в ФКС обычно вовлекаются в школьном образовании (55 чел.), достаточно высока доля тех, кто заинтересовался спортом еще до школы, что во многом является заслугой родителей, а не только образовательного учреждения. Это объясняется тем, что респонденты вовлечены в национальные виды спорта, а преемственность во многом поддерживается благодаря семьям.

Спортсмены-профессионалы единогласно ответили, что увлекаться начали рано – в начальной школе, но не в детском саду. Спортсмены-любители, административные работники и тренеры также чаще всего отмечали начальную школу, а спортивные болельщики заинтересовались спортом в более зрелом возрасте (старшая школа и работа). Получается, что для активного вовлечения населения в ФКС и, особенно, в национальные виды спорта, и чтобы сформировался устойчивый интерес к ним на долгие годы, лучше всего подходит начальная школа.

Кроме того, нас интересовало, в какие жизненные периоды респонденты занимались ФКС интенсивнее всего, чтобы подтвердить или опровергнуть предыдущий вывод. Самыми популярными вариантами выступили: «начальная» (22 чел.) и «старшая школа» (26 чел.), что респонденты объяснили количеством свободного времени. Спортсмены-профессионалы однозначно выбрали вариант «работа», что закономерно, тогда как спортсмены-любители, административные работники и болельщики в основном выбирали старшую школу, реже начальную. Тренеры почти в равной мере выбирали начальную и старшую школу, и работу. Детский сад выступил наименее популярным вариантом.

Далее нас интересовало, как именно разным категориям помог их интерес к ФКС (см. рис. 1).

Практически максимальный балл поставили респонденты по вопросам «сохранения хорошей физической формы» и «разнообразить досуг» – 4,73 и 4,83, соответственно. Причем спортсмены-профессионалы поставили высший балл именно досуговой функции ФКС, как и административные работники, и любители-болельщики, причем две вышеуказанные категории и физической форме выставили по 5 баллов. Таким образом, несмотря на то что респондентами признается положительная роль ФКС в социализации и формировании гибких навыков (умение достигать поставленных задач), а с их помощью и в карьерном росте, наибольшее влияние ФКС, по мнению большинства респондентов, распространяется на функции досуга и поддержания хорошей физической формы. Выявленные полезные эффекты распространяются и на национальные виды спорта. Правда, некоторые из них не получится использовать для поддержания хорошей физической формы, например, «шагай наадан» и «шатар».

Рис. 1. Распределение средних ответов на вопрос:
«Как занятия ФКС помогли мне в жизни» по 5-бальной шкале оценок
Figure 1. Distribution of the average answers to the question:
‘How did the sports activities help me in my life?’ on a 5-point rating scale

На следующий вопрос «Вы занимаетесь спортом, потому что...» были получены такие ответы: «Доставляет удовольствие» – ответили 73 респондента, 6 – что это «профессия». Профессию в качестве причины занятий спортом указали профессиональные спортсмены и некоторые тренеры, но никто из числа административных работников. Вариант «приносит преференции на учебе или работе» не выбрал никто, следовательно, национальный спорт развивается на энтузиазме, а материальное поощрение для опрошенных вторично. Так, на состязаниях по национальным видам спорта нередко в качестве призов выступают сельскохозяйственные животные (крупный и мелкий рогатый скот), что является отчасти данью традиции.

Далее респондентам было предложено выбрать до 10 включительно наиболее распространенных в Бурятии видов спорта. Здесь мы хотели выяснить, какое место национальные виды спорта занимают среди остальных видов спорта в Бурятии, по мнению лиц, так или иначе в них вовлеченных (см. табл.1).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение по наиболее распространенным в Бурятии видам спорта по категориям причастности к сфере ФКС, чел.
Distribution of the most widespread sports in Buryatia by categories of involvement in the sphere of sports and physical culture, people

Виды спорта	Общая сумма голосов	Спортсмены- профес- сионалы	Спортсмены- любители	Администра- тивные работники ФКС	Тренеры, инструкторы, учителя физкультуры	Спортсмены- любители и болельщики	Спортивные болельщики
Легкая атлетика	28	3	13	3	2	4	3
Спортивное ориентирование	5		3	2			
Хоккей с мячом	7	3	2		2		
Хоккей с шайбой	2						2
Футбол	24	3	13	3	3		2
Футзал	4		4				
Волейбол	43	3	25	5	3		7
Баскетбол	13	2	4	4			3
Стритбол	2			2			
Лыжные гонки	16	2	7	2	2		3
Плавание	4	-	2				2
Шахматы ФИДЕ	23	2	14	2		2	3
Шашки	6	-	4	2			
Борьба греко-римская и вольная	44	5	16	5	8		10
Стрельба из лука	44	5	14	5	6	4	10
Стрельба из пневматического оружия	8		2	2	2	2	2
Настольный теннис	19		12	3		2	2
Гиревой спорт	17	3	6	3	2	2	2
Ушу	6			2	2	2	2
Тхэквондо	4		2	2			
Киберспорт	4	2		2			
Конные скачки «Мори урилдаан»	26	2	11	4	2	4	3
Шахматы «Шатар»	23		13	3	3	4	5
Национальная борьба «Бухэ Барилдаан»	45	7	15	5	8	4	6
Стрельба с национального лука «Сурхарбан»	40	3	18	5	2	4	8
Игра в кости «Шагай наадан»	34	2	12	4	3	4	9
Разбивание хребтовой кости «Хээршаалган»	36	3	15	3	5	4	6
Бокс	3	3					

Принципиальных отличий в ответах по категориям респондентов выявлено не было: ни по территориям, ни по когортам. С учетом того, что опрос проводился на Сурхарбане, традиционные бурятские виды спорта активно отмечались респондентами, и картина по ним получилась позитивной. Сравним, как они коррелируют со схожими не национальными видами. Так, наиболее популярными оказались борьба греко-римская и вольная (44 чел.) и национальная борьба «Бухэ Барилдаан» (45 чел.). Далее шли: стрельба из лука (44) и стрельба из национального лука Сурхарбан (40 чел.), шахматы и шахматы «Шатар» (по 23 чел.), игра в кости «Шагай наадан» (34 чел.), разбивание хребтовой кости «һээр шаалга» (36 чел.) и конные скачки «Мори урилдаан» (26 чел.), они аналогов не имеют. По данным Республики Бурятия¹, обычные конные скачки в 2023 г. привлекли 1163 чел. (0,4% от занимающихся спортом РБ). Рассмотрим и остальные виды спорта схожим образом: шахматы (7816 чел.), дзюдо (1701 чел.), самбо (2686 чел.), спортивная борьба (10051 чел.), стрельба из лука (3969 чел.), тхэквондо (1318 чел.). По результатам опроса наиболее популярным, наравне с национальной борьбой и луком (45 и 44), выступил волейбол (43), в то время как популярность футбола (24) и легкой атлетики (28) сравнима с оставшимися национальными видами (шатар – 23).

В целом же, по отчетам Минспорта РБ наиболее популярными и массовыми видами спорта являются командные: волейбол (47 728 чел.), футбол (40 503 чел.) и баскетбол (16 451 чел.), а из индивидуальных – легкая атлетика (17 813 чел.) и спортивная борьба. Что касается зимних видов спорта, то, как и в нашем опросе, по данным Минспорта РБ, лыжные гонки (12 231 чел.) популярнее хоккея с мячом (4663 чел.), однако все равно уступают летним. Поэтому данные между собой корреспондируют. На основе сравнения данных нашего опроса и данных Минспорта Бурятии можно сделать вывод, что для вовлеченных в национальные виды спорта они занимают значимое место и кажутся распространенными. Однако волейболу уступает самый популярный национальный спорт – бурятская борьба, даже если допустить, что занимающихся им в отчете Минспорта вписали в категорию «спортивная борьба».

Для развития национальных видов важно получить официальное закрепление в отчетных документах – для объективной оценки уровня их развития, которое необходимо для корректировки программ развития и сохранения бурятской культуры. Поскольку для молодежи роль национальных видов спорта не ограничивается одной лишь социализацией, важен и элемент приобщения к традициям предков, необходима поддержка государства, а чтобы оценить ее эффективность нужен мониторинг. Ниже рассмотрим различия в ответах мужчин и женщин (табл. 2).

¹ Минспорт Республики Бурятия. Отчеты // Официальный портал Правительства Республики Бурятия. URL: https://egovburiatia.ru/minsport/activities/operations_results/ (дата обращения: 21.04.2024).

Таблица 2 (Table 2)

Распределение самых распространенных видов спорта по полу, чел.

Distribution of the most widespread sports in Buryatia by categories of involvement in the sphere of sports and physical culture, people

Виды спорта	Женщины, количество голосов	Мужчины, количество голосов
Легкая атлетика	16	12
Спортивное ориентирование	3	2
Хоккей с мячом		7
Хоккей с шайбой	2	0
Футбол	10	14
Футзал	0	4
Волейбол	20	23
Баскетбол	8	5
Стритбол	1	1
Лыжные гонки	10	6
Плавание	4	0
Шахматы ФИДЕ	13	10
Шашки	3	3
Борьба греко-римская и вольная	18	26
Стрельба из лука	20	24
Стрельба из пневматического оружия	6	2
Настольный теннис	14	5
Гиревой спорт	7	10
Ушу		2
Тхэквондо	2	2
Киберспорт	0	4
Конные скачки «Мори урилдаан»	16	10
Шахматы «Шатар»	13	10
Национальная борьба «Бухэ Барилдаан»	20	25
Стрельба с национального лука «Сурхарбан»	22	18
Игра в кости «Шагай наадан»	20	14
Разбивание хребтовой кости «Хээршаалган»	16	20
Бокс	0	3

Разница в ответах заметна. Так как среди респондентов женщин было меньше, рассмотрим только те виды спорта, где у женщин голосов было больше: игра в кости «Шагай наадан», стрельба из национального лука «Сурхарбан», шахматы «Шатар» и конные скачки «Мори Урилдаан». Женщины чаще отдавали предпочтение национальным видам спорта,

особенно тем, в которых они участвуют. Кроме них, популярны у женщин настольный теннис, стрельба из пневматики, шахматы, лыжи, плавание, баскетбол и легкая атлетика. Результаты ожидаемы и коррелируют с данными Минспорта РБ, за исключением шахмат – там доля женщин меньше, чем в вышеперечисленных видах спорта. Мужчины предпочитают борьбу и силовые виды, волейбол любят все.

Далее респондентами оценивалось значение ФКС для молодежи по 5-балльной шкале. Основная роль ФКС отводится формированию досуга и поддержанию здоровья (4,03 и 4,36 балла), а также социализации (4,5). В вопросе о потенциальном вреде ФКС для учебы респонденты сошлись во мнении, что почти не вредит (1,3). О том, кто чаще всего занимается спортом в зависимости от уровня успеваемости, большая часть респондентов (51 чел.) ответила, что не имеет значения. А в личной беседе добавляли, что ФКС – одна из немногих отраслей, где уравнины и троечники, и отличники. Однако тренеры отметили, что для учащихся с низкой успеваемостью из-за сужения других возможностей ФКС – это более значимый социальный лифт, и они проявляют больше прилежания и энтузиазма именно в спорте. Данное уточнение важно, так как объясняет, почему спорт как социальный лифт рассматривают в основном профессионалы и тренеры (4,44 и 4,1), меньше всего с этим согласны спортсмены-любители (3,48). Возможно, причина в том, что им лично не получилось воспользоваться этим как таковым.

Национальный спорт тоже может послужить социальным лифтом ввиду того, что победители Сурхарбана традиционно пользуются уважением среди членов рода и не только. Поэтому неуспевающие в учебе ученики могут добиться уважения сверстников, если, к примеру, путем усердных тренировок победят в национальной борьбе или продемонстрируют выдающиеся волевые и силовые навыки в разбивании хребтовой кости КРС. К тому же, через национальные виды можно прийти и в профессиональный спорт. Например, из стрельбы из национального лука в раннем детстве в классическую стрельбу из лука (старейший олимпийский вид спорта).

Также необходимо отметить, что наибольшую значимость ФКС в качестве инструмента социализации молодежи указывают те, кто непосредственно занят работой с ней, т. е. тренеры (4,6). Следовательно, ФКС в целом и национальный спорт в частности являются полезной практикой для молодого поколения.

В вопросе о сложности вовлечения в ФКС студенческой молодежи, которая ранее не была вовлечена и уже не имеет перспектив перехода в профессиональный спорт, мы опирались и на ранее анализировавшиеся ответы, что в ссузе/вузе заниматься начало наименьшее число опрошенных. Так, по шкале оценивания от 0 до 5, где 5 – очень сложно, респонденты ответили в среднем на 3,21 балла. Представители администрации и тренеров ответили: 4,44 и 2,3 балла. Разница существенная: тренеры оптимистичны, административные работники – нет. Административные работники видят ситуацию в целом, тренеры на местах,

причем конкретно взятая нами выборка педагогов могла не столкнуться со сложностями. Данные по административным работникам выглядят более репрезентативными.

При ответе на вопрос о том, стала ли молодежь за последние 10 лет заниматься ФКС больше, меньше или одинаково, большинство оценило ситуацию оптимистично: 51 чел. – больше, 11 чел. – одинаково. Причем управленцы единогласно ответили, что больше. Оптимистично оценили ситуацию и тренеры – 8 чел. выбрали вариант «больше». Таким образом, по ФКС в целом отмечена положительная динамика, значит есть база и для развития национальных видов спорта. Тем более что для этого есть и иные предпосылки.

Так, на вопрос о том, повлияют ли введенные в последние годы рестрикции ряда международных спортивных организаций против российского спорта на карьерные устремления подающей надежды молодежи, мнения разделились: 36 чел. считают, что нет; однако большая часть (43 чел.), что да и часть талантливой молодежи выберет другую карьеру. По категориям «да» наиболее весомым результатом отметились профессиональные спортсмены (6 из 9 чел.), административные работники (7 из 9 чел.) и болельщики (9 из 12 чел.). Спортсмены-любители (15 из 35 чел. – «да») и тренеры (4 из 10 чел. – «да») оказались более оптимистичны. В условиях длительного ограничения спорта высших достижений целесообразно уделить больше внимания развитию спорта внутри страны.

На примере Республики Бурятия заметно, что развитие национальных видов спорта помогает региональной молодежи приобщиться к традициям своего народа. Это важно для укрепления института семьи и связи поколений, что в свою очередь коррелирует с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных семейных ценностей. Согласно части 5 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», к числу традиционных ценностей относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Национальные виды спорта отражают преемственность поколений и историческую память, сохраняя в себе элементы традиционных занятий бурятского народа: скотоводство (шагай наадан, хээр шаалга и мори урилдаан), охоту и военное дело (стрельба из национального лука Сурхарбан и борьба бухэ барилдаан). Скотоводство является созидательным трудом, а приоритет духовного над материальным обеспечивает то, что состязания по национальным видам спорта почти всегда подразумевают культурную программу, а также часто проходят при поддержке Буддийской традиционной Сангхи. В некоторых национальных видах спорта присутствует взаи-

мосвязь с буддизмом. Например, перед началом борьбы «Бухэ барилдаан» борцы исполняют «Танец орла», что отсылает к птице Гаруда, одному из земных воплощений Будды Шакьямуни¹. Патриотическая ценность национальных видов заключается в формировании более крепкой связи со своей малой Родиной. Единство народов России выражается в том, что, например, в Сурхарбане принимают участие и районы Республики, где этнически больше русских.

Так с помощью развития национальных видов спорта молодежь Бурятии мотивируется к приобщению к культуре бурятского народа. Для русской части молодежи Бурятии это ценно, так как способствует формированию межэтнических связей и дружбы. Интерес возникает благодаря тому, что национальные виды спорта Бурятии отличаются высокой зрелищностью (һээр шаалга, бухэ барилдаан), а также весомая часть из них предполагает участие в состязаниях в национальном костюме.

Таким образом, было выявлено, что вовлечение в национальные виды спорта имеет существенное значение для молодежи Бурятии в контексте духовно-нравственного совершенствования и преемственности поколений. О духовном совершенствовании говорит тот факт, что большая часть соревнований по национальным видам проводится при поддержке Буддийской традиционной Сангхи [13, с. 177], а свидетельством нравственного совершенствования является тот факт, что юные победители соревнований нередко отправляют призовые на нужды СВО².

По вопросу вовлечения молодежи Бурятии в национальные виды спорта было три варианта ответа: первый – вовлекаются охотно, второй – с усилиями, третий – тяжело вовлечь. Превалировали с минимальной разницей первый и второй (37 и 39 чел., соответственно) варианты, следовательно, молодежь Бурятии вовлекается в национальный спорт довольно активно. Однако заметим, что это мнение людей так или иначе вовлеченных в него, поэтому наиболее показательными здесь являются ответы представителей администрации и тренеров – никто из них не ответил, что не вовлекаются, но при этом большая часть отметила, что приходится прилагать усилия. Это как раз категории, непосредственно занятые решением данной проблемы. Молодежь вовлекается, но административным работникам приходится держать это на контроле, а тренерам активно работать по вовлечению – иначе результата не будет.

Был задан вопрос о способах вовлечения молодых в национальный спорт. Так, роль просмотра спортивных состязаний в качестве такого средства оценили в среднем на 4 из 5 баллов: наиболее высоко его оценили административные работники (4,67), а наименее (3,5) – спортсмены-любители, болельщики указали средний балл (4,15). В 2019 г. В. Ц. Цыренова

¹ Броски, подсечки и толчки: история и секреты традиционной бурятской борьбы барилдаан // Чита Онлайн. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2022/10/09/71709170/> (дата обращения: 24.04.2025).

² Мальчик из Бурятии отправил выигранные на состязаниях 500 рублей бойцам СВО // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230629/buryatiya-1881103821.html> (дата обращения 21.04.2025).

и В. С. Аюшеева исследовали мотивы занятий национальными видами спорта у студентов Бурятского государственного университета, так или иначе вовлеченных в него. Они выяснили, что главным мотивом является развитие личностных качеств: уверенность, ответственность, уважение к старшим, следующим по значимости мотивом выступили развитие духовных качеств, этнокультурных традиций. Также студентами отмечались возможности расширения социальных коммуникаций, общения с известными в этой сфере людьми и на последнем месте – получение материального вознаграждения [13, с. 178]. Это коррелирует с данными нашего опроса, где материальный мотив также не был выделен респондентами. Значима социализирующая роль ФКС и развития «мягких навыков», т. е. навыков, не связанных с определенной профессией, а необходимых в любой сфере жизни. Например, целеполагание, коммуникативность, эффективное управление личным временем. Все вышеперечисленное в той или иной степени позволяет усовершенствовать систематические занятия ФКС.

Выводы

В ходе исследования было выявлено, что национальные виды спорта в Бурятии знают даже представители муниципальных образований с преобладанием небурятского населения. В них вовлекается молодежь, хотя это требует приложения усилий со стороны администрации и педагогов.

Также было установлено, что национальным видам спорта требуется оформление на федеральном уровне для осуществления объективной оценки состояния развития. В настоящий момент наиболее популярными из национальных видов спорта в Бурятии являются борьба «Бухэ барилдаан» и стрельба из традиционного лука Сурхарбан. Данные виды спорта могут служить и основой для вовлечения молодежи в профессиональный спорт путем раннего (дошкольного) приобщения к национальному спорту через семью и преемственность поколений. Это имеет важное значение, если рассматривать спорт как социальный лифт. Кроме того, высокий потенциал для развития бурятских национальных видов спорта заключается в их большей приспособленности для женщин. Так как наблюдается существенное преобладание мужчин среди занимающихся по всем видам спорта, возможно, через национальные виды спорта и традиционную культуру можно привлечь больше девушек в сферу ФКС в целом.

Важным национальный спорт является и с точки зрения духовного и физического совершенствования, развития «мягких навыков», социализации и формирования досуга. Национальные виды спорта, как показали результаты Сурхарбана-2024, сохраняются и развиваются в сельской местности (тройка победителей представляет сельские районы¹). Там, где досуговые возможности ограничены, повышается риск развития девиаций у молодежи.

¹ Команда Закаменского района забрала главный Кубок «Наадан-Сурхарбан-2024» // БГТРК. URL: <https://bgtrk.ru/news/sport/250890/> (дата обращения: 21.04.2025).

В текущей ситуации, когда из-за антироссийских рестрикций спорт высших достижений находится в сложном положении, считаем необходимым уделить особое внимание развитию массового спорта и его неотъемлемой части – национальному спорту. Он может служить основой для сохранения традиций и культуры региона, а также его гармоничного социального развития, что в свою очередь, позволит обогатить Российскую Федерацию лучшими практиками духовно-физического совершенствования с учетом многовекового опыта ее многонационального народа, тогда как чрезмерная унификация приводит к потере уникальных практик и качеств.

Библиографический список

1. Андросов П. П., Пельменев В. К. Роль национальных видов спорта для развития студенческого спорта в Республике Саха (Якутия) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1(74). С. 80–82. EDN: MYRNVH.
2. Брыкова С. С. Спортивная молодежь как особая социальная группа // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 229–233. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-5-229-233; EDN: XZFTBN.
3. Бубновская О. В., Якубенко К. А. Факторы девиантного поведения российской молодежи с учетом социально-экономического развития регионов // Экономическая социология. 2024. № 4(25). С. 46–94. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-4-46-94; EDN: LOSNEB.
4. Бымбыгыденова С. Б. Национальные виды спорта как средство социально-духовного развития молодого поколения на примере факультета «Физическая культура и туризм» Республиканского многоуровневого колледжа) // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2013. № 5. С. 87–91. EDN: QBTYNV.
5. Ивахненко Г. А. Здоровьесберегающие технологии в российских вузах // Вестник Института социологии. 2013. Т. 4 № 1. С. 99–111. EDN: QAPDZF.
6. Каурова О. А., Слепнева Л. Р., Имидеева И. В. Трудовой потенциал сельских территорий Республики Бурятия: состояние и тренды // Вестник МГПУ. Экономика. 2024. № 3(41). С. 69–80. EDN: CBWDBP.
7. Красноперов М. Д., Барябина В. Ю., Самигуллина Г. З. Мотивы занятия физической культурой и спортом у студентов ВУЗа // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2024. № 1(19). С. 174–179. EDN: CAAAVE.
8. Лубышева Л. И. Социология физической культуры и спорта: уч. пос. для студентов вузов. М.: Академия, 2010. 269 с. EDN: QYALXF.
9. Самыгин С. И., Самыгин П. С., Попов М. Ю. Спорт как институт социализации современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 76–82. EDN: TIBUAV.

10. Сентизова М. И., Гурьева А. В., Старостина А. С. Сравнительный анализ национальных видов спорта в понимании студентов, вовлеченных в спорт высших достижений и массовый спорт // Теория и практика физической культуры. 2020. № 9. С. 32–33. EDN: LZHDJZ.
11. Трофимова И. Н. Молодежь группы риска и спорт // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 60–86.
12. Трунева Л. А., Пузанков Ю. В. Праздник Сурхарбан как часть национальной культуры бурят // История и современность. 2018. № 4(30). С. 76–87. DOI: 10.30884/iis/2018.04.04; EDN: YPUPDN.
13. Цыренов В. Ц., Аюшеев В. В. Национальные виды спорта как средство культурного развития студентов // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. С. 176–178. EDN: ZIXHPN.
14. Cronin L., Ellison P. et al. A self-determination theory based investigation of life skills development in youth sport // Journal of Sports Sciences. 2022. No. 8. P. 886–898. DOI: 10.1080/02640414.2022.2028507.

Получено редакцией: 25.09.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Брыкова Светлана Сергеевна, аспирант кафедры политологии и социологии, преподаватель кафедры экономической теории, государственного и муниципального управления

DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.10

National Sports in the Life of Regional Youth (The Case of the Republic of Buryatia)

Svetlana S. Brykova

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

s8yckova@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-0422-7658

For citation: Brykova S. S. National sports in the life of regional youth (the case of the Republic of Buryatia). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 2. P. 189–207. DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.10; EDN: RYVGNF.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the significance of national sports for the youth of Buryatia. According to the hypothesis of the study, this significance is broader than just physical development. Among other things, through national sports it is possible to implement state policy on the preservation and development of traditional values, as well as reduce the risk of deviations among young people.

Today, egoistic motives for physical education and sports are gaining popularity among regional youth. At the same time, young people are not limited to fitness and several popular sports, national sports are also actively developing in the regions, including among young people. The purpose of this article is to determine how these sports influence young people, how they differ from widespread types of physical education and sports. The theoretical basis of this work is the works of Buryat and Yakut researchers, the empirical basis is the data of Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) and the Ministries of Sports of Russia and Buryatia, as well as the results of the author's independent research.

The survey was conducted among professional athletes, amateur athletes, coaches, representatives of physical education and sports management bodies, as well as experienced sports fans involved in national sports. The age of the respondents ranged from 14 to 78 years. Thus, both modern youth were directly interviewed, and the opinions of those involved in working with them were taken into account. The survey was conducted at the

anniversary cultural and sports festival of national sports “Nadaan Surkharbaan” – 2024, so the sample is represented by all municipal districts of the Republic of Buryatia and the regional center, with the exception of two districts that did not participate in the competition.

The author comes to the conclusion that today, when due to politically motivated anti-Russian restrictions, high-performance sports are in a difficult situation, it is necessary to pay special attention to the development of mass sports, and its integral part – national sports. They can become one of the significant components of the harmonious social development of regions, taking into account the peculiarities of traditions and the unique culture of the peoples of the Russian Federation.

Keywords: sociology of sport, national sports, youth, Republic of Buryatia, physical culture and sport, traditional values

References

1. Androsov P. P., Pelmenev V. K. The role of national sports for the development of students' sports in the Republic of Sakha (Yakutia). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2019: 1(74): 80–82 (in Russ.). EDN: MYRNVH.
2. Brykova S. S. Sports youth as a special social group. *Vlast* ' , 2024: 32: 5: 229–233 (in Russ.). ; DOI: 10.24412/2071-5358-2024-5-229-233; EDN: XZFTBN.
3. Bubnovskaya O. V., Yakubenko K. A. Factors of deviant behavior of Russian youth taking into account socio-economic development of regions. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2024: 4 (25): 46–94 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2024-4-46-94; EDN: LOSNEB.
4. Bymbygydenova S. B. National sports as a means of socio-spiritual development of the younger generation on the example of the Faculty of Physical Culture and Tourism of the Republican multi-level College). *Vestnik BGU. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo*, 2013: 5: 87–91 (in Russ.). EDN: QBTYNV.
5. Ivakhnenko G. A. Health-saving technologies in Russian universities. *Vestnik instituta sotziologii*, 2013: 4: 1: 99–111 (in Russ.). EDN: QAPDZF.
6. Kaurova O. A., Slepneva L. R., Imideeva I. V. Labor potential of rural areas of the Republic of Buryatia: status and trends. *Vestnik MGPU. Ekonomika*, 2024: 3(41): 69–80 (in Russ.). EDN: CBWDBP.
7. Krasnoperov M. D., Baryabina V. Yu., Samigullina G. Z. Motives of physical education and sports among university students. *Pedagogiko-psihologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*, 2024: 1(19): 174–179 (in Russ.). EDN: CAAAVE.
8. Lubysheva L. I. *Sociologiya fizicheskoy kul'tury i sporta*. Moscow, Akademiya, 2010: 269 (in Russ.). EDN: QYALXF.
9. Samygin S. I., Samygin P. S., Popov M. Yu. Sport as an institute of socialization of modern Russian youth. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2015: 1: 76–82 (in Russ.). EDN: TIBUAV.
10. Sentizova M. I., Guryeva A. V., Starostina A. S. Comparative analysis of national sports in the understanding of students involved in high-performance sports and mass sports. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2020: 9: 32–33 (in Russ.). EDN: LZHDJZ.
11. Trofimova I. N. Youth of the risk group and sport. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2013: 2: 60–86 (in Russ.).
12. Truneva L. A., Puzankov Yu. V. The Surkharban holiday as a part of the national culture of the Buryats. *Istoriya i sovremennost'*, 2018: 4 (30): 76–87 (in Russ.). DOI: 10.30884/iis/2018.04.04; EDN: YPUPDN.
13. Tsyrenov V. Ts., Ayusheev V. V. National sports as a means of cultural development of students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2019: 2: 176–178 (in Russ.). EDN: ZIXHPN.
14. Cronin L., Ellison P. et al. A self-determination theory based investigation of life skills development in youth sport. *Journal of Sports Sciences*, 2022: 8: 886–898. DOI: 10.1080/02640414.2022.2028507.

The article was submitted on: September 25, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana S. Brykova, Postgraduate student at the Department of Political Science and Sociology, Lecturer at the Department of Economic Theory, Public and Municipal Administration

ВЕСТНИК *Института* **Социологии**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория K1, индексируется RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2025. Том. 16. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2025.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>